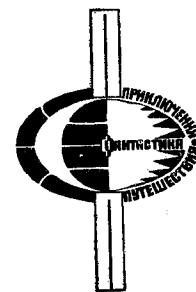


Абэ Кобо

2



А. ЕРМОЛАЕВ

Библиотека  
современной  
фантастики  
в 15 томах

Абэ Кобо

Четвертый  
ледниковый  
период

Тоталоскоп

том

2

МОСКВА, 1965

● ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

От переводчика

安部公房  
第四間冰期

Tokyo, 1963

Художник  
Е. ГАЛИНСКИЙ

Перевод с японского  
С. БЕРЕЖКОВА

Редактория:  
К. АНДРЕЕВ,  
А. ГРОМОВА,  
И. ЕФРЕМОВ,  
С. ЖЕМАЙТИС,  
Е. ПАРНОВ,  
А. СТРУГАЦКИЙ

Читатель, открывший в июле 1958 года свежую книжку журнала «Сэкай», был поражен. В номере начиналась новая повесть Абэ, писателя, заслужившего высокую оценку японской критики как представителя «чистой литературы». «Четвертый ледниковый период» — название повести несколько странное, но дело даже не в названии. «Сэкий» — журнал с репутацией. Это «толстый», солидный ежемесячник, не без левизны в отделе критики, но печатает он произведения исключительно классического типа, с глубокими мыслями, без всяких склонностей на неподготовленного читателя. И Абэ — серьезный автор. Кажется, в литературе придерживается западноевропейской ориентации: достаточно вспомнить одно из его первых произведений — «Преступление господина Кадумы», которое так странно перекликается с «Метаморфозой» Кафки, или роман «Звери идут на нас», опубликованный в позапрошлом году. Итак, «Четвертый ледниковый период». Читатель листает повесть, и его охватывает смущение. Программирование... Электронная машина... Пульт управления... Да ведь это же чистой воды научная фантастика! Нет, читатель ничего не имеет против научной фантастики как таковой. Это неплохое чтиво, чтобы развлечься. Он сам иногда почитывает в вагоне электрички по дороге на службу выпуски «Эс-Эф магадзин», перепечатку на японском языке американского журнала научной фантастики. Он временами заглядывает даже в роскошно изданные научно-фантастические романы весьма популярного у детей молодого писателя и астронома Сэгавы, которого именуют японским Жюлем Верном, — «Цветут цветы на Марсе», «61 Лебедя» и другие. Но чтобы Кобо Абэ... и вдобавок в журнале «Сэкий»...

Впрочем, читатель вспоминает, что Абэ уже немножко грешил фантастикой. Что-то такое передавали по телевидению. «Охота за рабами» — про людей-животных и «Корабль-экспресс» — про лекарство-панацею. Показывали еще «Изобретение Р-62» — это про робота, который научился делать людей, очень забавно, и «Привидения живут здесь» — про лавку привидений. Да, очень забавно; но, насколько помнится, не совсем самостоятельно, чувствуются влияния, заметны заимствования... Но что может означать научно-фантастическая повесть на страницах такого — не будем бояться этого слова — склонного к снобизму журнала, как «Сэйкай»?

Но вот повесть прочтена. Она была написана на высоком литературном уровне, свойственном Абэ. Несмотря на научные термины, научно-фантастический антураж и совершенно фантастические ситуации, повесть эта, как и другие произведения «большой» литературы, имеет дело с психологией среднего человека. И, говоря по правде, она явилась в японской литературе чем-то новым, свежим, необычайно интересным и читалась залпом.

А самое главное — конфликт «Четвертого ледникового периода» выходил далеко за пределы обычных конфликтных ситуаций вроде любовного треугольника, бесславного восхождения к вершинам общества ценой попрания совести, всякого рода саморазоблачений и так далее. Он был совершенно необычен, этот конфликт. Вторжение будущего в настоящее. Испытание пригодности человека для будущего. Непреходящая враждебность повседневной обыденности в отношении будущего. Повесть заставляла переживать эти необычные проблемы.

Более того, повесть заставляла думать! Она напоминала о громадной ответственности каждого человека перед обществом — особенно в такие поворотные эпохи истории, как наша. Наш мир идет к тупику, утверждает автор. Забыты высокие идеалы, остановилось общественное развитие, в духовной жизни царят цинизм, разочарование, любые перемены внушают ужас. Это начало конца, начало деградации.

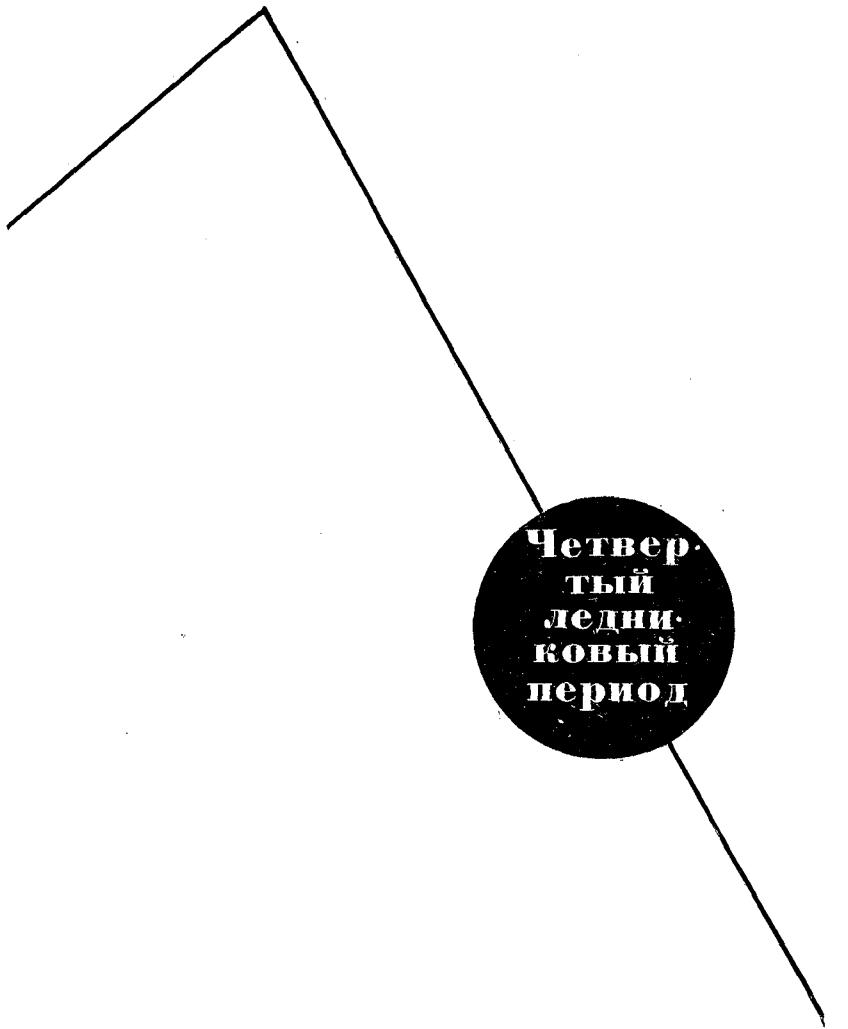
Но, говорит он, оглянитесь с завистью на другой мир, на Советский Союз! Вот кому ничто не грозит, вот кто ничего не боится, потому что еще в начале века он вступил на правильный путь и с тех пор смело глядит в будущее! И потому ему одному не грозит катастрофа, его одного не захлестнут кипящие волны диковинного и жестокого грядущего, надвигающегося на нас, грядущего, которое не оставит нам места на Земле, разве что в качестве экспонатов в музеях.

Конечно, и среди нас есть люди, которые сознают значение темной тени, уже упавшей на человечество по эту сторону «железного занавеса», они работают для спасения того, что еще можно спасти, но их так мало, и они работают тайком — ведь мещанская болото, окружающее их, враждебно им; осознав свою обреченность, оно может все уничтожить в припадке последнего животного ужаса и ненависти. Даже лучшие из этих меценатов, ученые и изобретатели, оказываются не в силах вынести очной ставки с жестоким будущим своего мира и, как честные люди, сами приговаривают себя к смерти.

Будущее и только будущее является высшим и единственным судьей настоящего. Судьей неподкупным и строгим. И чтобы смело глядеть в глаза этому судье, нужно отрешиться от представления о непрерывности обычательского бытия, нужно осознать свою ответственность и жить, работать, бороться на основе этого осознания.

Странная история профессора Кацуки, талантливого ученого и пошлого обычателя, поразила воображение и заставила задуматься, вероятно, не одного читателя в Японии. Повесть Абэ является первым настоящим, в современном смысле этого слова, произведением японской научной фантастики и, несомненно, выдающимся явлением в фантастике мировой. Советский читатель узнал и запомнил имена Ефремова, Лема, Брэдбери. Есть все основания надеяться, что запомнит он и имя Абэ.

---



Четвертый ледниковый период

# ПРЕЛОДИЯ

Толстые пласти ноздреватого ила на пятикилометровой глубине, неподвижные и мертвые, косматые, словно шкура допотопного зверя, вдруг вспутились, поднялись и сейчас же распались, обращаясь в кипящие темные тучи, гася бесчисленные звездочки планктона, роившиеся в прозрачном мраке.

Обнажилось изрезанное трещинами скальное основание подводной равнины. Из трещин, выбрасывая обильную пену, полезла вязкая, светящаяся бурым блеском масса и протянула на несколько километров скрюченные, как корни старой сосны, отростки. Продуктов извержения становилось все больше, исчезло темное сияние магмы, и уже только исполинский столб пара, бешено крутясь и разбухая, беззвучно и

# ПРОГРАММНАЯ КАРТА НОМЕР ОДИН

Электронно-  
счетная машина  
есть своего рода  
думающая машина.  
Она способна  
думать,  
но не может  
ставить проблемы.  
Чтобы машина думала,  
нужно ввести в нее  
так называемую  
программную карту—  
лист вопросов,  
написанных  
на машинном  
языке

стремительно поднимался сквозь тучи взбаламученного ила. Но даже этот столб бесследно исчезал задолго до поверхности, растворяясь в немоверной водной толще.

Как раз в это время в двух милях к западу проходило курсом на Йокогаму грузо-пассажирское судно. Когда корпус его везапно содрогнулся и заскрипел, это обстоятельство не вызвало ни у команды, ни у пассажиров никакой тревоги. Они ощущали лишь мимолетное недоумение. Вахтенный офицер на мостике не без удивления отметил стаю дельфинов, испуганно выпрыгнувших из воды, а также мгновенное, хотя и незначительное, изменение цвета моря, но эти явления не показались ему заслуживающими специального упоминания в судовом журнале. В небе расплавленной ртутью сверкало июньское солнце.

Между тем неуловимое колебание воды — зародыш гигантского цунами — уже катилось в океанских глубинах к матерiku волнами невероятной длины и со скоростью в двести семьдесят километров в час.

**1** Когда я вошёл, мой ассистент Ерики, копавшийся в запоминающем устройстве, обернулся ко мне и спросил:

— Ну что там, в комиссии?

Видимо, лицо мое выражало полное отчаяние, потому что он, не дожидаясь ответа, шепотом выругался и отшвырнул инструменты.

— Веди себя прилично! — сказал я.

Он нехотя нагнулся и подобрал отвертку. Затем, подбрасывая ее на ладони, он осведомился, выпячивая челюсть:

— Так когда же все-таки можно приступить к работе?

— Почем я знаю!

Я был зол и не мог без раздражения видеть, как сердятся другие. Ставив с себя пиджак, я швырнул его на панель управления. В тот же момент мне почудилось, будто машина включилась. Заработала по своей воле, сама собой. Этого, конечно, быть не могло. Галлюцинация. Но в эту секунду в голове моей мелькнула какая-то необычайная мысль. Я попытался удержать ее — и не смог. Забыл. Вот мерзость, до чего же жарко...

— Они предложили какой-нибудь другой план?

— Они предложат, держи карман!

Ерики помолчал, затем сказал тихо:

— Я спущусь вниз на минутку.

— Ступай. Делать все равно нечего.

Я сел на стул и закрыл глаза. Стук дере-

вянных каблуков Ерики удалялся. Любопытно, почему в Японии почти все молодые научные работники носят сандалии на деревянных каблуках? Вот странная манера. По мере удаления шаги становились быстрее... Вероятно, воспыпал решимостью что-то предпринять.

Я открыл глаза и сразу, как нечто необыкновенно значительное, увидел на полке перед собой четыре папки с вырезками из газет и журналов. Статьи за эти три года, начиная с того дня, когда былапущена в ход знаменитая «МОСКВА-1». Все статьи о машинах-предсказателях. Это путь, пройденный мною. И там, на последней странице в последней папке, мой путь закончится.

**2** А первой страницей в первой папке была статья одного научного обозревателя, того самого, который потом столь радикально изменил свои взгляды. В этом было что-то циничное.

Статья начиналась словами: «Ученые, откройте глаза!» Как если бы автор и был создателем предсказывающей машины. «Машина времени Уэллса», — продолжал он, — оказывается наивной выдумкой лишь потому, что Уэллс рассматривал передвижение по времени в пространственном смысле. Человек наблюдает микроорганизмы исключительно при посредстве микроскопа. Но кто осмелится сказать, что он не наблюдает микроорганизмы, поскольку не видит их пневоруженным глазом? Совершенно аналогично человечество получило возможность своими глазами заглянуть в будущее при посредстве машины-предсказателя «МОСКВА-1». Машина времени; наконец, существует! Мы стоим перед новым поворотом в истории цивилизации!»

Да, пожалуй, сказать так было можно. Но до чего в этой статье все было преувеличено! Если бы спросили меня, я сказал бы, что никакого будущего автор статьи не видел. Видел он всего несколько кадров из кинохроники.

Вот что тогда демонстрировали Сначала часы, показывающие полдень, и огромная раскрытая ладонь. Рядом телевизор, на его экране то же самое изображение. Подается команда: ровно в час сжать руку в кулак. Инженер у панели управления поворачивает верньеры, часы на экране телевизора показывают час. С момента подачи команды проходит всего тридцать секунд, но на экране прошел час, и рука на экране твердо сжимается, в то время как ладонь возле телевизора остается раскрытой.

Затем демонстрировались такие эксперименты. Когда отдавался приказ напугать через час спящую птицу, птица на телеэкране испуганно вспархивала. Когда отдавался приказ через час разжать пальцы, сжимающие стакан, стакан на телеэкране падал на пол и разбивался вдребезги...

Не мудрено, что это поражало воображение. Я и сам вначале был порядком ошеломлен. Но дело не в этом. Прошло три года... другими словами, пошла четвертая папка вырезок, и тот же самый обозреватель запел по-иному.

«В истинном смысле предсказания в нашей вселенной, по-видимому, не могут осуществляться. (Даже в фразеологии его ощущалась какая-то подлость.) Давайте предположим, что некоему человеку предсказали, что через час он свалится в яму. Но разве найдется такой идиот, который свалится, если его предупредили об этом? А если и найдется, то это будет, несомненно, весьма простодушный и в высшей степени подверженный внушению человек. И в этом случае мы будем иметь дело не с предсказанием, а с внушением. Так давайте же откажемся от этой блестящей лжи, именуемой машиной-предсказателем, давайте прямо и честно назовем ее машиной-гипнотизером, использующей человеческие слабости...»

Вот до чего мы договорились! Что же, называйте как вам благоугодно. Кто украдет булавку, тот и топор украдет. Да он и не один такой. Все вдруг отвернулись от моего дела. Я стал опасным человеком.

**3** Вторая вырезка в первой папке — статья с фотографией. На фотографии я еще улыбаюсь. Это мое интервью по поводу «МОСКВЫ-1».  
«Нет, я не думаю, что это утка. Теоретически такая машина вполне возможна. И я не думаю, что она существенно отличается от обычных электронно-счетных машин», — говорит профессор Кацуки из Центрального научно-исследовательского института счетной техники. Профессор говорил спокойно идержанно, как полагается специалисту.

Это ложь. Я просто сгорал от зависти. Я отвечал весьма холодно, и один из корреспондентов, разозлившись, спросил:

— Вы хотите сказать, сэнсэй\*, что построить такую же штуку вам ничего не стоит?

— Ну что же, если бы было время и деньги... — Это я говорил уже чуть ли не от чистого сердца. — Вообще способностью предсказывать будущее обладают в принципе все электронно-счетные машины. Главная проблема не в самой машине, а в уровне технических навыков, необходимых для ее использования. Программировать, то есть формулировать вопросы на языке, понятном для машины, — вот что трудно. До сих пор это необходимо должен был делать человек. Но вот эта самая «МОСКВА-1» как раз, по-видимому, такая машина, которая способна сама себя программировать.

— А что можно делать на такой машине? Неете ли вы нам что-нибудь этакое, из области мечты?

— Гм... Обычно эффективность предположений обратно пропорциональна величине минувшего промежутка времени и теряется ускоренно. Как вы сами могли убедиться, область предсказаний вопреки ожиданиям ограничена, не так ли? Если стакан уронить, он разобьется. Для того чтобы узнать это, нам не придется прибегать к помощи предсказывающей машины, не правда ли? Это и школьнику известно. Ну что

\* Сэнсэй — почтительное обращение к ученому или учителю.

же, возможно, найдутся пути применения ее в качестве учебного пособия. Но мне представляется, что следует воздержаться от слишком радужных надежд.

А ведь в действительности я места себе тогда не находил от ревности. Если я буду сидеть сложа руки, то безнадежно отстану. Нет, не будет мне покоя, пока я не попробую построить такую машину сам, своими руками. И я бросился к директору института, побежал к знакомым. Ни один человек не проявил к моему предложению ничего, кроме любопытства. И уж окончательно я был добит одним писателем, статью которого, в качестве выступления моего единомышленника, поместили рядом с интервью. (Нет ничего более устрашающего, нежели невежество.)

«Весьма возможно, что утратившие свободу коммунисты имеют только такое будущее, которое можно предсказывать машинами. Но нам, строящим свое будущее на основе свободной воли, эти машины ни к чему. Попытайтесь отразить наше будущее в таком машинном зеркале, и вы увидите, что зеркало это станет прозрачным, как оконное стекло. Больше всего я опасаюсь, что вера в возможность предсказаний подорвет нашу нравственность...»

Но в конце концов случай все же улыбнулся мне. Откроем вторую папку. «МОСКВА-1» принялась показывать, на что она способна. Я готов был жизнь отдать за такие возможности. Что мечты! Из нее, как из рога изобилия, одно за другим посыпались предсказания, пресные, сухие, страшно реальные. Для начала это были поразительно точные прогнозы погоды, затем прогнозы состояния производства и экономики...

Растерянность тех дней одним словом не выразишь. Внезапно Япония получила прогноз на урожай риса. К прогнозу отнеслись пренебрежительно: ладно, через полгода проверим. Но тут...

Расчеты всех банков страны за первые два квартала.

Количество неоплаченных векселей в будущем месяце.

Предполагаемая выручка одного из универсальных магазинов.

Индексы цен в розничной торговле города Нагоя в будущем месяце.

Степень заполненности пакгаузов порта Токио.

Эти прогнозы были получены один за другим; и было поразительно, как они начали сбываться с точностью, сводившей к нулю поправки на случайные отклонения и ошибки. Поражало и заявление в конце списка прогнозов.

«Кроме того, «МОСКВА-1» способна предсказать для вашей страны индексы цен на акции, а также соотношение между производством и потреблением. Однако из опасения вызвать у вас экономические трудности, мы воздержимся от этого. Мы всегда будем преследовать только одну цель: честное мирное соревнование».

Уныние было настолько сильным, что даже газеты ограничились лишь самыми необходимыми комментариями. Другие страны «свободного мира» тоже, видимо, получили соответствующие прогнозы и тоже помалкивали. Это плачевное молчание длилось довольно долго. Но правительства не просто молчали и сидели сложа руки. Под давлением финансовых кругов вынуждено было зашевелиться и наше правительство.

Первым делом, чтобы сохранить престиж, арестовали по подозрению в шпионаже нескольких коммюнистов. Затем, наконец, при нашем Центральном научно-исследовательском институте счетной техники учредили лабораторию — как было объявлено, для того чтобы разработать свою оригинальную машину-предсказатель. Меня назначили начальником этой лаборатории, и это было естественно, поскольку я являюсь лучшим в Японии специалистом по программированию. Мое желание исполнилось, теперь я мог с головой погрузиться в исследования, связанные с машинными предсказаниями.

### Вырезки из третьей папки...

В соответствии с заявлением «МОСКВА-1» хранит молчание. Ерики несколько груб, но тем не менее способный помощник. Работа шла в хорошем ритме, так что осенью второго года почти все было закончено, и мы могли показывать на телеэкране, как в будущем разбьется стакан. (Показывать явления, обусловленные законами природы, сравнительно легко.) Мы несколько раз демонстрировали простенькие опыты; и с каждым разом моя слава и слава машины росла, а вместе со славой росли и всевозможные надежды. Я знаю, однако, что есть люди, для которых машина опасна. Когда мы попробовали предсказывать результаты скачек, устроители переполошились и заставили нас прекратить работу. В те времена я только наивно гордился грозной репутацией своей машины, но теперь мне кажется, что этот инцидент был первым зловещим предупреждением о том, что в конце концов мы превратимся в отверженных. (Не знаю, на скольких столбах держится мир, но по крайней мере три из них — это, наверное, темнота, невежество и тупость.) Впрочем, тогда мы еще были на восходящей ветви кривой, и я был полон самых радужных надежд. Не знаю почему, но особенно популярен я был у детей; я частенько фигурировал в цветных комиксах, где из своей лаборатории в ЦНИИСТе отправлялся в сопровождении своих роботов (в действительности машина представляет собой ряды громадных металлических ящиков, расположенных буквой «Е» на площади около семидесяти квадратных метров, но в комиксах, видимо, позарез нужны именно роботы в грядущие века) и побивал всевозможных злодеев.

Но вот, наконец, машина была отлажена, и настало время вплотную заняться ее тренировкой и обучением. Человек, даже со своим мозгом, ни на что не пригоден без образования и опыта. Точно так и машина. Опыт необходим, это пища для мозга. Но машина не способна выходить на улицы и вращаться в свете; поэтому нам, людям, пришлось стать ее руками и ногами, всюду бегать и собирать для нее информацию. Нудная работа, пожирающая массу сил и денег.

(Информация была главным образом экономической, что не удивительно, принимая во внимание профиль нашего института, а также психологическое влияние предсказаний «МОСКВЫ-1».)

Способность машины усваивать информацию безгранична. Все, чем ее питают, она должным образом переваривает и где-то прячет. Когда какая-либо из ее «систем» насыщается, из пункта насыщения должен поступать сигнал. Отныне эта «система» способна сама разрабатывать для себя программу.

В один прекрасный день первый сигнал поступил. Это означало, что она усвоила все функциональные зависимости в явлениях природы, выражаемые кричевыми. Я немедленно опробовал ее. Я дал ей задание показать на телеэкране прорастание горошины в вэде за четыре дня. Она справилась прекрасно. Можно было видеть, как росток увеличивался и достиг семи сантиметров в длину. Далее ее развитие пойдет быстро. В память об этом дне я официально объявил ее название: «КЭЙГИ-1».

Однако пора закрыть третью папку и перейти к четвертой. Обстоятельства вдруг резко меняются.

**4** Рождение машины-предсказателя мы решили отпраздновать с помпой. Какое задание дать ей первым? Мы разослали анкеты, провели собеседования. Заработала специальная комиссия, газетчики были наготове. И вдруг поступило сообщение, чтопущена в ход «МОСКВА-2».

Эта новость содержала злой сюрприз. Мне передали ее рано утром по телефону из какой-то редакции.

— И эта самая «МОСКВА-2», говорят, уже сделала предсказание. Она объявила, что будущее непременно за коммунистическим обществом. Каково? Что вы об этом думаете, сэнсэй?..

Это показалось мне ужасно забавным, и я невольно расхохотался. Между тем ничего смешного в этом не было. Плакать следовало, а не смеяться, ведь не так часто приходится слышать известия, от которых получается несварение желудка.

В институте только об этом и говорили. Я чувствовал себя несчастным. Дело было не просто в том, что нашей машине не повезло. Меня вдобавок охватило предчувствие каких-то больших неприятностей.

Молодые сотрудники переговаривались:

— Машине не подобает сообщать такие банаальности.

— Почему же? А если это правда?

— Может, это предсказание подстроено?

— Я тоже так думаю. Уже то смешно, что будущее должно быть с каким-то «измом».

— А ты не думай об этом, как об «изме», вот и не будет смешно. Дело-то простое, переход от частной собственности на средства производства к совсем иной форме...

— И ты способен утверждать, будто эта иная форма возможна лишь при коммунизме?

— Дубина! Это же и есть коммунизм!

— Потому я и говорю, что это банально.

— Ничего ты не понял.

— Послушай, самое главное для человека — это жить свободно, не подвергаясь насилию.

— Да что ты говоришь? Какая оригинальная мысль!

Увы, никто не рассмеялся.

Потом они подошли ко мне. Они спросили, может ли и наша машина предсказать что-либо толковое из области таких проблем.

— Мы им еще нос утрем, — пошутил я.

На следующий день поступили сообщения из Америки. «Предсказание и гадание различаются коренным образом. Предсказанием достойно называться лишь то, в основе чего заложено понятие о нравственности. И поистине только отрицанием человечности можно назвать попытку передать подобные вопросы на усмотрение машин. В нашей стране тоже давно уже существует машина-предсказатель, но мы, послушные голосу совести, избегаем пользоваться ею. Последние действия Советского Союза противоречат его заверениям о стремлении к мирному сосуществованию

и представляют собой угрозу дружбе между народами и свободе человека. Мы рассматриваем предсказание «МОСКВЫ-2» как насилие над духом, и мы рекомендуем как можно скорее отказаться от услуг подобных машин. В том случае, если этого сделано не будет, мы намерены апеллировать к ООН». (Интервью государственного секретаря Строма.)

Такая жесткая позиция нашего союзника не могла не отразиться на нашей работе. То, чего я боялся, в конце концов случилось. В тот же день около трех часов я получил через директора института приглашение на экстренное заседание комиссии по программированию. При этом выяснилось, что комиссия реорганизована и заседать будет уже в новом составе. Так бесцеремонно распорядилось Статистическое управление. Специалистов, если не считать директора и меня, в комиссии не осталось, лица все были новые, и состав сильно сократился.

Заседание состоялось, как всегда, на втором этаже главного здания института. Прежде на заседаниях мы с удовольствием перебрасывались глупыми веселыми шутками — что, например, случится, если предсказать молодоженам день развода. Теперь же атмосфера была совершенно другой. Сначала поднялся чиновник Статистического управления, некий Томоясу, взявший на себя функции распорядителя.

— Данная комиссия, — сказал он, — сохраняет прежнее название, но характер ее будет отныне совершенно иной. Настоятельно прошу иметь это в виду. Заинтересованные правительственные круги пришли к единогласному мнению, что этап предварительных исследований закончен и право составления программ следует вновь, на этот раз со всей ответственностью, возложить на данную комиссию. Это означает, что без специального разрешения данной комиссии включать машину-предсказатель отныне запрещается. Самостоятельность поощряется и уважается на этапе исследовательском, но коль скоро мы вступили в этап практического применения, необходимо точно определить, кто несет всю ответственность. Вот в таком плане. Да, прошу принять во внимание еще следующее.

Онныне и впредь наши заседания будут проводиться в закрытом порядке.

Затем встает какой-то долговязый тип. Я вижу его впервые. Он назвал себя и перечислил свои степени и звания, но я не расслышал. Кажется, он что-то вроде секретаря министра. Нервно ломая свои длинные пальцы, он говорит:

— Если взглянуть на последнее выступление «МОСКВЫ-2», то нетрудно усмотреть в нем, как это и отмечалось в американском заявлении, некий политический замысел... Ну вот, например, можно рассудить таким образом... Вначале они разожгли наше любопытство своей «МОСКОВЫ-1» в расчете на то, что мы из чувства соревнования вынуждены будем строить свою собственную машину-предсказатель. Так оно и случилось... (Интересно, какого черта он пылит на меня глаза?) И когда мы вступили в этап практического применения, вот тут-то они нас и ловят. Ловят хитроумно, политически... Раз они делают политические предсказания, то получается, будто и нам стыдно не делать таких предсказаний, это произвело бы дурное впечатление. В результате мы можем поздравить себя с тем, что своими руками весьма ловко завели у себя шпиона. Я имею в виду машину-предсказатель. Мне хотелось бы, чтобы все хорошенько подумали об этом. Чтобы нам не зазеваться и не попасть в ловушку. Хочется, чтобы вы как следует осознали это...

Я потребовал слова. Директор с беспокойством поглядел на меня.

— А как с проектом программы, — сказал я, — который выработан прежним составом комиссии? Можем надеяться, что мы утвердим его?

— Это какой? — Долговязый заглядывает в бумаги Томоясу.

— Их было три... — Томоясу растерянно листает бумаги.

— При чем здесь три? Я говорю о первом, который разработан и принят. Проблема цен и стоимости труда в соответствии с темпами механизации. Остается только выбрать для контроля предприятие и...

— Погодите, погодите, сэнсэй, — прерывает меня

Томоясу. — Право принимать решения комиссия получила только с нынешнего заседания. То, что было раньше, соответственно утратило силу...

— Но у нас уже все подготовлено!

— Нет, это не пойдет, — говорит долговязый. — Этот проект мне не представляется удачным. Слишком велик риск. Есть возможность связать этот вопрос с политической проблематикой, вы понимаете...

Он засмеялся, сжимая губы, и вслед за ним дружным смехом разразились остальные члены комиссии. Не понимаю, что тут смешного. Настроение у меня окончательно испортилось.

— Ну вот видите, вы не понимаете. Да ведь это же все равно, что признать победу «МОСКВЫ-2»!

— Вот именно! Этого они только и добиваются. С ними надо держать ухо востро...

Все снова расхохотались. Ну и комиссия! Сборище идиотов каких-то. Впрочем, мне больше не хотелось протестовать. Терпеть не могу политики. Но если провалился первый проект, надо взамен его немедленно выдвинуть новый.

— Тогда остановимся на втором проекте? Занятость населения через пять лет в случае, если состояние денежного обращения не изменится...

— Это тоже не пойдет, — сказал долговязый и поглядел на остальных членов, как бы заручаясь их поддержкой.

— Ну, знаете, вопросов, не связанных с политикой вообще, наверное, нет.

— Вы так думаете?

— А вы?

— Вот нам и хотелось бы, сэнсэй, чтобы вы об этом подумали... Мы ведь понятия не имеем, что можно, а чего нельзя с машиной-предсказателем...

— Ну хорошо, а третий проект? Прогноз результатов очередных парламентских выборов...

— С ума можно сойти!.. Из всех ваших проектов это самый невозможный!

— Простите, — сказал член комиссии, все это время хранивший молчание. — До меня никак не доходит одно обстоятельство... Человек, само собой, поступает

по-разному в зависимости от того, знает он предсказание или не знает. Так вот, разве исполнится предсказание, если о нем всех оповестить?

— Я уже двадцать раз объяснял все это прежнему составу комиссии, — сказал я.

Видимо, я говорил не очень приветливо, и роль лектора спешно берет на себя Томоясу.

— В этом случае делается новое предсказание, учитываяющее, что люди действуют, зная первое. То есть делается предсказание номер два... В случае если и оно опубликовано, делается предсказание номер три... и так сколько угодно, до бесконечности... Последним будет так называемое предсказание максимальной оценки. Считается, что действительности будет соответствовать оценка среднего арифметического от последнего и первого предсказаний.

Болван слушает и кивает, обернувшись ко мне, всячески демонстрируя свое восхищение.

— Надо же, ну кто бы мог подумать!..

Директор института не выдержал.

— Послушай, Кацууми-кун, — прошептал он мне. — Может быть, взять какие-нибудь природные явления?

— Прогнозами погоды пусть занимаются метеорологи. Это же очень просто, пусть подсоединят свои счетные машины к нашей машине, только и всего.

— Вот я и говорю, может быть, взять что-нибудь посложнее.

Я молчал. Нет, на такое унижение я не мог пойти ни в коем случае. Как бы я потом объяснил это Ерики и другим сотрудникам? Разве мог я сказать им, что вся информация, которую мы собирали в течение полугода, пошла коту под хвост? Вопрос не в том, хорошо или плохо заниматься предсказаниями явлений природы. Вопрос в том: куда будут направлены возможности машины-предсказателя, нашего детища?

Заседание закрыли с тем, чтобы я, учтя все предупреждения и пожелания, подготовил к следующему заседанию новый проект. После этого комиссия стала

собираться через каждую неделю; причем с каждым заседанием число присутствующих все уменьшалось, пока на четвертое заседание не явились всего трое — Томоясу, я и тот долговязый тип. И это вполне естественно. Только кретин не впал бы в уныние на наших тоскливых сборищах, похожих на допросы с намеками и недомолвками.

У Ерики такое поведение членов комиссии с самого начала вызвало открытый протест. Он считает, что все это отговорки, а на самом деле они просто боятся политических прогнозов. Впрочем, даже выражая недовольство, он остается прекрасным работником. (При случае обязательно покажу ему, как высоко его ценю.) Мы все бились над проектом программы, который понравился бы комиссии. Перед заседаниями иногда приходилось работать по ночам.

Но чем больше мы работали, тем яснее осознавали, что вещей и явлений, не имеющих отношения к политике, не так уж много. Пожалуй, вообще нет. Положим, мы собираемся сделать предсказание относительно плодородия обрабатываемой земли. Но сюда немедленно впутывается проблема классового расслоения деревни. Берем сеть автомагистралей по всей стране через несколько лет и немедленно задеваем проблемы, связанные с государственным бюджетом. Не стоит вспоминать все примеры один за другим, но все двенадцать проектов, предложенных мною на рассмотрение, были отвергнуты.

В конце концов я выбился из сил. Политика — это вроде паутины: чем больше стараешься от нее избавиться, тем сильнее она опутывает. Я не собираюсь вторить Ерики, но не пора ли, в самом деле, разок показать зубы?

Сегодня я демонстративно отправился на заседание с пустыми руками. Хватит с меня проектов. При этом, конечно, не примирил напомнить Ерики:

— Имей в виду, на политику мне в высшей степени наплевать. Не в пример тебе.

И вот, как вы уже видели, вернулся с этого заседания совершенно разбитый.

**5** Зазвонил телефон. Говорил член комиссии Томоясу.

— Сэнсэй?.. Простите, я тогда немножко... В общем я сейчас посоветовался с начальником управления... (Врешь, ведь еще и тридцать минут не прошло!) Как бы вам это... Одним словом, если вы завтра до полудня не представите какой-нибудь новый план, то, боюсь, все будет кончено...

— Как конечно?

— Завтра нам предстоит доклад на внеочередном заседании кабинета.

— Вот и передайте им, что я вам говорил...

— Видите ли, сэнсэй, не знаю, известно ли вам это, но есть мнение совсем закрыть работу с машиной....

Так вот до чего мы, оказывается, докатились!.. Что же, покориться и раз в неделю высасывать из пальца ни на что не годные планы? Да нет, теперь, наверное, и это уже не поможет. Или стереть «память» машины, вернуть ее в первоначальное девственно-идиотское состояние и уступить место кому-нибудь другому?..

Я снова взглянул на папки с вырезками, поднялся и оглядел машинный зал. Папки просят заполнить в них пустые места, а машина томится от избытка сил. «МОСКВА-2» больше не озорничает, не задевает предсказаниями другие страны, но у себя в стране, говорят, дает потрясающие результаты. Не понимаю... Неужели машина-предсказатель может быть полезна только коммунистам? Или это я уже барахтаюсь в сетях «психологической войны»?..

Жарко... Страшно жарко. Я больше не мог сидеть на месте и отправился на первый этаж, в отдел информации. Едва я вошел, разом смолкли спорящие голоса. Лицо Ёрики от замешательства пошло красными пятнами. Конечно, как всегда, обличал меня.

— Ничего, продолжайте... — сказал я и опустился на свободный стул. Затем добавил резко, не так, как собирался произнести это: — Работу закрывают... Только что звонили.

— Что такое, в чем дело? — воскликнул Ёрики. Что сегодня было на заседании?

— Ничего особенного. Как всегда, болтали, только и всего.

— Не понимаю... Вы признали, что не уверены насчет политических прогнозов?

— Ерунда. Уверенности у меня хоть отбавляй.

— Тогда что же? Боятся положиться на машину?

— Именно так я им и сказал. Теперь эти приятели заявили, что не могут полагаться на то, что еще не опробовано.

— Так давайте опробуем!

— Это не так просто, как кажется... — холодно говорю я. — Но ты, по-видимому, действительно полагаешь, будто политику можно предсказать. Насквозь коммунистический образ мыслей.

Даже Ёрики в изумлении прикусывает язык. Почему он молчит? Это не мои мысли, я хочу, чтобы он возражал, протестовал, ожесточился! Но он молчал, и я окончательно вышел из себя.

— Вообще я не знаю... Предсказывать будущее, наверное, с самого начала было напрасной затеей... Например, человек все равно знает, что умрет, так какой смысл в предсказаниях?

— Смерти хочется избежать, если это не смерть от старости, — сказала Кацуко Вада.

Эта девица иногда кажется воплощенной посредственностью. А временами она необычайно очаровательна. Ее внешность портит черное родимое пятно на верхней губе.

— А если узнаешь, что избежать не удастся, тогда как? Будешь счастлива?.. Как ты полагаешь, стала бы ты из кожи вон лезть, чтобы построить машину, если бы заранее знала, что работать тебе все равно не дадут?

— Они действительно хотят сделать это, сэнсэй?  
Неизменный тон Ёрики.

— Давайте плюнем на них, пустим машину на полную мощность, а потом сунем им под нос готовые результаты.

Это Соба, его подпевала, в своей обычной роли.

— Результаты будут, по-видимому, те же, что в Советском Союзе.

— Неужели? — сказала Вада.  
— А что такого, — сказал Соба. — Пусть.  
— Даже вот как? Гм... Впрочем, среди вас вряд ли есть коммунисты.  
— Что вы этим хотите сказать, сэнсэй?  
Мне вдруг надоел этот разговор.  
— ...как говорят наши приятели в комиссии. Мне-то это совершенно безразлично.  
Все с облегчением смеются.  
— Я так и знал!  
— Ой, сэнсэй, как вы нас разыграли!  
— А о том, что нас закрыть собираются, это тоже шутка?

Я встал, туманно усмехаясь. Мне было стыдно за себя. Ерики чиркнул и протянул мне спичку, и я вспомнил, что держу сигарету. Я проговорил тихо, чтобы слышал только Ерики:

— Потом поднимись на второй этаж...  
Он встревоженно заглянул мне в глаза. Кажется, он сразу понял, что я задумал...

**6** — Ты понимаешь? Меня вдруг осенило, когда я разговаривал с вами внизу...  
Как зловеще гудит вентилятор!  
— Я так и подумал. Мне почему-то тоже как раз это пришло в голову.  
— Тогда за дело. Только имей в виду, работать придется всю ночь. Я хочу, чтобы об этом пока никто не знал.  
— Разумеется.  
Мы сняли с полки наши папки, распотрошили их и принялись приводить вырезки в удобопонятный для машины порядок. Нам предстояло ввести содержание вырезок в «память» машины.  
— Эта идея уже брежжила в моей голове, но я никак не мог ухватить ее. То мне чудилось, будто машина включается сама собой. А то сегодня я минут десять глядел на эти папки, и в воображении возникали всякие фантазии. Слогно в мозгу что-то дразнит-

ся, мелькает, вот-вот, кажется, поймаю... и все пропадает.

— В подсознании?

— Вероятно. Но ничего. Вот машина осознает свое положение, тогда не нужно будет больше ломать голову, как раньше. Машина сразу научит, что нужно делать, сразу подскажет, к чему ты стремишься, и не нужно будет больше блуждать в подсознании.

— Только хватит ли ей информации для такого уровня в этих вырезках?

— Да, вероятно, понадобится много дополнительных разъяснений. Мы дадим их на пленке.

Вада принесла нам на ночь бутерброды и пиво.

— Больше вам ничего не попадобится?

— Ничего, спасибо.

Она ушла. Когда работаешь, время летит быстро. Девять часов вечера. Десять часов. Иногда я брал из холодильника лед и прикладывал к глазам.

— Предсказание «МОСКВЫ-2» тоже вводить в «память»?

— Ну, а как же, непременно вводи. Это же важнейший момент, переход от третьей папки к четвертой.

— В какую секцию вводить?

— Всю информацию от них вводи вместе, может быть, мы тогда получим какое-нибудь усредненное значение.

Результат усреднения оказался весьма многозначительным. Первый общий пункт гласил, что машина предсказатель в Советском Союзе работает чрезвычайно активно — это мы, положим, знали и раньше, — и удивило нас другое: предсказание «МОСКВЫ-2» о том, что будущее за коммунистическим обществом, подтверждалось в этом пункте с особой настойчивостью.

— Странно... Как она представляет себе коммунистическое общество?

— Видимо, какие-то общие представления у нее имеются.

— Вот что. Попробуй поискать, нет ли другой секции с реакцией на предсказание «МОСКВЫ-2».

Такая секция нашлась, и она содержала уже фундаментальное представление о коммунизме. Машина понимала коммунистическое общество следующим образом:

#### «ПОЛИТИКА: ПРЕДСКАЗАНИЕ: БЕСКОНЕЧНОСТЬ»

Другими словами, последнее политическое предсказание возможно после обнародования бесконечного числа всех мыслимых и немыслимых политических предсказаний, то есть политическое предсказание максимальной оценки есть коммунизм.

— Замечательно! Значит, если мы будем пользоваться предсказывающими машинами, то коммунизм наступит, несмотря ни на что?

Это был успех, неожиданный и великолепный. Мы с новым жаром принялись за работу. Когда мы ввели в «память» машины содержание последних вырезок, было уже начало четвертого. Мы подкрепились бутербродами.

— Итак... какую точку зрения задать ей для составления программы?

— Точку зрения... Нет, до этого она еще не дозрела. Давай лучше начнем опрос, какая ей нужна дополнительная информация, чтобы она могла ориентироваться в современных условиях.

Это нудная работа, требующая уйму времени. Своего рода испытание методом проб и ошибок, которое нужно вести без устали, почти интуитивно, на ощущение. Между тем тусклые окна принимают голубой оттенок. Час, когда сильнее всего ощущается усталость. Если сидеть сложа руки, то очень хочется спать, поэтому я сменил Ерики. Когда через минуту я оглянулся, он уже спал.

Ага, машина отзывается. Какой-то неясный ответ. Сначала я не мог понять, в чем его смысл. Я попробовал отключить взаимодействующие секции. Тогда из одного вывода вышли слова «сам, лично», а из другого — слово «человек». «Сам, лично» — это, по-видимому, сама предсказывающая машина. Предсказывающая машина и человек?.. Что она хочет этим сказать?

Стоп! Может быть, эта неопределенность обусловлена не скучностью информации, а взаимоотрицанием противоречащих друг другу данных? Или... Нет, не понимаю. Что же она хочет сказать?

Вдруг я спохватился. Да ведь сама неопределенность ответа и есть ответ на мой вопрос. На вопрос, который я задал. Какой же вопрос я задал? Я даже не обратил на это внимание. Да, тема программирования! И что я хотел выяснить? Все ясно. Существует ли возможность сломить сопротивление комиссии... и если существует, то какой план будет лучше всего для этой цели? Вот какая проблема.

Может быть, на этот вопрос она и отвечает. Что-то очень уж простой ответ. Предсказание судьбы человека. Человека индивидуального, вне социальной информации, потому что для него эта информация построена из взаимоотрицающих элементов... Предсказание индивидуального будущего!

Что же, почему бы и нет? Кажется, я недооценивал машину. Ее возможности обширнее, чем я ожидал. Впрочем, удивляться нечему. Дети приводят в изумление родителей, ученик обводит вокруг пальца наставника...

Я поспешил бужу Ерики. Сначала он сомневается, но потом, наконец, соглашается со мной.

— Действительно, это логично. Ведь политический прогноз и предсказание судьбы индивидуума в каком-то смысле противостоят друг другу. Как бы ни было, попробовать стоит.

— Кто будет контрольным образцом?

— Спросим машину...

Но машина, казалось, не собиралась указывать нам еще и контрольный образец. Ей было все равно.

— Придется искать самим.

— Если мы хотим начать с предсказания номер один, необходимо, чтобы объект не знал об эксперименте.

— Дело не из приятных.

— Да...

Меня наполняло радостное возбуждение. Действительно, насколько судьба живого человека интереснее

цифр и графиков! Нам тогда и в голову не приходило... Мы совсем не думали о человеке, о нашем ближнем, которого выберем для бесцеремонного исследования. Ничего не поделаешь; видимо, так это и должно было быть.

Я прилег, не раздеваясь, на диван и проспал около пяти часов.

Около полудня я позвонил Томоясу.

В три часа пришел ответ.

— Полный успех. Правда, окончательное решение будет вынесено на следующем заседании комиссии, так что придется подождать, но к этому вашему плану даже начальник управления отнесся весьма благосклонно. Большое вам спасибо...

Мы верили в машину. Мы вообще верили в успех и не очень беспокоились. И все же я вздохнул с облегчением, когда не услышал в голосе Томоясу обычной напряженности.

7 В четыре мы отправились на поиски этого мужчины. Ну, разумеется, мы не сразу решили, что нам нужен именно мужчина. Дважды бросали бумажку, на которой с одной стороны было написано «мужчина», а с другой — «женщина», и оба раза выпало «мужчина». Так получилось, что мы стали искать мужчину.

— Сколько, оказывается, мужчин на свете!.. Кого же выбрать?

— Мы как лисы в стаде овец.

— Глаза разбегаются. До чего жаль, что нам не женщина нужна...

— Ничего, и до женщин еще доберемся.

Вначале мы просто беспечно прогуливались. На метро и на электричке добрались до Синдзюку. Постепенно это стало надоедать.

— Нет, так не годится. Определим, какой именно человек нам нужен...

— Какой именно? Может быть, такой, который долго проживет?

— Такой, которого не раскусишь с первого взгляда.

— Значит, он должен быть очень обыкновенный, ничем не примечательный на вид.

Но людей обыкновенных, ничем не примечательных на вид слишком много. Рисковать не хотелось. Около семи часов мы окончательно вымотались, зашли в маленькое кафе и сели за столик у окна.

И там мы увидели этого мужчину.

Он совершенно неподвижно сидел за соседним столиком над блюдцем с мороженым, упервшись взглядом в стеклянную дверь, на которой золотыми знаками было написано название заведения. Мороженое таяло и переполняло блюдце. Видимо, он заказал мороженое и сразу забыл о нем.

Я оглянулся и обнаружил, что Ерики тоже заметил этого человека. Не знаю, сколько времени требуется порции мороженого, чтобы растаять, но зрелище это произвело на нас изрядное впечатление. На вид это был очень обыкновенный человек, но чувствовалось в нем что-то такое... Может быть, мы слишком вольно толковали внешние признаки, но нам показалось, будто эта маленькая подробность, это блюдце с нетронутым растаявшим мороженым является безошибочной приметой нужного для опыта человека.

Ерики толкнул меня под локоть и показал взглядом. Я кивнул в ответ. Подошел официант за заказом. Ерики спросил какой-то сок, но, когда я заказал кофе, он отменил сок и тоже заказал кофе. В ожидании кофе мы не обменялись ни словом. Наши языки сковывала усталость и еще больше тяжесть решения, которое нам предстояло принять. Но ведь нам было все равно, кого выбрать. Пусть это будет человек самый обыкновенный, самый средний, только с какой-нибудь маленькой характерной особенностью. Но разве узнаешь без исследования, есть ли у человека характерная черточка? К тому же мы утомились. Ходить и колебаться, не зная, на что решиться, можно до бесконечности. И было очевидно, что, если хотя бы один из нас выразит согласие, объектом нашего эксперимента неминуемо

станет этот самый мужчина с блюдцем растаявшего мороженого.

Несмотря на жару, он был в фланелевом костюме, отлично спештом, хотя и несколько поношенном. Человек сидел, выпрямившись, совершенно неподвижно. Бросалось в глаза только, что время от времени он менял положение ног. И еще он нервно вертел в руке, лежащей на столе, позажженную сигарету.

Вдруг загремела грубая музыка. Это какая-то девочка опустила в музыкальный автомат десятииеновую монету. Девочке было лет восемнадцать-двадцать, она была в черной юбке до колен и красных сандалиях. Музыкальный автомат находился позади нас. Мужчина испуганно обернулся на шум, и мы в первый раз увидели его лицо. Какое-то строгое и вместе с тем нервное, с запавшими глазами, оно плотно прилегало, словно привинченное, к черному галстуку бабочкой. Этому человеку, видимо, за пятьдесят, но есть в нем что-то детское — возможно, из-за крашеных волос.

Музыка была для меня слишком вульгарной. Слух Ерики она, однако, не оскорбляла, он даже принял отступничество ритм кончиками пальцев. У него даже выражение лица смягчилось. Отхлебнув кофе, он приподнялся ко мне и сказал:

— Вот человек, который нам нужен. Как вам кажется, сэнсэй? В нем что-то есть, а?..

И вот тут я вдруг усомнился. Я только молча покачал плечами в ответ. Нет, это не был глупый каприз. Просто я опустил внезапно прилив какого-то неопределенного отвращения. Одно дело — мысленно планировать предсказание судьбы какого-то абстрактного, неведомого лица; эксперимент при этом представляется великолепным и значительным. И совсем другое дело — увидеть этого человека, этого будущего подопытного кролика собственными глазами. Да полно, есть ли смысл в нашей затее?! Вчера ночью я был страшно утомлен. Что, если предложение машины мы истолковали неправильно? Что, если я утвердился в своем истолковании потому только, что рядом был Ерики, который сразу со мной согласился? А вдруг я истолковывал не предложение машины, а собственные свои

переживания, от которых не знал, куда деваться? Переживания, вызванные нажимом комиссии. Истолковывал так, как мне было удобно.

Ерики озадаченно прищурился.

— Что случилось, сэнсэй? — прошептал он. — Это же заказ машины... Ведь этим планом мы добились согласия Томоясу.

— Неофициального согласия. Что еще скажет комиссия...

— Глупости! — Он вытянул губы. — Было ясно сказано, что начальник управления одобрил. Что вам еще надо?

— Как ты не понимаешь? Да до следующего заседания он может двадцать раз изменить это свое мнение. Что с того, что наш план не связан с политикой? Они не станут тратиться на бесполезные для себя вещи. Не забывай, что проблема комиссии есть прежде всего проблема бюджета. Это не детская болтовня о том, что кому нравится и что кому не нравится.

— Тогда почему машина дала такой заказ?

— Боюсь, что мы были утомлены и неправильно его истолковали.

— А я вот так не думаю! — Разгорячившись, Ерики взмахнул рукой и опрокинул стакан с водой. Вытирая платком брюки, он продолжал: — Простите... но я верю в машину. Вспомним, с чего все началось. Сначала под влиянием «МОСКВЫ-2» мы все — и комиссия и сотрудники — тщились выработать программу предсказания, основанную исключительно на информации об общественных явлениях. Правильно? Так вот, если брать за основу картину человечества только в его внешних, самых общих проявлениях, то не исключено, что наша машина права и предсказание максимальной оценки действительно дает коммунизм. Я хочу сказать, что иначе и быть не должно, если предсказывающую машину используют так узконпрактически. В этом смысле утверждение машины, будто коммунизм есть предсказание максимальной оценки, было очень интересным... Но для человека важнее всего не общество, а сам человек. Если человеку скверно, то что толку в самом идеальном обществе?

— И следовательно?

— Мне кажется, что предложение машины попытаться предсказывать будущее индивидуумов бьет прямо в цель. А вдруг мы получим иной вывод, нежели предсказание «МОСКВЫ-2»?

— Ничего подобного машина не говорила.

— Ну, разумеется, нет. Я и сам не очень-то верю в такую возможность. Я просто хочу сказать, что мы имеем шанс получить согласие комиссии, если умненько на эту возможность намекнем. К тому же откроются и совершенно конкретные перспективы. Если наш эксперимент окажется успешным и мы выработаем какие-то общие приемы для предсказания индивидуального будущего, то можно будет, например, на основе обзора прошлой и будущей жизни преступника выносить идеальные приговоры... или даже вообще предотвращать преступления. Можно будет давать брачные советы, определять профессиональные способности, ставить диагнозы... а в случае необходимости предсказывать и сроки смерти...

— Это еще для чего?

— А как же? Представляете, как возлиают страховые компании? — Ерики победоносно рассмеялся. Он словно подкалывал меня. — Вы только возьмите на себя труд хорошенько подумать, и вам откроются такие пути применения... Я, во всяком случае, считаю этот наш план чрезвычайно перспективным.

— Да, пожалуй, ты прав... Да и я в общем не сомневался в суждении машины.

— Тогда в чем же дело?

— Да так, ни в чем... Ничего особенного... Послушай, однако, вот если бы объектом эксперимента выбрали тебя, как бы ты себя чувствовал?

— Я не гожусь. Я ведь знаю о машине, и эксперимент получился бы не чистым.

— Предположим, что ты не знаешь о машине.

— Тогда мне было бы все равно. Я был бы совершенно равнодушен.

— Ой ли?..

— Конечно, равнодушен... Слушайте, сэнсэй, вы просто переутомились.

Да, возможно, я переутомился. Неужели машина бросит меня? Неужели Ерики обгонит меня? Нет, этому не бывать!..

**8** Минут через двадцать после того, как мы дошли до конца кофе, человек, наконец, поднялся. Видимо, тот, кого он ждал, так и не появился. Мы тоже вышли из кафе.

На улице спускались сумерки. Казалось, будто суетливый людской муравейник тщится отеснить надвигающуюся ночь, возведя на ее пути вал из пылинок искусственного света.

У человека такой вид, будто ничего особенного не произошло. Выйдя из кафе, он четким шагом направляется по узкому переулку к трамвайной линии. Судя по походке, он здесь не впервые. По обе стороны переулка тянутся ряды дешевых кабачков, мужчины и женщины в странных и нелепых одеждах надрываются от крика, зазывая гостей в свои заведения. Деловая поступь мужчины производит здесь впечатление, тем более что и внешность его не соответствует духу этих кварталов.

Дойдя до трамвайной линии, он внезапно повернулся к нам лицом. Я растерялся и остановился как вкопанный, но Ерики подтолкнул меня и шепнул:

— Нельзя! Он же сразу заметит вас!

Тут на нас с воплями набросились женщины-зазывалы. Спасаясь от них, мы пошли прямо на мужчину, по-прежнему стоявшего лицом к нам. Но он не заметил нас, словно глубоко о чем-то задумался. Мельком взглянув на часы, он двинулся обратно, пам на встречу. Зазывалы словно только этого и ждали: они завопили так пронзительно, что у меня одеревенели щеки.

Мужчина вернулся в кафе, но тот, кого он ждал, видимо, не пришел. Тогда он вновь зашагал по переулку к трамвайной линии. На этот раз зазывалы к нам не обращались. Кто-то даже плонул мне вслед. Наверное, они поняли наши намерения и решили, что мы сыщики. Никто не любит сыщиков. Я сказал:

— Этот человек тоже окажется в тюрьме... Правда, он не будет знать об этом.

— Если уж так говорить, то каждый человек заперт в тюрьме.

— Как это?

— А разве нет?..

Выйдя к трамвайной линии, мужчина повернулся на юг. Мы миновали дощатый забор, за которым возводилось какое-то здание. Света там не было. Через два квартала мужчина перешел на другую сторону и повернулся обратно. Пройдя мимо уже знакомого нам переулка, он вышел на улицу, ярко освещенную гирляндами фонарей, и свернул направо. Там в тупике сгрудились крошечные кинотеатрики. Дойдя до них, человек снова повернулся назад.

— Он просто бесцельно кружит по городу.

— Наверное, разволнился. Тот, кого он ждал, не пришел.

— Тогда почему у него такая походка? Интересно, кто он по профессии?

— Гм... — Как раз в ту минуту я тоже размышлял об этом. Ясно, что он привык быть на виду у людей. Долгое время служит в одном и том же учреждении, и служба у него такая, где приходится непрерывно следить за своей внешностью. — Знаешь, мне как-то... Ты полагаешь, что у нас есть право заниматься такими делами?

— Право?..

Мне показалось, будто Ерики засмеялся. Я взглянул на него, но он был, по-видимому, совершенно серьезен.

— Да, право... Врачу, например, не разрешается производить эксперименты на живых людях. А если мы совершим оплошность, это будет похуже неудачной операции. Ты понимаешь меня?

— Вы преувеличиваете, сэссей. Если мы сохраним все втайне, клиент ничуть не пострадает.

— Так-то оно так... Но я на месте этого человека в бешенство бы пришел.

Ерики молчит. Мои слова, кажется, не трогают его. Да и с какой стати? Пять лет мы проработали с ним

бок о бок, и он видит меня насквозь. Он знает, что я не собираюсь ни перед кем отчитываться и ни за что на свете не откажусь от нашей затеи, что бы я ни говорил. Даже если бы машина заказала нам убийство, я бы, вероятно, убил. Плакал бы, страдал, но убил. Вот идет перед нами и несет какую-то свою крошечную тайну этот обыкновенный человек средних лет и не знает, что с его прошлого и с его будущего, со всей его жизни будет содрана кожа. Я ощутил мучительную боль, словно кожу сдирали с меня самого. Но отказаться от моей машины было бы во много раз страшнее.

**9** Человек водил нас за собой весь вечер. Все той же походкой чиновника, спешащего по коридорам учреждения с папкой под мышкой, он без конца шагал по одним и тем же улицам. Раз он кому-то позвонил по телефону, дважды зашел в заведение «патинко» \*, где один раз пробыл четверть часа, а второй раз — двадцать минут. Больше он нигде не останавливался. Мы пришли к предположению, что здесь, видимо, замешана женщина: она обещала прийти и не пришла. Действительно, в таком возрасте — мне самому вот-вот будет столько же — человек оставляет надежду на счастливый случай. Ничего неожиданного для него на свете не остается. И у него больше нет необходимости зря тратить энергию на бесцельное блуждание по улицам. Одна только женщина вносит поправку в эту закономерность. Человек становится смешным, банальным и превращается в животное.

В конце концов наши предположения оправдались. На свете редко случаются неожиданности. Около одиннадцати он зашел в магазин, позвонил по телефону-автомату и коротко с кем-то поговорил. (Ерики ухитился подглядеть и записать в свой блокнот номер телефона.) Затем он сел в трамвай и сошел на пятой остановке. Вот, оказывается, куда он направлялся — в небольшой меблированный дом на задах торговой

\* «Патинко» — игровой автомат.

улицы. От остановки туда было метров пятьдесят по переулку на склоне холма.

Человек останавливается у ворот и некоторое время в нерешительности оглядывается по сторонам. Мы тем временем покупаем сигареты в лавочке на углу. (За этот вечер я купил уже десяток пачек сигарет.) Наконец человек входит в дом. Следом за ним немедленно входит Ёрики. Он должен узнать, в какую комнату вошел человек, и прочесть на двери табличку с именем. В случае если его заметит хозяин дома, он должен дать денег и обо всем расспросить. Я остаюсь у ворот и рассматриваю дом. В окнах трех комнат нижнего этажа за занавесками горит свет. В окнах второго этажа, в том числе в окне над подъездом, света нет.

Проходит некоторое время. Затем в крайнем окне второго этажа на мгновение вспыхивает свет. Мелькает огромная тень человека, и свет гаснет снова. Из подъезда босиком выбегает Ёрики с туфлями в руке.

— Табличку на двери видел. Имя женское, как мы и думали. Тикако Кондо... Тикако написано хираганой... \* — Он обувается, тяжело переводя дыхание, присев на корточки в тени ворот. — Прямо мороз по коже... Впервые в жизни такое...

— Это там на секунду свет зажегся?

— Ну да, там. И еще слышно было, как упало что-то тяжелое...

— Вон в той крайней комнате?

— Ага. Вы тоже видели?

— Странно как-то... На секунду вспыхнул и больше не загорается.

— Что тут странного? Дорвался до девки...

— Хорошо, если так. Я все боюсь, не заметил ли он нас.

— Едва ли... Нет, этого быть не может. Он бы где-нибудь запутал нас и бросил, а не привел бы сюда.

Мне, однако, стало как-то не по себе. Мы поставили перед собой задачу установить имя и адрес этого человека, но ведь теперь все изменилось. Сторожить его

\* Хирагана — одна из двух основных японских азбук.

здесь не имело смысла — он мог остаться ночевать. Мы оба почти не спали со вчерашнего дня. Вдобавок мы ведь не решили еще окончательно, что именно он будет объектом эксперимента. Если это окажется удобным, можно будет основным объектом взять женщину, а его рассматривать как объект вспомогательный. Я изложил Ёрики эти соображения, и он согласился.

— Вот мы и добрались до женщин, правда, сэнсэй?

— В конце концов их примерно столько же, сколько мужчин.

Итак, мы временно отступили. Дойдя до проспекта, я простился с Ёрики и вернулся домой, еле удерживая на плечах ноющую от утомления голову. Жена рассказывала что-то о том, как подрался в школе наш сын, но я слушал вполуха, то и дело, словно в узкую темную щель, проваливаясь в дремоту.

**10** На следующий день я, разумеется, проспал и явился в институт в одиннадцатом часу. Вчера я... Не могу объяснить это толком даже себе. Одним словом, работа над проектом, приемлемым с точки зрения комиссии, представлялась мне вчера так. Мы разрабатываем этот проект вдвоем с Ёрики, тщательно скрывая это от остальных. Затем комиссия официально утверждает проект, и тогда — только тогда! — мы доводим его до сведения всех сотрудников. Именно поэтому я позволил себе вчера пуститься в эту авантюру с единственным помощником. Играло здесь какую-то роль и то обстоятельство, что проект касался на этот раз всего-навсего единичного человека, величины, по моему мнению, не заслуживающей всестороннего исследования. И только ночью я понял, что скорлупой, обволакивающей частную жизнь человека, пренебрегать нельзя. Будь у нас время, нетрудно было бы разработать обширный проект, но до следующего заседания комиссии остается всего пять дней. Вдобавок для того, чтобы проект приняли наверняка, лучше представить его дня за два до заседания. Если нынешний проект не пройдет, положение наше вновь ухудшится. Во всяком слу-

час, не приходится сомневаться, что работа будет закрыта — хотя бы временно.

По дороге в институт я понял, что план действий надо изменить. Я решил официально объявить о своих намерениях всем сотрудникам и взяться за дело объединенными силами. Если разъяснить им суть положения, они не разгласят тайну. Я разделю их на две группы. Одна занимается женщиной, другая берется за мужчину; каждый сотрудник знает свои обязанности и выполняет их быстро и точно. Информация, которая будет собрана в ближайшие два дня, позволит определить последующее направление работы и новые возможности. И самое главное — провести проект через комиссию.

Прежде чем пройти к себе, я заглянул в отдел информации и спросил, где Ерики. Мне ответили, что Ерики давно уже ждет меня в машинном зале наверху. «Пригласите всех наверх, мне надо поговорить с вами», — сказал я и поспешил к Ерики.

Он сидел перед пультом, положив локти на панель управления. Странно, он даже не поздоровался. Он только как-то жестко взглянул на меня и сказал, не двигаясь с места:

— Что же мы будем теперь делать, сэнсэй?

— То есть?

— Как вам нравится эта чертовщина? — Он щелкнул пальцем по газете, разостланной на коленях.

— Постой, о чём ты говоришь?

Ерики озадаченно поднял голову, выпятив подбородок и вытянув длинную шею.

— Вы что, сэнсэй, газет еще не читали?

На лестнице загремели деревянные каблуки. Это поднимались сотрудники из отдела информации. Ерики вскочил и подозрительно уставился на меня.

— Это еще что такое?

— Я велел им собраться, хочу распределить работу.

— Вы что, с ума сошли? Читайте!

Он сунул мне в руки газету, распахнул дверь и грубо заорал в коридор:

— Куда лезете? Сейчас не время! Идите, позову, когда освободимся!

Кацуко Вада звонко крикнула в ответ что-то язвительное. Я не рассыпал, что именно. Мне уже было не до этого. Я стоял, вперив глаза в газету, читая и перечитывая заметку, обведенную красным карандашом, и мне казалось, будто воздуха вокруг меня становится все меньше и меньше.

#### «ЗАВЕДУЮЩИЙ ФИНАНСОВЫМ ОТДЕЛОМ ЗАДУШЕН ЛЮБОВНИЦЕЙ

Вчера, одиннадцатого, около полуночи, заведующий финансовым отделом фирмы «Ёсиба-сёдзи» г-н Сусуму Тода, 58 лет, навестил свою любовницу Тикако Кондо, 26 лет, проживающую в номере 6-м меблированных домов «Мидори», район НН, Синдзюку, Токио, был ею избит, а затем задушен. Означенная Тикако Кондо добровольно явилась в ближайшее полицейское отделение, где заявила, будто совершила убийство в целях самообороны, когда г-н Тода набросился на нее за то, что она поздно вернулась домой. Г-н Тода прослужил в названной фирме тридцать лет, его сослуживцы единодушно утверждают, что ничего подобного от такого достойного человека они не ожидали».

Пока я медленно раз за разом перечитывал заметку, Ерики терпеливо ждал.

— Вот какие дела, сэнсэй... — сказал он, когда я поднял на него глаза.

Со лба у меня скатилась капля пота, упала на заметку и расплылась. Я сказал:

— А что другие газеты?..

— Я купил пять разных, но здесь подробнее всего.

— Да... Жаль, конечно. Если бы мы взялись за дело месяц назад, можно было бы предсказать все это. А теперь человека нет, ничего не поделаешь...

— Хорошо, если они тоже такого мнения.

— Что ты имеешь в виду? Думаешь, нам предложат предсказывать будущее мертвецов? Или играть в детективов? У нас нет на это времени.

— Я беспокоюсь о...

— А ты не беспокойся! И вообще у этого человека было слишком много тайн. В качестве объекта он все равно не подошел бы.

— Перестаньте, сэнсэй! Кого вы хотите обмануть? Не надо делать вид, будто вы ничего не понимаете. Нам известно, что по крайней мере несколько человек видели, как мы шли по пятам за этим самым Тодой. Например, хозяин табачной лавочки, где мы брали сигареты в последний раз.

— Ну и что же? Ведь преступница уже явилась с повинной.

— Вас это успокаивает?.. — Ерики торопливо провел языком по губам и заговорил возбужденной скоговоркой: — А меня вот нет. Даже из этой заметки возникает масса непонятного. Вот, например, вам не представляется странным это убийство, последовавшее за избиением? Все-таки молоденькая женщина, ну, по-журили ее за то, что поздно вернулась, и вдруг...

— Она, вероятно, ударила его, он взбеленился, а она испугалась и нечаянно убила.

— Едва ли... Чтобы молодая женщина могла убить разозленного мужчину? Ну хорошо, пусть даже будет так. Но вы, вероятно, помните, сэнсэй, как это было. Он вошел в комнату, сейчас же на секунду зажегся свет, упало что-то тяжелое, и снова свет погас. Помните, сэнсэй, вы говорили, что видели в окне тень человека? Так вот, я тоже видел тень человека, только не в окне, а на стеклянной двери. Странно, не правда ли? Вспыхивает лампа, и человек отбрасывает тень одновременно на дверь и на окно напротив. Непостижимо... Остается предположить, что в комнате было два человека.

— Значит, женщина была уже дома?

— Нет. Из заметки видно, что женщина явилась домой после мужчины.

— Вовсе нет... Впрочем, здесь написано как-то неясно. Можно понять и так и этак.

— А я своими глазами отчетливо видел, как этот Тода сам отомкнул дверь ключом. Вдобавок я проверил номер телефона, по которому он тогда звонил. Все точно, это номер телефона в том самом доме. Он зво-

нил, чтобы узнать, пришла ли уже его любовница. И, судя по его поведению, ему ответили, что ее еще нет.

— Она могла вернуться после его звонка, но до его прихода.

— Тогда почему в комнате не было света? Кто упал? Почему свет зажегся только на секунду и сразу погас?

— Не понимаю, что ты хочешь сказать. Во всяком случае, раз уж она пришла с повинной...

— Не верю, чтобы в полиции все были болванами. Кто-нибудь из нижних жильцов мог заметить время, когда послышался звук падения. Кто-нибудь из соседей мог засвидетельствовать, что света в комнате не было. Возможно даже, что из следов на горле удушенного окажется, что это сделала не женщина. А как только появятся сомнения, будет проведено тщательное расследование. Следы ног в носках на полу в коридоре... Отпечатки пальцев на двери... Подозрительные сырники, преследовавшие жертву накануне.

— Постой... Ты что же, оставил там отпечатки пальцев?

— В том-то и дело... Разве я знал, что так получится?

— Ага... Да... Постой, однако же, ну пусть даже так. Ведь все выяснится, едва нас проверят. Глупости, глупости! И стимула к убийству нет никакого, не так ли? Пусть подозревают на здоровье, доказательств-то никаких нет!

— Все это так. Но если будут подозревать, то будут и расследовать, понимаете, сэнсэй? И пока эти идиоты не уяснят досконально сущности нашей работы...

— Ох, как скверно!

Да, теперь я понял. Он заметил, что я понял, и несколько смягчил тон.

— Ужасно скверно, сэнсэй. В первую очередь пронохают пресса. Об убийстве сразу забудут и примутся расписывать нашу деятельность. Мы-то можем себе представить, какими красками они будут расписывать.

«Растоптано достоинство личности», «Кошмар машинного века». И все такое прочее.

Тут он спохватился и замолчал. Вероятно, он вспомнил мои вчерашние сомнения и испугался, что причиняет мне двойную боль. Ну что же, пожалуй, достаточно. Хватит заниматься самоанализом.

— Кажется, ты прав. Мы должны срочно выплатить напоказ практическую пользу, дать какой-нибудь впечатляющий результат, иначе нашу деятельность сочтут общественно опасной. А если хоть кто-нибудь высажется в таком духе, все пропало. Комиссия и без того трясется от страха, как бы чего не вышло. Она воспользуется первым же подходящим предлогом, чтобы поскорее разделаться с нами. Но ты молодчина, и я не подозревал у тебя таких способностей. Тебе бы детективом быть. Или адвокатом.

— Да нет, сэнсэй, я ведь не сразу пришел к такому выводу. Просто мы столько времени следили за ним, потом я стоял там, за дверью... От всего этого у меня осталось впечатление чего-то зловещего; и когда я прочел эту заметку, то сразу инстинктивно почувствовал: нет, убила не женщина, там был кто-то другой. Ну, а раз так, то подозрение прежде всего падет на нас. И если мы дорожим нашей работой, пятиться нельзя. Остается только упередить их и ударить первыми.

— Ударить... гм...

— Да, поэтому дела с комиссией надо уладить прежде, чем нанесут удар они.

— Я думаю, это будет нетрудно, если действовать через Томоясу. Но чтобы никаких признаков робости! Твердо стоять на своем: это-де необходимо для разработки проекта — и все тут...

— Правильно, сэнсэй. Да и за объяснениями нам лезть в карман не придется. Вот, например, скажем, есть сейчас свежий, с иголочки труп.

— Труп?

— Да. Материальное воплощение вывода машины относительно будущего. Я слыхал, что у мертвцев, которых хранят должным образом, нервная система живет целых три дня после клинической смерти.

Словно вдруг пришло утро на улицы моего мозга, распахнулись окна домов, распахнулись двери, и клеточки энергично принялись за работу. Ерики опять утер мне нос. Ну что за пройдоха! Впрочем, обижаться не приходится. Придет время, и он заменит меня.

— Неплохо. И даже не в качестве предлога неплохо. Это по-настоящему любопытный замысел. Нет, право, начать с трупа — это отличная идея!

— Ну-ка, посмотрим. Пусть это будет первый пункт математической индукции. Далее, вторым пунктом будет женщина... А ведь отличные экземпляры подобрались, сэнсэй, а? Хотя не наша это заслуга...

— Если все пойдет хорошо, то должен оказаться еще и истинный преступник. Он что, будет третьим пунктом?

— Нет, он будет уже ступенью для практического применения. На эту приманку мы и будем ловить комиссию.

## 11

Решение принято, теперь нужно спешить. У нас еще есть время, пока полиция не протянула к нам лапы, но необходимо немедленно принять меры, чтобы труп не отдали родственникам. Так или иначе дорога каждая минута. И нам ни при каких обстоятельствах не обойтись без молодежи с первого этажа. Ерики уверен, что они будут слушаться его. Всех в соответствии с наклонностями разделили на три группы: команда по трупу, команда по женщине и команда по выявлению истинного преступника. Я беру на себя расследование в целом. Было решено, что, пока я веду переговоры с Томоясу, команды окончательно оформятся, выработают план действий и будут ждать в полной готовности. Узнав, что Томоясу находится у себя, я немедленно отправился к нему.

Томоясу был очень любезен. Пока я разглагольствовал о многочисленных возможностях, вытекающих из применения машины к предсказанию будущего отдельных людей, с лица его не сходила самая благожелательная улыбка. Наверное, он страшно доволен, что

дело приняло другой оборот и ему не придется больше стоять между мною и своим начальником. Я, со своей стороны, решил продолжать разговор так, чтобы по возможности укрепить его в этом настроении. Мне кажется, на моем лице не появилось и тени озабоченности, я всячески подчеркивал, что мы столкнулись со счастливейшим обстоятельством. Вот тут-то, когда пришлось заговорить о трупе и полиции, Томоясу перестал улыбаться и снова стал сух и сдержан, как всегда. С таким чувством, словно мне предстояло переправиться через бурный поток, я изо всех сил навалился на руль нашей беседы. Не жалея красок, я расписывал сияющие перспективы применения машины-предсказателя для предотвращения преступлений. Ни малейшего намека на то, что полиция может заинтересоваться нами самими. Я сражался более часа и в конце концов победил. Он решился.

Нет, решился он не на переговоры с заинтересованными инстанциями. У него и прав-то на это не было. Просто я уговорил его доложить содержание нашей беседы начальнику статистического управления. Затем я в течение часа упражнялся в красноречии перед этим самым начальником. В отличие от Томоясу начальник на протяжении всего разговора сидел с каменной физиономией. С той же каменной физиономией он попросил нас подождать и куда-то вышел.

Я места себе не нахожу. Мне все представляется, будто вот-вот позвонит Ерики и сообщит, что нагрянула полиция. А вот Томоясу снова спокоен. Прежняя любезная улыбочка вернулась на его физиономию. Видимо, доволен, что передал эстафету начальству. Он пускается в пространные рассуждения о возможностях предсказывающих машин. Но он городит такие глупости, что у меня нет никакой охоты ему отвечать. И такой вот человек является ответственным членом комиссии! Прямо руки опускаются...

Проходит еще час. Он тянулася бесконечно, и я стал уже опасаться, что о нас вообще забыли. Наконец начальник вернулся и деловито произнес:

— Кажется, все в порядке. В общих чертах договоренность есть. Письменного отношения послать не

будем, если возникнет необходимость, сошлитесь на меня. Впрочем, я дал знать в соответствующие инстанции...

Он говорил таким равнодушным тоном, что я даже забыл, что это благоприятный ответ. Только на улице я осознаю, что теперь можно ликовать, бросаюсь искать телефон-автомат и сообщаю Ерики об успехе переговоров. В голосе Ерики я даже по телефону ощущаю напряженность. Оказывается, они там уже связались со счетной лабораторией госпиталя Центральной страховой компании (счетная лаборатория в госпитале — это помещение, где установлена электронная диагностическая машина) и госпиталь готов приступить к стимуляции трупа, едва он туда поступит. Я распорядился немедленно послать Собу в полицию, чтобы доставить труп в госпиталь, и повесил трубку. Внезапно я облился холодным потом. Тело пронзила острыя боль, словно оно распадалось на части. Нет, это была не боль. Это было страшное возбуждение. Наконец-то начинается настоящая работа... После долгого безнадежного ожидания, когда это ожидание стало частью моей жизни, начинается, наконец, настоящая работа. Не это ли мы называем ощущением счастья?

**12** Все подготовлено. Гудит кондиционирующая установка, и стоит войти в помещение, как от ног по всему телу распространяется приятный холодок. У нас отдельная телефонная связь со счетной лабораторией, мои сотрудники разделены на три группы, каждая группа снабжена переносным радиотелефоном и готова приступить к делу в любую минуту. (Молодчина он, этот Ерики!)

Наконец все уходят, и я остаюсь ждать один в машинном зале перед телеэкраном и тремя радиотелефонами,ключенными на прием. Тихо. Слышится только монотонное бормотание машины. Сейчас я всего-навсего одна из ее деталей. Машина будет сама принимать поступающую информацию, сама будет сортировать и вводить ее в запоминающее устройство. На мою долю остаются только легкие вспомогательные операции,

если машина их потребует. Но я горжусь этим. Ведь это я, и никто другой, одарил ее такими возможностями! И я с наслаждением кричу своей машине-предсказателю: «Ты безгранично увеличенная часть меня самого!..»

В три часа пятьдесят минут, на двадцать пятой минуте после ухода Ёрики и его товарищей, поступило первое сообщение — от Цуды, из команды по выявлению преступника. Очень не хочется повторять это сообщение: было что-то зловещее в том, с какой точностью оправдывались предположения Ёрики. Действительно, женщина вернулась домой около полуночи, это подтверждают свидетели-очевидцы. Далее, какая-то драка, по-видимому, была: на затылке у женщины обнаружена рана, которую сама она себе нанести не могла, но результаты обследования трупа, а также ряд других обстоятельств заставляют усомниться в верности ее показаний. Похоже на то, что у нее был соучастник, но она не желает менять свои показания. Не исключено поэтому, что ей кто-то угрожает. По мнению полиции, разгадка преступления — это вопрос времени. Ясно, что совершено оно не рецидивистом, и, как всегда в подобных случаях, обнаружить преступника будет трудно, однако известно, что чем тщательнее преступление спланировано, тем легче поймать виновника за хвост. (Я было заколебался. Может быть, стоит сообщить о том, почему мы были прошлой ночью свидетелями? Если все обстоит так, как утверждает полиция, то вряд ли подозрение падет на нас, людей совершенно случайных. Впрочем, я был уверен, что нам самим удастся обнаружить преступника, и потому решил пока молчать и ждать.)

Вскоре затем поступило подробное сообщение от Кимуры, из группы женщины. Это были обычные данные, которыми заполняются анкеты и полицейские документы, — возраст Тикако Кондо, место ее рождения, профессия, краткая биография, характер, тип лица, даже рост, вес и тому подобное. Приводить их здесь не имеет смысла. Они настолько поверхностны, что ничем не могут помочь, когда дело идет об анатомировании человеческой личности. Все придется переде-

лать заново и с самого начала, и притом совсем другими методами. Вдобавок, если бы возникла необходимость, такие данные всегда можно получить в полиции. И только если бы полиция отказалась, можно было обратиться за ними к соседям и знакомым женщинам.

Наконец в пятом часу в госпитале приступили к стимуляции трупа. Кажется, они там считали, что не все еще для этого готово, но мы решили рискнуть, пока труп не пришел в состояние, при котором стимуляция была бы уже бесполезна. До четырех часов я принял еще несколько сообщений от сотрудников, но я опускаю их, потому что эти данные подтвердились позже в «показаниях» трупа. За час до стимуляции я имел по телевизору непродолжительную беседу с профессором Ямamoto, ведущим хирургом госпитала. Он объяснил, что их диагностическая машина способна воспроизводить и подвергать анализу лишь основные физиологические реакции, но расшифровывать импульсы, запечатленные в коре головного мозга, она не в состоянии. Еще бы! Даже для нашей самопрограммирующейся машины это пока еще область неизведанного. Итак, задача машины сводится к тому, чтобы запомнить и расшифровать комбинации импульсов, возникших в коре головного мозга нашего покойника в результате различных воздействий.

**13** Труп внесли в анатомический кабинет минут за десять до начала работы. Он упакован в герметическом стеклянном ящике, наполненном особой газовой смесью. Препаратор действует при помощи телемеханических манипуляторов. Профессор Ямamoto стоит возле ящика и дает пояснения. (Я наблюдаю всю процедуру на экране телевизора.) Включают рентгеновскую установку, и на стене справа возникает увеличенная анатомическая схема трупа. На этой схеме отчетливо видно, как в нервные узлы нечеловечески точно и уверенно целятся тончайшие, толщиной в волос, металлические иглы, укрепленные в манипуляторах. Черепная коробка трупа срезана. Вместо нее наложена прямо на мозг толстая металли-

ческая шапка с торчащими наподобие волос многочисленными медными проводами. Эта шапка является своего рода измерительным прибором.

Вдруг вспыхнул яркий свет, в помещении стало светло. Телекамера придвигнулась к голове трупа. Позади я увидел Ёрики, он улыбнулся мне в объектив. Несколько поодаль возникли напряженные лица Собы и Кацуко Вады — они исподлобья глядели в лицо трупа. Кацуко стояла так, что родинки на верхней губе не было видно, и она казалась очень хорошенкой. Камера описала дугу. Весь экран заполнило обнаженное, отсвевающее белым, мертвое тело. Шея покрыта коричневыми пятнами, это следы душивших пальцев. Подбородок выпячен. Тонкие губы раздвинуты, глаза крепко-накрепко зажмурены. На белесых, словно припудренных, щеках торчат редкие волоски бороды. Примерный семьянин, служащий финансового отдела, а вот поди же ты — обзавелся любовницей! И дело у них зашло так далеко, что она его убила. Почему-то он представляется мне сейчас гораздо более живым и грозным, нежели вчера, когда он неподвижно сидел в кафе над блюдцем растаявшего мороженого, похожий на манекен в своем облегающем фланелевом костюме. Я завидовал ему, и в то же время мне было смешно. Странное беспокойное ощущение возникло в груди.

И вот началась работа. Сначала измеряют вес и рост. Получают соответственно 54 килограмма и 161 сантиметр. Затем в мгновение ока определяют и замеряют характеристики различных частей тела. Включают манипуляторы. Иглы втыкаются в труп, и на стене вспыхивают индикаторные лампы. И труп в стеклянном ящике словно оживает. Задвигались ноги, туловище дернулось. Шевельнулись губы, открылись глаза, лицо изменило выражение. Вада вздыхает, и вздох этот больше похож на крик. Даже у Ёрики лицо в поту и дрожат губы.

— Так определяются функции движения, — сказал профессор Ямamoto. — Следует помнить, что функции движения связаны не только с физиологией организма, но и со всей историей прожитой жизни.

Далее исследуется деятельность внутренних органов, а когда с этим покончено, начинается, наконец, самое главное: анализ импульсов в коре головного мозга. Количество игл в манипуляторах увеличилось, семь или восемь из них повисли перед лицом. Они стимулируют органы чувств: уши, глаза и прочее. В уши вводятся слуховые трубки, на глаза опускают какой-то прибор, напоминающий огромный бинокль. На экранах осциллографов возникают странные кривые. Их больше восьмидесяти, и они непрерывно изгибаются самым причудливым образом.

— Мы начнем, — поясняет профессор Ямamoto, — со стимуляции обычных, повседневных раздражений. Пять тысяч моделей различных раздражений, тщательно отобранных и отработанных в наших лабораториях. Они выражаются в зрительных и слуховых образах, которым соответствуют простейшие существительные, глаголы и прилагательные. Затем мы пустим в дело еще пять тысяч моделей, представляющих собой комбинации предыдущих. Обыкновенно в нашей практике анализ импульсов коры этим и кончается, но сегодня мы попытаемся пойти несколько дальше. Ну вот хотя бы... Мне сейчас пришло в голову... Покажем ему свежую кинохронику и прочитаем последние газеты за эту неделю. В обратном порядке, начиная с сегодняшних.

— Превосходная мысль! — восклицаю я нарочито восторженным голосом, и Ёрики на экране согласно кивает головой.

Действительно, придумано хорошо. Очень удачная мысль. Даже слишком удачная. Видимо, профессор Ямamoto давно ее лелеет, уже не раз пытался проверить ее на практике, но неудачно, а сейчас из тщеславия делает вид, будто это гениальное озарение снизошло на него только теперь...

Впрочем, в кривых на экранах осциллографов не заметно никаких изменений. Они по-прежнему дрожат, как воздух над горячей дорогой. А что сейчас слышит моя машина?

Щелкает переключатель. Наконец-то! Вот-вот застремочет скоростное печатающее устройство, и из вы-

вода поползет лента записи. Когда же? Я жду и не могу дождаться. Что расскажет мертвец?

## 14

Профессор Ямамото отключает мозговой анализатор и говорит, кивая мне с телевизора:

— Ну, вот и все. Программа стимуляции закончена.

Я поблагодарил и с каким-то беспокойным чувством выключил телевизор. На гаснущем экране я еще успел заметить, что Ёрики и его товарищи смущенно глядят на меня. Вероятно, я поступил слишком грубо и невежливо по отношению к профессору. Ведь все они там, в госпитале, с таким интересом и нетерпением ждали, что расскажет через машину покойный заведующий финансовым отделом, по имени Сусуму Тода. Все так хотели узнать, как отреагировала на этот эксперимент машина. Но у меня были свои соображения. До тех пор пока вопрос не будет уложен полностью и окончательно, результаты сегодняшней работы опубликовывать нельзя. Надо стараться всеми силами не раздражать трусливую комиссию сенсационными слухами. Если, например, это убийство хоть в малейшей степени обернется против нас, комиссия немедленно отречется от нас. И для меня сейчас раскрытие этого странного преступления гораздо важнее испытания предикторских способностей машин. (А Ёрики можно все рассказать, когда он вернется.)

В тот момент, когда я собирался включить выводную систему, зажужжал телефон. Я взял трубку и сейчас же услышал далекий хрипловатый голос:

— Алло, это господин Кацуими?

Голос показался мне знакомым, но я не мог вспомнить, кто это. В трубке слышался уличный шум: видимо, говорили из автомата.

— Предупреждаю, — продолжал голос, — лучше вам не залезать слишком глубоко в наши дела.

— Ваши дела... Какие дела?

— Этого вам знать не нужно. Между прочим, полиция заинтересовалась теми двумя, которые ходили за убитым.

— Кто ты?

— Ваш друг.

Отбой. Я закурил сигарету и, немного успокоившись, вернулся к выводной системе. Щелкаю переключателями, читаю ленту записи. Вызываю одну за другой все секции с информацией, полученной из госпиталя, объединяю их и перевожу на положение «общая реакция». Теперь психика убитого полностью восстановлена и способна реагировать на внешние воздействия. Не сама психика, правда, а ее электронное отображение. Должна существовать какая-то разница между психикой живого человека и ее отображением, это несомненно, и было бы очень интересно исследовать эту разницу, но сейчас меня интересует совсем другое.

Стараясь подавить волнение, я обращаюсь к машине:

— Можешь отвечать на вопросы?

Короткая пауза. Затем слышится слабый, но отчетливый ответ:

— Кажется, да. Если вопросы будут конкретными.

Голос совсем живой, и я немного теряюсь. Словно в машине спрятан настоящий человек. Но это всего лишь электронная схема. У нее не должно быть ни сознания, ни воли.

— Тебе, конечно, известно, что ты умер?

— Умер? — испуганным, задыхающимся голосом шепчет формула внутри машины. — Я умер?..

Нет, это ужасно. Я в страхе бормочу:

— Ну да... Конечно...

— Вот, значит, как... Меня все-таки убили... Вот оно как...

— И ты, конечно, знаешь кто тебя убил?

Голос вдруг становится жестким и гневным:

— Да вы-то кто такой? Почему вы задаете мне вопросы?

— Я?..

— И где я нахожусь? Что происходит? Я умер, но ведь я разговариваю, думаю... — Голос торжествующе кричит: — А-а, понял! Вы врете. Вы все врете, хотите заманить меня в ловушку...

— Нет-нет. Ты ведь не настоящий человек. Ты всего лишь уравнение, формула человека, по имени Сусуму Тода, введенная в машину-предсказатель.

— Мне не до смеха. Бросьте ваши нелепые шутки. Ну что за мерзавцы... Я совсем не чувствую своего тела... Скажите лучше, где Тикако? И включите свет, прошу вас.

— Ты умер, понимаешь?

— Хватит! Больше ты меня не запугаешь! Довольно я дрожал перед тобой!

Я вытираю пот, заливающий глаза. Кажется, надо покончить все одним махом.

— Кто тебя убил?

В машине слышится издевательский смех.

— Лучше скажи мне, кто ты такой. Если я убит, то выходит, что ты и есть убийца. Ну ладно, довольно. Зажги свет и позови Тикако. Слышишь? Будем говорить начистоту.

Кажется, он действительно считает, что я преступник. Следовательно, сознание покинуло его за мгновение до смерти. Может быть, не стоит разуверять его? Попробовать разыграть представление?

— Ну хорошо. Кто же я такой, по-вашему?

— Откуда я знаю?! — ломающимся, как у юноши, голосом крикнул человек в машине. — Ты что, за идиота меня считаешь? Неужто ты думаешь, что я поверю твоей дурацкой выдумке?

— Выдумке?.. Какой выдумке?

— Замолчи!

Мне кажется, что я ощущаю на лице его тяжелое дыхание. Я знаю, что это машина, но меня охватывает отвращение. Да, дело усложняется. Не того я ожидал от простой и ясной точности машины. В чем-то я просчитался. Ну конечно, нельзя было вот так, в лоб, безо всякой подготовки объявить ему правду. Нужно было действовать осмотрительно, оставив себе путь для отступления.

Я решительно поворачиваю переключатель. Мой собеседник мгновенно распадается в электронную пыль. Что-то шевельнулось в моей совести: его существование казалось слишком реальным. Я торопливо

настраиваю индикатор времени и перевожу его на двадцать два часа назад. На тот час, когда Сусуму Тода ждал свою любовницу в кафе на Синдзюку. Затем я включаю изображение.

Снова зажужжал телефон. Это был Щуда из команды по выявлению преступника.

— Как дела? Какие результаты дала стимуляция трупа?

— Пока никаких, — ответил я и вдруг спохваталися. Ведь мой разговор с машиной выявил одну очень важную деталь. Когда мы говорили с Ерики, он заметил, что, возможно, убийцей окажется вовсе не Тикако Кондо. Это было самым скверным из возможных предположений, но всего лишь предположением, не имеющим под собой никакой почвы. Однако из разговора с машиной явствует со всей очевидностью, что Тода ожидал встречи с кем-то помимо женщины, с каким-то третьим лицом. Возможно, с врагом или с пособником.

— Лучше расскажи, как там у вас. Есть что-нибудь новое?

— Почти ничего. За ним до самого дома шли какие-то двое. Это утверждает, например, старичок из табачной лавочки рядом с домом. Впрочем, женщина уже скрепила свое признание отпечатком пальца. У следствия тоже нет единого мнения, и вообще все изрядно охладели к этому делу.

— А твое мнение?

— Право, не знаю... Я вот говорил с Кимурой из команды, которая занимается женщиной. Пока мы не будем ясно представлять себе отношения между нею и убитым, утверждать, будто у женщины был соучастник, нет, кажется, никаких оснований. И вообще, неужели это так важно для нас?

— Откуда нам знать, что важно, а что не важно, если мы еще ничего не сделали? — В моем тоне прорывается раздражение. Надо же, искали совершенно случайный объект и впутались в такую странную историю. — Я бы хотел, чтобы вы там меньше занимались теоретическими построениями и все внимание сосредоточили на сборе фактических данных. Хорошо

бы, например, иметь точный план комнаты этой Тикако.

-- Не вижу, чем это может помочь машине...

— А я тебе еще раз повторяю: мы не знаем, что для нас важно и что нет! — не удержавшись, заорал я, но тут же пожалел об этом. — Ладно, потом соберемся и все тщательно обговорим. У нас нет времени, вот я и срываюсь. Между прочим, остегайся репортеров. Помни, для нас это последний шанс одолеть комиссию...

Кажется, он не согласился со мной, но промолчал и отступил. Дело запутывается все больше и больше. Нам уже не до проектов, годных для комиссии. Мы по горло заняты — стараемся обелить себя. И у меня такое впечатление, что чем больше мы баражаемся, тем глубже увязаем.

**15** Когда я положил трубку и обернулся, на экране была спина живого Тоды двадцать два часа назад. И меня вновь охватила гордость за могущество моей машины. Я поворачиваю верньер поля зрения. Тода на экране сдвигается, и я вижу обстановку кафе как бы его глазами. Отчетливым выглядит только то, на что устремлен сейчас его взгляд. Все остальное беспорядочно искривлено и затуманено. Место, где сидим мы с Ерики, представляется темным пятном, словно там ничего нет. Мороженое в бледечке на столе совершенно растаяло.

Тода черпает мороженое ложкой, вытягивает губы и отхлебывает. Глаза его неподвижно устремлены на дверь. Я спешно шарю в памяти, вспоминая, что будет дальше. Ага, скоро заиграет музыкальный автомат, и Тода повернется лицом к нам. Буду ждать.

Загремела музыка, и Тода обернулся. Чтобы узнать, какими он видел нас, я поворачиваю верньер поля зрения на сто восемьдесят градусов. Музыкальный автомат и девочка в юбке до колен возникают на экране с поразительной четкостью. А впереди — мы, неясные, размытые, словно тени. (Это хорошо, теперь

можно не беспокоиться, что труп станет нашим обвинителем.)

Я перевожу индикатор времени на два часа вперед.

Тода идет по улице.

Еще на два часа вперед.

Тода стоит перед будкой телефона-автомата.

Я ускоряю ход времени на экране в десять раз. Словно в фильме, снятом замедленно, Тода стремительно вскакивает в трамвай, соскачивает, мчится вверх по переулку и подбегает к дому Тикако. Я переключаю ход времени на нормальную скорость.

Теперь начинается самое важное. Если нам повезет, мы не только выпутаемся из дурацкого положения, но и получим важный материал для представления комиссии, и тогда все немедленно изменится к лучшему. Я не отрываясь слежу за Тодой, то и дело судорожно глотая слюну.

Он поднимается по темной лестнице, останавливается и вглядывается в конец коридора. Затем качает головой и неуверенно идет по коридору. Идет, стараясь ступить тихо, навстречу ожидающей смерти... Откуда-то из тени под лестницей за ним, вероятно, наблюдает Ерики, но на экране этого не видно. Тода извлекает из бокового кармана ключ, тыльной стороной ладони вытирает со лба пот, затем наклоняется и отирает замок. Ключ в замке поворачивается с неестественно острым скрипом, и этот звук словно отражает то, что творится на душе у Тоды. Тода, не оборачиваясь, грубым толчком захлопывает за собой дверь. По стуку чувствуется, что дверь закрылась неплотно. Напротив во мраке комнаты виднеется пепельный квадрат окна и в нем какой-то далекий огонек. Тода снимает туфли и, протянув руку влево, поворачивает выключатель. (А смерть уже надвинулась на него!)

Вспыхивает свет. Маленькая комната: видно, что здесь живет женщина. В углах мебель. Никого нет. Все заполнено жестким молчанием. Взгляд Тоды безнадежно обходит комнату... В ту же секунду за его спиной возникает какой-то неуловимый звук. Он нарастает, вспыхивает, превращается в скрип — и вдруг все,

что видит Тода, бессильно оплывает. Косо взлетает пол комнаты и прижимается к лицу. Огромная изогнутая тень, гася свет, бесшумно рушится сверху. Экран заполняет тьма.

Так вот когда он умер...

Некоторое время я сидел неподвижно, уставившись на темную дрожащую поверхность экрана. Итак, он не видел убийцу. Мало того, он может стать свидетелем не в нашу пользу. Женщины в комнате не было. Так говорится и в ее показаниях, но это вопиющая ложь, будто он набросился на нее с упреками и она убила его. И еще. Этот скрип за спиной. Что, если он принял этот звук за скрип двери? Ведь за дверью тогда стоял не кто иной, как Ерики. Да, стимуляция трупа выходит нам боком. Мы сами, своей рукой набросили петлю себе на шею...

Не знаю, сколько времени я просидел так, рассеянно задумавшись. Потом я вдруг почувствовал, что в зале кто-то есть, и обернулся. У дверей, прислонившись спиной к косяку, стоял Ерики. Не знаю, когда он вошел. (На миг, словно галлюцинация, перед моими глазами возникла последняя сцена на экране, я ощутил себя на месте Тоды и вздрогнул.) Ерики, покачивая головой, запустил пальцы в волосы и проговорил с улыбкой:

— Да, плохо наше дело.

— Ты видел?

— Да. Самый конец.

— Где остальные?

— Собу и Ваду я оставил там. Пусть ждут. Возможно, нам потребуются еще какие-нибудь данные.

— Я ждал, что ты мне позвонишь...

Ерики отлепил от тела промокшую сорочку, затем медленно провел языком по губам. Я повернулся вместе с креслом и, глядя ему в лицо, продолжал зловещим тоном, удивившим меня самого:

— ...а вместо этого позвонил какой-то чудак и угрожал мне.

— Что такое? — Ерики замер, держась за спинку стула, на который собирался садиться.

— Предлагал не залезать слишком глубоко в их

дела. Сказал, что полиция заинтересовалась теми двумя, которые следили за убитым. Причем это, кажется, правда. Чуда тоже говорил мне об этом.

— И?..

— Видимо, этому типу известно, что следили за убитым мы с тобой.

— Интересно... — задумчиво проговорил Ерики и затрещал длинными пальцами. — Получается, что там действительно был еще кто-то, кроме нас.

Я насмешливо заметил:

— Весьма возможно. Но кто этому поверит?

— Верно. Я вас понимаю... — Ерики, закусив губу, исподлобья посмотрел на меня. — Звонивший, разумеется, и есть убийца... Но этот телефонный разговор слышали только вы, сэнсэй, и в то же время вы являетесь моим соучастником. Если полиция нападет на след двоих, следивших за убитым, подозрение падет прежде всего на меня.

— Я попытался представить себе связь между обстановкой в комнате и тенью на окне. Эта тень была, несомненно, от Тоды, когда он падал. Ты видел еще одну тень... Но ее, кроме тебя, никто больше не видел.

— Да, мне могут сказать, что это была моя собственная тень, и опровергнуть это я не смогу. — Ерики с горькой усмешкой прищелкнул языком. — Поистине нам фатально не повезло, что наш объект не видел убийцу. Столько трудов нам стоила стимуляция трупа, и вот она обернулась против нас. Будь у меня хоть малейший мотив для убийства, даже вы могли бы заподозрить меня, сэнсэй, и были бы правы.

— С мотивом тоже беда. Заставить его говорить оказалось не так-то просто...

Я многословно поведал Ерики, как убитый, это несчастное отражение личности в машине, решительно не пожелал признать себя мертвым и как трудно с ним иметь дело. Ерики молча выслушал меня, затем тихо сказал:

— Тогда остается только прибегнуть к обману.

— К обману?

— Да. Убедить его, что он еще жив.

# 16

В общем это нам, кажется, удалось. Убитого — нет, его электронный призрак в машине убедили, что он лежит в госпитале. Он ничего не видит и не чувствует своего тела из-за шока, но он скоро поправится. И когда в нем возбудили чувство мести, он неожиданно заговорил. Мы заставили его говорить, и это был успех. Другой вопрос — насколько это улучшает положение.

(Еще только шесть часов, но небо внезапно потемнело, хлынул проливной дождь. Огромные капли разбиваются о стекла окон. Напряженно, словно сидя на стуле с двумя ножками, я выслушал исповедь машины. Привожу ее здесь.)

«Лучше бы уж я умер. Мне стыдно... Вы понимаете меня?.. В мои-то годы беспардонно волочиться за юбками... Что говорит жена? Нет, теперь она вряд ли простит меня... Видите ли, она никогда не давала мне ни малейшего повода для недовольства. Так оно и было, я говорю вам правду. Теперь эта девушка, Тикако Кондо. Она пела в кабаре, но вы бы никогда не подумали, что она из тех женщин. Застенчивая такая, скромная... Правда, телом она немного не вышла, слишком худая и угловатая. Спросите кого угодно, я никогда не посещал таких заведений, но в тот вечер я сопровождал нашего директора, и вот... Не знаю, почему девушка с таким веселым образом жизни обратила внимания на меня, ничем не примечательного, туповатого пятидесятилетнего мужчину. Ну, естественно, я сразу потерял голову. Она гладила мои щетинистые щеки своими гладенькими пальчиками... Да из одной только благодарности я бы... Нет, этого словами не объяснишь, в общем я совсем одурел... рад был без памяти... Но это вам, паверное, неинтересно... Однако вы должны понять, что это она не только из-за денег. Вы, конечно, не поверите, но это чистая правда. Никогда не пыталась вытянуть из меня деньги. Конечно, я каждый месяц выплачивал ей кое-что, и она была этим вполне довольна. Тело у нее было угловатое, но душа-то прямая и мягкая. Она даже откровенно ска-

зала мне, что полюбить меня не сможет, но что я ей нравлюсь. Редкостная женщина. Ведь я верно говорю?..

А потом я стал подозревать ее. Когда тридцать лет подряд занималась финансами расчетами, обязательно становишься дотошным и подозрительным. Все время дрожишь, как бы из тебя не стали тянуть деньги, а если не тянут — опять не то! Как-то она слишком уж ровно держалась со мной... А я человек далеко не самоуверенный, вот и перестал ей доверять... Это все равно, как если смотреть в подзорную трубу не с того конца. Ну вот, то да се, и случилось одно происшествие. Вернее, это даже происшествием нельзя назвать, но однажды прихожу я к ней и вижу, что она купила дорогой ковер. Вы, вероятно, его видели, не правда ли? Не такой, чтобы уж сразу бросался в глаза, но при ее средствах, конечно, роскошь. Я финансовый работник, сразу такие вещи примечаю. Но когда узнал, в чем дело, то еще больше поразился. Она сказала, что забеременела и ковер купила в память об этом. У меня в мои годы даже сейчас в груди стеснение, чуть не плачу, когда вспоминаю. У нас с женой детей нет, и это меня совсем ошеломило. Нет, не то чтобы ошеломило, это я неправильно говорю. Просто у меня словно крылья выросли, захотелось бежать и всюду хвастаться, показать себя людям таким, каким меня никто не знает. Мне даже чудилось, будто об этом надо рассказать и жене, которая тогда ничего не подозревала, пусть, мол, порадуется вместе со мной. Что это? Кажется, дождь идет? Слышу... Ну ладно, подождите еще немного, сейчас перейду к самому главному. (Торопится.) Дальше все пошло скверно. Представьте, она говорит мне, что беременна, и это чистая правда. И вдруг я прихожу, а она заявляет, что сегодня сделала аборт. Каково?! Ну ладно, аборт так аборт. В конце концов, честно говоря, я и сам не так уж уверен в своем будущем. Но меня страшно оскорбило то, что она не сочла нужным хотя бы посоветоваться со мной. Я прямо из себя вышел, наговорил ей всякого. Ты-де сама не знала, от кого ребенок, и потому, дескать, боялась рожать. Теперь, дескать, все понятно, понесла от какого-нибудь мерзавца с толстым

кошельком и выкачивала из него денежки. А если не так, то откуда у тебя деньги на ковер? Я-де, значит, был только предлогом для шантажа. Она все отрицала, мотая головой, и, наконец, расплакалась. Нет, это не вчера было, вчера мы с нею так и не увиделись. Это было месяца два назад.

В общем я допрашивал ее. Она плакала. Я, конечно, понимал, что не такой она человек, чтобы заниматься шантажом, но как же иначе все объяснить? Она изо всех сил пыталась оправдаться. Но оправдания ее были из рук воин глупыми... Рассказала, что есть, мол, такая больница, где делают аборт да еще семь тысяч иен платят, если беременность не больше трех недель. Когда она за собой заметила, то сразу побежала в эту больницу. Ей сказали, что она как раз на третьей неделе, и тут же сделали аборт. Ну кто этому поверит? Ведь и в глупости надо знать меру. Спрашиваю, где эта больница. Отвечает, что сказать не может, дала слово никому не говорить, а если скажет, то с нею, дескать, случится несчастье. Ну, думаю, хватит с меня! И залепил ей пощечину. Раньше я о таких вещах только читал, никогда в жизни пальцем не тронул женщину. Ужасно скверно мне стало, и я, не сказав больше ни слова, убежал.

Как бы то ни было, а радости больше я не знал. Только об одном и думал: как бы ее поймать на чем-нибудь, чтобы она уже не смогла отделаться дурацкими выдумками. Тут мне повезло. У нее были сберкнижки. По странной привычке она хранила дома свои старые, ни на что уже не годные сберкнижки. Для меня это было настоящей находкой. Вы понимаете, я все-таки финансовый работник. Пришел я к ней, когда ее не было дома, и принялся их тщательно изучать. Цифры, если уметь их читать, могут рассказать много интересного. Я многое выяснил тогда. Иногда дважды в неделю, а иногда два-три раза в месяц в книжках были отмечены вклады, которые она никак не могла бы объяснить. Мой глаз не обманешь, думаю, теперь ты мне попалась. Собрал я доказательства и ткнул ей под нос. Это было три дня назад. Она опять в слезы, но меня это уже не трогало. Доказательства-то вот

они, от них не отвертишься. Тут она снова принялась твердить свою глупость про больницу. Дескать, она получает там по две тысячи иен комиссионных за каждую женщину, беременную не больше трех недель. Эта больница-де скупает трехнедельных детей в утробе матери, и она подрабатывает там посредничеством. Ужасная гадость, правда? Мне уж и не до подозрений стало, я начал беспокоиться. Может, она свихнулась, думаю. Стал я припоминать. И верно, думаю, иной раз она как будто странная какая-то, словно бы угасшая, что ли... Я не отступался, продолжая расспрашивать. Тогда она, дрожа от страха, снова повторила, будто если в больнице узнают, что она мне рассказала, ей будет плохо — может быть, даже и убьют. Дескать, эти купленные зародыши вовсе не умирают. В больнице их выращивают в специальных аппаратах, и из них вырастают-де люди, более совершенные, чем нормальные, которые растут в материнской утробе. И наш ребенок, дескать, жив... Как вам это нравится? Даже оторопь берет, верно? Если она говорит правду, думаю, то это должно быть страшное дело. А если ей солгали, то надобно ей как-то открыть глаза. Я стал настаивать, чтобы она проводила меня туда. В конце концов она сдалась и пообещала посоветоваться с кем-то там в больнице...

Ну и вот, получил я ответ. Это было вчера в полдень. Мне позвонили в контору и предложили явиться к семи часам вечера в кафе Р. на Синдзюку. Сказали, что там я встречу сотрудника больницы, который мне все объяснит. Откровенно говоря, я этого не ожидал и очень удивился. Мне и в голову не пришло, что это может быть ловушкой. Я был уверен, что имею дело с сумасшедшими. И сидя в кафе, злясь и досадуя, что меня заставляют так долго ждать, я еще просто-дуршно размышлял, в какую психиатрическую лечебницу я ее завтра отведу. Ага, вы уже, оказывается, знаете, что было дальше. Да, меня обвели вокруг пальца. Нет-нет, не думайте, что это кто-нибудь из ее мифической больницы. Это, конечно, любовник. Она по бесхарacterности не смогла заставить себя признаться и не знала, что со мной делать. А насчет больницы, скупаю-

щей детей в материнской утробе, это она ловко придумала. Но почему она не сказала сразу, что я ей мешаю?.. Я ведь совсем не хочу, чтобы обо мне думали, будто я такой уж неразборчивый. И незачем ей было натравливать на меня своего любовника. Сплошной позор вся эта история...»

## 17

— Все дело, конечно, в этой женщине, — с досадой сказал Ёрики, мрачно покусывая губу.

— Но она признала себя виновной и не собирается отказываться от этого признания.

— Вот это и странно. Впрочем, судя по рассказу убитого, она, наверное, просто невротик.

— А может быть, она действительно чего-нибудь боится?

— Все может быть... Например, боится собственной тени. Или старается выгородить настоящего преступника. Возможно, конечно, что она и впрямь признала себя виновной под угрозой.

— С точки зрения здравого смысла наиболее естественны два первых предположения. Но если учесть мой телефонный разговор, то последнее предположение тоже не лишено оснований.

— Да-да, этот телефонный разговор... — Ёрики изо всех сил сморщился, словно пытаясь выжать из себя какую-то мысль. — Да, любовник, пожалуй, отпадает. Нет... Да, это так... Я с самого начала был против версии о любовнике. Таких добронорядочных и скупых мужчин не убивают из-за женщины. В качестве мотива это не годится.

Я усмехнулся.

— Так что же, примем версию о торговле зародышами?

Ёрики с серьезным видом кивнул.

— Я думаю, не обязательно понимать это буквально. Но раз уж мы отвергли версию о любовнике, остается только предположить, что убитый либо знал, либо делал нечто такое, что не устраивало преступника. Причем настолько не устраивало, что тому пришлоось прибегнуть к уничтожению человека. Далее, все, что

убитый знал и делал, должно так или иначе содер- жаться в этой его исповеди. А отсюда следует, что версия о торговле трехнедельными зародышами в материнской утробе, при всей ее нелепости, тоже заслуживает самого тщательного рассмотрения.

— Разве что как сказочка.

— Разумеется, как сказочка. Не исключено, что выражения «три недели», «зародыш» и прочие являются каким-то кодом. В общем, как бы то ни было, давайте попробуем на машине женщину. Это нужно сделать в первую очередь.

Я невольно вздыхаю.

— Чувствую, что нам из этой истории не выпутаться.

— Теперь отступать нельзя. Нам остается только идти напролом.

— Значит, ты считаешь, что все обойдется? Но ведь эта шайка может донести на нас, как только узнает, что мы взялись за женщину. Она и перед убийством не останавливается...

— Если мы будем сидеть сложа руки, подозрение все равно рано или поздно коснется нас. Весь вопрос во времени. Спасение в одном — панести удар первыми. И в конце концов нам совершенно не обязательно лично встречаться с этой женщиной. Комиссия пошлет за ней машину, ее потихоньку выведут из полиции через задний двор и отвезут в госпиталь. Между прочим, это может быть даже интересно — попытаться предсказать будущее такой особы.

Я потерял точку опоры, потерял всякое представление о перспективе и понятия не имел, что следует предпринять. Тем не менее, подобно неопытному велосипедисту, которому нет покоя, пока он не летит сломя голову все равно куда, я, недолго думая, позвонил члену комиссии Томоясу. Томоясу был очень любезен: нашей работой, по его словам, заинтересовались в высших сферах. Выслушав меня, он благосклонно заметил, что разрешение на стимуляцию трупа можно толковать достаточно широко, чтобы не считаться с арестанткой. Действительно, он тут же получил разрешение начальника Статистического управления. Затем

он спросил, как у нас дела. Я уклончиво ответил, что получены интересные результаты, и подпросил, чтобы женщину, не упоминая при ней нашу лабораторию Института счетной техники, перевезли из полиции в госпиталь Центральной страховой компании к профессору Ямамото. Томоясу сразу же согласился. Все прошло так гладко, что я ощущал беспокойство. Мне показалось, что это свидетельствует о скорости нашего стремительного падения в бездну...

Ожидая, пока женщину доставят к профессору Ямамото, я дал машине задание вновь проанализировать результаты стимуляции трупа и разделить их на общие и характерные показатели — то есть на показатели, свойственные всем людям вообще, и показатели, характерные только для данного индивидуума. Если она справится, будет очень удобно. Тогда в дальнейшем личность человека можно будет восстанавливать на основе одних только характерных показателей, подключая их к заранее заданным общим. Данных для такой работы у машины было еще недостаточно, и я не очень рассчитывал на успех, но машина сработала неожиданно быстро. Видимо, специфический элемент... переменная в формуле личности куда проще, нежели я предполагал. Почти все специфическое в организме можно с достаточной вероятностью свести к физиологическим особенностям, да и стандарты биотоков мозга можно получить простым анализом реакций на стимуляцию примерно двадцати участков коры, проведенным на тысяче образцов. Превосходный материал. Прямо сам просится, чтобы его представили в комиссию. Я приказал отпечатать основные положения об анализе характерных показателей. Все поместились на одной страничке мелким шрифтом. Ряд обычных медицинских терминов и слов из учебника японского языка. Кажется, в этом и заключено то, что мы называем индивидуальностью.

— Послушай, Ёрики-кун, давай приложим к этому листку какой-нибудь пример практического применения и выступим с ним на очередном заседании комиссии?

— Можно, конечно. Только все эти комиссии для нас уже не проблема. Идею предсказания судьбы человека они приняли.

— Ничего подобного. Есть всего-навсего неофициальное согласие.

— Это одно и то же. Вспомните, как к нам относились раньше...

— Да, пожалуй...

Я позвонил профессору Ямамото. Женщину еще не привезли. Когда я рассказал ему о том, что мы составили положения об анализе характерных показателей, он, как и следовало ожидать, не мог скрыть волнения. Я попросил позвать к телефону Кацуко Ваду и продиктовал положения, чтобы она ввела их в диагностическую машину. Ёрики принес кофе. Полоща зудящие от непрерывного курения глотки сладким кофе, мы поговорили о новой титанической машине-предсказателе «МОСКВА-3». Эту машину построили недавно, и о ней ходили самые разнообразные слухи. Видимо, она примет на себя обслуживание систематическими прогнозами стран коммунистического и нейтралитского блоков, занимающих большую половину земного шара. Гигантский монумент их превосходства, которым они так гордятся. Его тень, вероятно, падает далеко за пределы моей лаборатории. Когда я думаю об этом, я ощущаю себя ничтожеством. Там, у них, машина-предсказатель является столпом государства, а у нас это всего лишь крысоловка для поимки какого-то убийцы, да и сам ее создатель мечется вслепую, стараясь отделаться от крысы, вцепившейся ему в ногу.

Но меня все сильнее охватывает беспокойство. Прошло уже много времени, а никто не сообщает, что женщину привезли. Может быть, еще раз позвонить Томоясу?

— Ну, а я, сэнсэй, все свои надежды возлагаю на эту крысоловку. Что ни говорите, сама машина избрала для себя это дело. А машина — это логика.

— Да я что же, я ведь не отступаюсь...

От Томоясу сообщили, что из полиции женщину уже отправили. Но в госпитале ее еще нет. Мое беспокойство усугубляется.

Ёрики тоже, по-видимому, волнуется. Он ходит вокруг машины, заглядывает в ее узлы и непрерывно болтает.

— Весь вопрос в системе программирования... Нам не разрешают социальную информацию — пусть, обойдемся. В этом смысле, мне кажется, мы тоже кое-что проглядели... Если бы мы мыслили более широко, то даже из информации о природных явлениях смогли бы вывести предсказание, по важности не уступающее предсказаниям «МОСКВЫ-2». Все дело в том, чтобы оставаться настороживыми и целеустремленными.

Зажужжал телефон. Ёрики схватил трубку и слушает. Подбородок его выпячивается, взгляд становится тяжелым. Кажется, что-то случилось.

— Что там?

Он мелко трясет головой.

— Умерла...

— Умерла?.. Как умерла?..

— Понятия не имею. По-видимому, самоубийство.

— Это точно?

— Говорят, что отравилась...

— Немедленно подключи машину к лаборатории Ямamoto. Подвернем ее труп стимуляции и выясним, кто и где передал ей это снаряжение.

— Похоже, что ничего у нас не выйдет, — сказал Ёрики, не снимая руки с телефонной трубки. — Она убила себя каким-то ядом. Мозг ее разрушен, и нормальной реакции ожидать не приходится.

— Плохо дело... — Я смял в пальцах зажженную сигарету и почти не ощутил боли от ожога. Я старался держаться спокойно, но у меня дрожали колени. — Ну ладно, послушаем, что скажет Ямamoto-сан.

Я позвонил в госпиталь. Ямamoto подтвердил, что никакой надежды нет. Ему редко случалось видеть труп, первная система которого была бы разрушена столь основательно. По его словам, если яд принят в дозе, превышающей какую-то определенную норму, у самоубийцы начинается рвота, яд не успевает распространяться, и организм усваивает лишь незначительное его количество. Организм же этой женщины буквально пропитан ядом. Так может случиться только

при введении яда инъекцией. Однако никаких следов укола на трупе не обнаружено. Да и как она могла ухитриться сделать себе укол, если все время в машине находилась под надзором полицейского? Можно, правда, предположить, что она заранее проглотила какой-нибудь препарат, парализующий рвотный центр, и это дало ей возможность принять такую чудовищную дозу яда. Но это слишком сложно...

Если быть последовательным, то так или иначе приходишь к мысли об убийстве. Я понял, что профессор Ямamoto вот-вот заговорит об этой возможности, и спасся бегством. Ни в коем случае нельзя дать понять, что нам известно больше других. Пока мы не нападаем противника, надо затаиться.

Едва я положил трубку, как снова зажужжал телефон. В барабанную перепонку ударил твердый, сдерганный голос:

— Алло! Господин Кацуми? Мы вас предупредили по-хорошему, а вы что делаете? Теперь пеняйте на себя...

Не дослушав, я сунул трубку Ёрики.

— Это он. Тот самый шантажист.

Ёрики крикнул:

— Алло! Кто это? Кто говорит?

Незнакомец дал отбой.

— Что он сказал? — спросил я.

— Сказал, что полиция теперь взялась за дело по-настоящему.

— Тебе этот голос не показался знакомым?

— Знакомым?..

— Вернее, не голос, а интонация. — Что-то шевельнулось в моей памяти и сейчас же исчезло. — Наверное, я вспомню, если услышу еще раз.

— Действительно, мы, возможно, знаем этого человека. Слишком уж быстро он обо всем узнает. Обо всех наших делах.

— Что будем делать?

Хрустя пальцами и озираясь, словно ища вешалку для шляп, Ёрики проговорил:

— Да, кольцо окружения сжимается... И если мы не найдем в нем слабое место...

— Может быть, проще пойти и сообщить в полицию, как все было?

— Как все было? — Ерики криво усмехнулся и повел плечом. — А как вы докажете им, что все именно так и было?

— Но разве не служит доказательством, например, то, что женщину убили не мы?

— Не пойдет. Пусть даже женщина действительно убита, а не покончила с собой. Но ведь наши Цуда и Кимура не раз наведывались в полицию и так или иначе имели возможность соприкасаться с нею. Сейчас они вне подозрений, потому что у них бумаги с большими печатями, но едва нас заподозрят в убийстве этого несчастного заведующего финансовым отделом, как на них тут же обратят внимание. «Институт убийц». Хорошо звучит, не правда ли? Отличный заголовок для газет. Слава о нашей методике человекоубийства прогремит по всему миру.

— Это только предположение. То, что ты мне говоришь.

— Да, это своего рода предположение.

— Сейчас полиция будет заниматься вещественными доказательствами. Например, будет доискиваться, откуда взялся яд.

— Сэнсэй... Как вы думаете, почему комиссия так охотно идет нам навстречу? Не потому ли, что они думают, что наша машина поможет раскрыть преступление?.. Мы ведь и сами так считали. Мы полностью полагались на возможности машины. Но противник оказался гораздо сильнее, чем мы воображали. И вы думаете, что полиция легко справится с противником, который оказался сильнее нашей машины?

— Противник?

— Ну конечно! Разве не ясно, что мы имеем дело с настоящим противником?

Я опустил глаза и задержал дыхание. Нет, в сторону всякие эмоции. Нужно слушать Ерики. И если действительно нам противостоит противник, а не простая цепь случайностей...

Позвонил Цуда. Полиция задержала какого-то субъекта и показала его хозяину табачной лавки. Как

только выяснилось, что произошла ошибка, задержанного немедленно отпустили. Хозяин табачной лавки утверждает, что один из преступников — мужчина небольшого роста, видом из благородных, глаза маленькие, с холодным, жестким блеском. Я непроизвольно улыбнулся. Ерики я это передавать не стал.

— Так кто же это, по-твоему? — спросил я его.

— Мне все больше кажется, что это не частные лица, а какая-то организация.

— Почему?

— Не могу выразить этого словами. Я так чувствую.

Дождь прекратился. Незаметно наступил вечер.

— Восьмой час. Пора отпустить всех по домам.

— Я им позвоню, — сказал Ерики.

Я кивнул и подошел к окну. Внизу у ворот стоял мужчина с сигаретой во рту. Было темно, и я не мог разглядеть его лица. Вдруг он поднял голову, увидел меня и поспешил ушел. Я резко обернулся.

— Ты хочешь сказать, что это та самая организация, которая занимается скучкой зародышей на третьей неделе беременности?

— Ну вот еще, откуда мне знать... — немного растерянно, как мне показалось, проговорил Ерики, набирая номер на телефонном диске. — Впрочем, если уж на то пошло, сейчас над проблемами внеутробного выращивания млекопитающих работают во всем мире...

— Внеутробное выращивание?

— Угу...

— Любопытно... Ты что же, только сию минуту об этом вспомнил? Или все ждал случая сказать?

— Да нет, я об этом давно думаю. Просто как-то к слову не приходилось.

— Понятно. С твоим образом мышления ничего иного и быть не могло. Но я тебе вот что скажу. Все это плод твоего воображения. И будет лучше, если ты выбросишь это из головы.

— Почему?

— Потому что это мешает тебе видеть факты.

— Да нет же...

— Довольно об этом. Не отвлекайся, звони.

Но Ерики не стал звонить.

— А я вот сам видел крыс с жабрами. Самые настоящие земноводные, только млекопитающие.

— Ерунда!

— Нет, правда. Говорят, они там научились в ходе внеутробного выращивания заменять наследственное развитие индивидуальным. Это действительно возможно. Говорят даже, что выведены земноводные собаки, но их мне, правда, видеть не приходилось. Пока у них не получается с травоядными животными. Но хищники и всеядные сравнительно...

— И где эти животные находятся?

— Неподалеку от Токио. В лабораториях старшего брата одного вашего знакомого, сэнсэй...

— Кто это?..

— Брат господина Ямамото из госпиталя Центральной страховой компании. А вы и не знали?.. Жаль, что сейчас поздно уже. Но завтра я бы мог свозить вас туда. Я, конечно, не думаю, чтобы они занимались и человеческими зародышами, но, может быть, нам удастся напасть там на какой-нибудь след. Конечно, это окольный путь, но ведь прямого пути к...

— Хватит с меня! Я не желаю играть в сыщиков. Вон там, у ворот, торчит какой-то субъект и следит за нами. Если не сырщик, то наверняка наемный убийца.

— Вы это серьезно?

— Пойди и сам посмотри.

— Я позвоню вахтеру, пусть он проверит.

— Позвони заодно и в полицию.

— Сказать, что нас подкарауливает наемный убийца?

— Скажи все, что тебе угодно... — Я встал, перебулся и взял портфель. — Я иду домой. Ты тоже иди, когда всех обзвонишь.

## 18

Я был зол. Я даже не знаю, на кого именно. Мне так хотелось размотать этот дурацкий клубок, но я понятия не имел, с чего начинать. И дело не в том, что в руках у меня не было нитей, напротив, нитей было слишком

много. Все они переплетались и обрывали друг друга, и совершенно непонятно было, какой из них лучше следовать.

По дороге домой я немного боялся, но, кажется, за мной никто не следил. Жена услыхала, как я резко рванул калитку, и поспешила мне навстречу. Я понял, что она ждала моего возвращения. И действительно, не успел я в передней снять туфли, как она вдруг заговорила низким, хрипловатым голосом:

— Что все это значит? Этот госпиталь... и вообще все...

На ней было выходное платье. То ли она тоже только что вернулась, то ли собиралась куда-то идти. Свет из комнаты пронизывал встрапанные волосы на ее голове. Она была сильно возбуждена и раздражена чем-то. Я не понимал, в чем дело. При слове «госпиталь» я вспомнил только счетную лабораторию в госпитале Центральной страховой компании, где разыгрался акт из дела об убийстве. Откуда жена узнала об этом? И почему она так этим заинтересовалась?

— Как это «что значит»?

— Как ты можешь?.. — прошептала жена сдавленным, полным упрека голосом, и я остановился как вкопанный.

Из гостиной под аккомпанемент телевизионной музыки донесся пронзительный прерывистый смех нашего сына Ёсио. Я ждал, что скажет жена. У меня вдруг возникла нелепая мысль: а вдруг она обнаружила в работе счетной лаборатории господина Ямамото какое-то упущение, которого я не заметил? Но жена, по-видимому, ждала, что скажу я.

Некоторое время тянулось неестественное молчание. Наконец жена проговорила:

— Я сделала так, как ты хотел. Но я вижу, ты забыл даже, о чем звонил им. Не ожидала от тебя такого легкомыслия... Достаточно того, что ты не удосужился приехать за мной.

— Звонил?

Жена подняла голову. На лице ее был испуг.

— А разве нет?..

— Подожди. О чём я звонил?  
У неё мелко задрожал подбородок.

— Они сказали, что ты им позвонил... Ведь ты звонил, правда?

Она была в смятении. Видимо, упреки, которыми она только что собиралась меня осыпать, потеряли под собой почву. Вошло что-то немыслимое, неожиданное и разом погасило её раздражение. И вот что я понял из её сбивчивых, взъёмнованных слов.

Около трех часов, едва Ёсио вернулся из школы, ей позвонил врач из клиники женских болезней, где она состояла под наблюдением. Это маленькая лечебница в пяти минутах езды на автобусе от нас, ее директор — мой старый приятель. (Тут я вспомнил. Несколько дней назад жену предупредили, что она забеременела, и она обратилась ко мне за советом, делать ли ей аборт. Однажды у неё случилась внепочечная беременность, и с тех пор она очень остро переживает такие вещи. Кажется, я так ничего и не ответил ей, это было как раз, когда нас загнали в тупик по вопросу о машине.) Содержание телефонного разговора сводилось к тому, что ее пригласили немедленно приехать в клинику, где ей по моей просьбе сегодня же сделают операцию. Жена заколебалась. Кажется, она даже опутила чувство протеста. Она позвонила ко мне, но меня на месте не оказалось. (В три часа я сидел у члена комиссии Томоясу и вел переговоры о передаче нам трупа. В лаборатории все были, конечно, как в тумане и, видимо, забыли потом передать мне, что звонила жена.) Волей-неволей она отправилась в клинику.

— Значит, аборт ты в конце концов сделала? — сказал я.

Я нарочно говорил недовольным тоном, стремясь, видимо, инстинктивно избавиться от нарастающего беспокойства.

— Ну да, — сердито ответила жена. — Что мне оставалось делать?..

Мы поднимаемся на второй этаж в мой кабинет, она идет позади меня. «Добрый вечер, папа!» — привычно кричит из коридора мне вслед Ёсио.

— Я все же решила на всякий случай посоветоваться с доктором... Но его в поликлинике не было. Сам же вызвал и куда-то уехал. Я разозлилась и хотела тут же вернуться домой. Но едва я вышла за дверь, как меня нагнала какая-то женщина, видимо медсестра, с большой такой родинкой на правой стороне подбородка, и сказала, что доктор скоро вернется. Она предложила мне подождать в приемной и дала принять какие-то пилюли. Горькие пилюли в красной обертке... Кажется, в красных обертках — это сильнодействующие лекарства. Эти пилюли, во всяком случае, действовали сильно... Спустя некоторое время я впала в странное оцепенение. Как будто все тело уснуло, остались только глаза и уши... Потом... Я все помню, но как-то словно в тумане, словно это было не со мной. Кажется, меня вывели, поддерживая с обеих сторон, усадили в машину и повезли в другую больницу... Это был госпиталь с темными длинными коридорами... Там был доктор... Это был, правда, совсем другой доктор, но ему все уже было известно, и он быстро сделал мне операцию. Все шло как на конвейере. Мне не дали времени подумать, сообразить... И еще не знаю, какой в этом смысл, но перед уходом мне вручили какую-то несуразно большую сумму. Сказали, что это сдача...

— Сдача?

— Да. Ты ведь заплатил заранее...

— Сколько тебе дали? — сказал я, невольно поднимаясь с места.

— Семь тысяч иен... Не знаю уж, сколько они посчитали за операцию.

Я потянулся за сигаретой и опрокинул стакан с водой, стоявший на столе со вчерашнего вечера.

— Ты была, кажется, на третьей неделе?

— Да... Примерно так.

Вода подтекает под стопку книг. «Вытри, пожалуйста». Семь тысяч иен... Три недели... От шеи по спине растекается огромная тяжесть, словно я карабкаюсь в гору с трехпудовым грузом на плечах. Жена озадаченно смотрит на меня. Я отвожу взгляд и, накладывая на лужу старую газету, спрашиваю:

— Что это за госпиталь? Как он называется?  
— Не знаю. За мной прислали машину и на ней же отправили обратно.  
— Ну хотя бы где он, ты не помнишь?  
— Право... Где-то очень далеко... Совсем на юге как будто, где-то чуть ли не у моря. Я в дороге все время дремала... — Она помолчала и добавила, словно выпытывая: — Но ты-то, конечно, знаешь о нем?

Я ничего не ответил. Да, я знаю, только в совсем другом смысле. Как бы там ни было, ничего говорить нельзя. Любое мое слово повлечет новые вопросы, и мне придется на них отвечать. Волнение мое улеглось, и я почувствовал, как во мне поднимается жесткое упрямство, раскаленное, как железный лист, под которым бьется жаркое пламя. Я еще не мог сказать себе, что все понял. Вернее, я не понимал причины, по которым меня все глубже и глубже затягивают в омут. Но моя жена вдруг оказалась в этой ловушке вместе со мной, и это было настолько оскорбительно, что меня охватила ярость, затмившая все перед моими глазами.

**19** Я спускаюсь на первый этаж и подхожу к телефону. Жена хотела было сказать Есио, чтобы он выключил телевизор, но я остановил ее. Не хватает мне еще впутывать жену в эти дела, в которых я сам брошу на ощупь, как слепой.

Прежде всего я позвонил в клинику своему приятелю и спросил адрес гинеколога, курирующего жену. Мне дали его телефон. Врач оказался дома. Мои вопросы привели его в замешательство. Разумеется, он ничего не знал и не вызывал мою жену. Да он и не мог знать, сказал он, поскольку в указанное время совершал обход больных на дому, начатый еще вчера. На всякий случай я спросил о медсестре, угощавшей жену пильолями. Как я и ожидал, он ответил, что в клинике нет медсестры с родинкой на подбородке. Мои страхи оправдывались: дело принимало плохой оборот.

Набирая номер лаборатории, я чувствовал дурноту, словно сердце мое провалилось и бьется в желудке. Дурнота эта возникала из ощущения, что ход событий, в которые я так внезапно оказался вовлеченным, совершенно противоречил всем мыслимым законам природы, согласно которым явления обыкновенно развиваются через цепь случайностей.

Семь тысяч иен... Трехнедельные зародышки... Внегрудное выращивание... Крысы с жабрами... Земноводные млекопитающие...

Другое дело, если бы это была радиопостановка во многих сериях. Но случайности потому и случайности, что они не имеют друг с другом ничего общего. Смерть заведующего финансовым отделом... Подозрение... Смерть женщины... Таинственные телефонные звонки... Торговля зародышами... Ловушка, в которую попала жена... Цепная реакция, начавшаяся с очевидной случайности, развернулась в прочную цепь, и эта цепь все туже заматывается вокруг моей шеи. И все же я никак не могу нашутать ни мотивов, ни целей, как будто меня преследуют умалишенные. Мой рационалистический дух не в состоянии выдержать всего этого.

По телефону отозвался дежурный вахтер.

— Горит ли еще свет в лаборатории? — спросил я.

Вахтер шумно прочистил горло, откашлялся и ответил, что свет не горит и никого там, наверное, уже нет. Я проглотил немного хлеба с сыром, выпил пива и стал собираться.

Жена растерянно глядела на меня, почесывая правой рукой локоть левой, сжатой в кулак под подбородком. Вероятно, она думала, что я просто сержусь на путаницу в клинике, и испытывала чувство вины передо мной.

— Может быть, не стоит? — нерешительно сказала она. — Ты ведь устал, наверное...

— Эти семь тысяч тебе вручили в конверте?

— Нет, без конверта.

Она сделала движение, чтобы пойти за деньгами, но я остановил ее. Затем я обулся.

— Когда же ты освободишься? — сказала она. —

Я все хочу поговорить с тобой о Есио. Учитель сообщил мне, что он пропускает уроки.

— Ничего страшного. Он еще ребенок.

— Может быть, поедем послезавтра, в воскресенье, на море?

— Если завтра все уладится с комиссией.

— Есио ждет не дождется...

Я раздавил в своей душе что-то хрупкое, как яичная скорлупа, и молча вышел из дома. Нет, я не занимался самоистязанием. Просто эти скорлупки действительно слишком хрупкие. Даже если я пощажу их, они будут раздавлены кем-нибудь посторонним.

Едва я вышел, как кто-то шарахнулся от ворот, перебежал улицу и скрылся в переулке напротив. Я пошел обычной своей дорогой к трамвайной линии. Кто-то сейчас же выпрыгнул из переулка и как ни в чем не бывало последовал за мной. Вероятно, тот самый субъект, что давеча слонялся возле лаборатории. Я резко повернулся и двинулся ему навстречу. Он опешил, тоже повернулся и бросился бежать обратно в переулок. Преследователи из романов, которые мне приходилось читать, так никогда не поступали. Либо он неопытный новичок, либо нарочно старается обратить на себя внимание. Я пустился в погоню.

Я был проворнее его. Давно мне уже не приходилось бегать, но оказались, видимо, тренировки студенческих лет. Кроме того, на следующем перекрестке он на секунду замешкался, не зная, куда повернуть. Пробежав метров сто по мостовой, засыпанной щебнем, я настиг его и схватил за руку. Он рванулся от меня, оступился и упал на одно колено. Я чуть не повалился тоже, но удержался на ногах, не выпуская его. Мы оба пыхтели и задыхались, не произнося ни слова, изо всех сил стараясь одолеть друг друга. В беге пре-восходство было на моей стороне, но в борьбе он был слишком для меня гибок и подвижен. Он вдруг поддался, выгнул спину и, когда я пошатнулся, ударил меня в живот головой, пахнущей бриллиантином. У меня перехватило дыхание, и я упал, словно придавленный свинцовой плитой.

Придя в себя, я еще слышал вдали убегающие шаги. Значит, без сознания я пробыл недолго, несколько секунд. Но у меня уже не было ни духа, ни энергии бежать за ним. Тонкий приторный запах бриллиантина пристал к моему телу. Я встал и сейчас же почувствовал острую боль, словно у меня были сломаны нижние ребра. Я присел на корточки, и меня вырвало.

Потом я привел себя в порядок, вышел на трамвайную линию и поймал такси. Возле дома Ёрики в Таката-но-Баба я велел остановиться и ждать и подошел к привратнику. Ёрики дома не было. Нет, он не ушел, он еще не возвращался с работы. Я вернулся в такси и поехал в лабораторию.

Вахтер, голый до пояса, с полотенцем на шее, при виде меня страшно смущился.

— Как же так, — сказал я, — смотри, в лаборатории свет...

— В самом деле... — растерянно бормотал он. — Надо туда позвонить... Верно, пока я купался на заднем дворе. Сейчас, подождите минуточку...

Я оставил его и вошел в здание. Меня обступила непроглядная дрожащая тьма, словно я очутился в ящике из фольги, покрытой жирной сажей. И полная тишина. Но в машинном зале кто-то был — через дверную щель сочился свет. Ключи имелись только у меня и у Ёрики, и еще один запасной ключ хранился у вахтера. Либо Ёрики так и не покидал лабораторию (тогда вахтер зачем-то лгал мне), либо он что-то забыл и вернулся. Последнее предположение при обычных обстоятельствах было бы, наверное, вполне естественным. Итак, я столкнулся еще с одной случайностью. Но ведь я был почему-то совершенно твердо уверен, что непременно захвачу здесь Ёрики. Не могу объяснить — почему, но я это чувствовал. Ёрики тоже скажет, что пришел сюда в надежде встретить меня, и при этом, вероятно, дружелюбно улыбнется мне. Но у меня-то вряд ли хватит смелости улыбнуться ему в ответ. Мне не хочется так думать, но я не могу больше воспринимать Ёрики просто и без оглядки, как раньше. Нелепо, конечно, полагать,

будто он заодно с противником, но тем не менее... Объектом эксперимента мы выбрали убитого заведующего финансовым отделом, и наш выбор действителен был чисто случайным. Но разве не странно, что в эту похожую на дурную выдумку цепь случайностей Ерики воспринимает так спокойно и деловито? Во всяком случае, он всегда знал больше меня и видел на шаг дальше. (Это он, например, выдвинул диковинную историю о земноводных млекопитающих и тем самым подкрепил версию о торговле зародышами, казавшуюся до того болезненной фантазией бедного бухгалтера.) Он тогда, помнится, хотел рассказать еще что-то, но я заупрямился, не стал его слушать и ушел домой. А теперь не время упираться. Мне во что бы то ни стало надо понять, что происходит.

**20** Прижав ладонью иоющее ребро, я повернул ручку и резко распахнул дверь. В лицо ударили ледяной воздух. Это было странно, но еще больше я удивился при виде женщины, стоявшей с застывшим улыбкой лицом ко мне возле пульта машины. Кацуко Вада! И она улыбалась. Но ее улыбка сейчас же исчезла и сменилась выражением изумления и испуга. Было очевидно, что она ожидала увидеть не меня, а кого-то другого.

— Это ты?..

— Ох, как я испугалась!

— Это я испугалась. Что ты здесь делаешь так поздно?

Переведя дыхание, она легко повернулась на пятках и села на стул возле пульта. Я подумал, что у нее очень живое и выразительное лицо, о чем она, может быть, и сама знает, хотя это не всегда заметно.

— Простите, — сказала она. — Мы с Ерики договорились здесь встретиться.

— Зачем же извиняться? Но вы договорились встретиться именно здесь?

— Видимо, мы как-то разошлись с ним... — Она покачала запрокинутым лицом. — Мы уже давно хотели вам открыться, сэнсэй...

Все реально. Все чудовищно реально. Я невольно вздыхаю.

— Ну хорошо, хорошо, не волнуйся... Значит, он ~~уже~~ был прийти сюда?

— Нет, Ерики должен был здесь ждать меня. Я пришла, но здесь никого не оказалось. Тогда я вернулась домой, потом к нему на квартиру, но его не было и там, и я...

Внезапно меня охватил ужас.

— Но ведь сюда только что звонил вахтер!

— Да, но... — Видимо, она не поняла, почему у меня изменился голос, и смущенно улыбнулась. — Он сказал, что пришел сэнсэй, а я подумала, что речь идет о Ерики...

Ну, конечно же, Ерики для вахтера тоже сэнсэй.

— Странно, что в зале так холодно. Как будто на машине только что работали.

— В общем я решила, что он вот-вот придет, и осталась ждать, — сказала Вада, щуря глаза, словно от яркого света.

Все совершенно логично. Никаких оснований для подозрений. Просто у меня слишком напряжены нервы. Растерянность вахтера тоже объясняется очень просто: он помогает этим двоим встречаться. Любовь. Самая обыденная история на свете. Можно с облегчением вздохнуть. Под ногами снова твердая, надежная почва. Нет чувства более основательного, нежели ощущение непрерывности обыденного.

— А я и не замечал, что у вас с Ерики зашло так далеко.

— Просто мне не хотелось увольняться отсюда.

— Зачем же увольняться? Работали бы вместе...

— Это было бы сложно... Есть разные причины...

— Ну да, понятно...

Я понятия не имел, что мне тут понятно. Но на душе у меня стало легко, и мне хотелось смеяться.

— Между прочим, сэнсэй, — сказала Вада, — что бы вы сказали, если бы я попросила вас сделать меня объектом эксперимента? Пусть машина предскажет мне будущее.

— Это было бы интересно.

Действительно, мы были бы тогда избавлены от многих неприятностей.

— Я серьезно. — Она медленно провела кончиками длинных пальцев по краю пульта. — Я хочу знать, почему человек во что бы то ни стало должен жить.

— Вот будешь жить вдвоем и увидишь, как это просто.

— Что значит вдвоем? Вы имеете в виду брак?

— Ну да, все это. Люди живут не потому, что могут объяснить такие вещи. Напротив, они задумываются над такими вещами именно потому, что живут.

— Все говорят так. А все же интересно, захочется ли жить, если действительно узнаешь свое будущее.

— И ты хочешь подвергнуться эксперименту специально, чтобы испытать это? Странное рассуждение.

— А все-таки, сэнсэй?..

— Что «все-таки»?

— Если человек выносит жизнь не по невежеству своему, а потому, что жизнь сама по себе является таким важным делом, то как мы смеем допускать abortion?

Я глотнул воздух и съежился. У меня даже что-то щелкнуло за ушами. Но Вада произнесла это таким неподдельно наивным тоном... Нет, это, конечно, случайное совпадение.

— Существо, лишенное сознания, нельзя приравнивать к человеку.

— Юридически это так, согласна, — сказала Вада ясным, честным голосом. — У нас разрешается убивать ребенка в материнской утробе хоть на девятом месяце. Но ведь детей, родившихся преждевременно, убивать запрещено, считается, что это излишняя роскошь. Не из бедности ли воображения мы удовлетворяемся рассуждением о том, что можно приравнять к человеку, а что нельзя?

— Так можно дойти до абсурда... Если мы продолжим твою мысль, то нам придется объявить убийцами всех женщин и мужчин, которые имеют физи-

ческую возможность зачать ребенка, но уклоняются от этого... — Я с трудом выдавил из себя смешок. — Вот мы с тобой тратим сейчас время на пустую болтовню — по-твоему, значит, мы тоже совершаляем убийство?

— Возможно. — Вада выпрямилась на стуле и прямо взглянула на меня.

— И по-твоему, нам следовало бы принять меры к тому, чтобы спасти этого ребенка?

— Да, возможно. — Она даже не улыбнулась.

Я смутился, сунул в рот сигарету и отошел к окну. Я странно себя чувствовал: мне было очень жарко, а ноги словно одеревенели.

— Ты очень опасная женщина...

Я услышал, как Вада поднялась со стула. Я напряженно ждал чего-то. Потом молчание стало невыносимым, и я обернулся. Она стояла за моей спиной, и я никогда не видел у нее такого жесткого лица. Пока я искал слова, чтобы сказать что-нибудь, она заговорила:

— Ответьте мне ясно и определенно, сэнсэй. Я буду судить вас.

Я рассмеялся. Рассмеялся бессмысленно. Она тоже слегка улыбнулась.

— Ты действительно странная девушка, — сказал я.

— Идет суд. — Лицо ее снова стало серьезным. — Итак, сэнсэй, вы не считаете убийство ребенка в материнской утробе преступлением?

— Когда размышляешь над такими вещами, легко дойти до абсурда.

— Ну что же, сэнсэй, я вижу, что у вас не хватит смелости заглянуть через машину в свое будущее.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Достаточно.

Остановка была такой резкой, что у меня словно по инерции душа выскочила из тела. Вада стояла, устремив к потолку свои слегка выпуклые глаза, и скорбно покачивала головой. Если бы не ее простодушный вид, я бы заорал от ужаса.

Затем она как ни в чем не бывало взглянула на

часы и вздохнула. Я тоже машинально поглядел на часы. Было пять минут десятого.

— Однако уже поздно... — сказала она. — Я, пожалуй, пойду домой.

Она улыбнулась мне исподлобья, плавно и стремительно повернулась кругом, и ее словно вынесло из зала. Это было так неожиданно, что я растерялся. Я стоял у окна и видел, как она попрощалась с вахтером и скрылась за воротами.

Я напряг ноги и изо всех сил уперся ими в пол. Этим я показал себе, что впредь никому больше не дам надо мной издеваться. Вряд ли в странном поведении Вады был какой-нибудь тайный умысел. Если смотреть на вещи просто, то ничего особенного, по-видимому, не произошло. И, конечно, я заподозрил Ваду и сам страшно расстроился просто потому, что меня одолевают свои проблемы. Надо успокоиться и смотреть на вещи просто. Отделить важное от второстепенного и последовательно установить, что в ближайшее время необходимо предпринять.

Я подошел к столу, взял лист бумаги и начертил большую окружность. Затем стал вписывать в нее окружность поменьше, но у меня сломался карандаш. Замкнуть малую окружность я не смог.

## 21

Я несколько раз порывался уйти, но не решался и продолжал терпеливо ждать. Если Ерики узнает, что я здесь, он непременно придет. Странно, что он все не приходит.

А может быть, он знает, но просто хочет подразнить меня? Нет, не стоит раздражаться пустыми предположениями.

Двадцать минут десятого... Без пятнадцати десять... Без десяти... Наконец в десять минут одиннадцатого он позвонил по телефону.

— Сэнсэй, это вы? Я только что встретил Ваду... — Нет, голос у него не был робким и виноватым. Наоборот, он говорил оживленно и даже весело. — Да, мне хотелось бы вам кое-что показать. Может

быть, дома удобнее? Ага, ну хорошо, через пять минут буду в лаборатории.

Я глядел в окно и ждал, стараясь подготовить себя к этой встрече. Придумывал и отвергал слова, которые скажу Ерики. За окном расстипался ночной город. Мне показалось, что в одном месте между небом и крышами натянута тонкая белесая пленка. Ну да, это ведь станция пригородной электрички. Волнуются, сталкиваясь, бесчисленные судьбы и жизни, а когда смотришь вот так, издали, то представляется, будто там тишина и спокойствие. С горной вершины даже бурное море кажется гладкой равниной. В далеких пейзажах всегда царит порядок. И самое фантастическое происшествие не может выйти за рамки порядка, присущего далекому пейзажу...

У ворот остановилось такси, из него выскоил Ерики. Взглянул на окно, помахал рукой. Прошло ровно пять минут.

— Совсем мы растеряли друг друга, — сказал он, входя в зал.

— Садись. — Я указал ему стул, на котором сидела Вада, а сам остался стоять так, чтобы свет падал на меня сзади. — Долго мне пришлось ждать. Ты что, разминулся с Вадой?

— Нет. Откровенно говоря, я как ушел, так и не возвращался сюда. Меня задержали...

— Ладно, это неважно... — прервал я его, стараясь говорить спокойно. — Пусть будет так. Дело вот в чем. Мне нужно поговорить с тобой, и я хочу, чтобы наш разговор фиксировала машина.

— То есть?.. — Ерики вопросительно склонил голову. Ни тени смущения не было на его лице.

— Я хотел бы еще раз тщательно обговорить все, что произошло с сегодняшнего утра.

— Это было бы здорово... — Он закивал и усился поудобнее. — Я уже пытался как-то проанализировать эти события и очень сожалел, что вы, сэнсэй, не желали этим заняться. Помните, вы перед уходом даже рассердились на меня как будто.

— Да... Что, бишь, я тогда сказал?

— Что с вас довольно и что вы не желаете играть в сыщиков.

— Действительно. Итак, продолжим этот разговор. Включи вход.

Ёрики нагнулся над входным устройством, затем удивленно произнес:

— Да она же включена! И никто не заметил, потому что перегорела сигнальная лампа. Ну и ну, хороши же мы с вами!..

— Что на входе?

— Микрофон.

— Значит, она фиксировала все, что здесь говорилось?

— Видимо, да... — Он откинул кожух и запустил ловкие пальцы в узлы металлической нервной системы. — Ага, вот оно что... То-то Вада так уверена, что я был здесь до ее прихода. Я отрицал, но она и слушать не хотела. «Тогда, — говорит, — почему же в зале так холодно?» Меня это, конечно, тоже озадачило. А теперь все понятно.

Опять он меня обвел. Я даже не знаю, что ощутил остree: разочарование или подозрение, что это тоже было подстроено. Когда он сказал, что не возвращался сюда, я уже торжествовал в душе. В мое отсутствие никто, кроме него, машину включить не мог, и холод в зале выдавал его с головой. А теперь все сорвалось. Ну что же, ничего не поделаешь. Вешать нос по этому поводу, во всяком случае, не стоит.

— Хорошо, — сказал я. — Начнем с общего обзора событий.

— Прошу вас. Я, со своей стороны, буду вносить поправки и уточнения.

— Мы выбрали объект эксперимента для представления комиссии по программированию. Наш выбор был совершенно случаен. И вдруг оказалось, что этот человек кем-то убит... Поскольку в момент убийства мы находились вблизи от места преступления, возникла возможность, что подозрение падет на нас.

— Вернее, на меня, — поправил Ёрики.

— Арестовали любовницу убитого, но полиция, кажется, этим не удовлетворилась... Впрочем, не знаю,

полиция ли... Возможно, что мысль о поиске в другом направлении внущили полиции, скажем, соучастники убийцы с целью нас припугнуть.

— Согласен.

— Как бы то ни было, мы оказались в ловушке. Мы знали, что надо что-то предпринимать, иначе полиция рано или поздно доберется до нас. И чтобы вызвать на бой истинного убийцу, мы решились на стимуляцию трупа убитого. Помимо всего прочего, это можно было бы представить в случае успеха как первый эксперимент с блестящими результатами. Но мы выяснили только, что убийца не женщина, а также выслушали диковинную сказку о торговле человеческими зародышами. Приложением к эксперименту явился телефонный звонок от какого-то шантажиста.

— Следует обратить особое внимание на то, как быстро этот субъект получает информацию...

— Да. И на то, что голос его мне определенно знаком...

— Вы так и не вспомнили?

— Нет. Кажется, вот-вот вспомню, но не могу. Во всяком случае, это человек из нашего окружения.

— И вдобавок, — подхватил Ёрики, — он в какой-то степени осведомлен о нашем механическом предсказателе. Именно поэтому, едва мы решили подвергнуть анализу любовницу убитого, он сразу почул опасность и убил ее, прежде чем она попала к нам в руки... Но все это не объясняет, каким образом смерть совершенно случайного человека повлекла за собой события, связанные с нашими делами.

— Что ж, никто нам не мешает рассматривать это как случайность. В таком случае получается так, что противник загнал нас в ловушку с целью оградить себя от неприятностей. Но могут существовать еще другие, неизвестные пока нам, звенья этой цепи. И тогда ловушка приобретает, возможно, гораздо более серьезный смысл.

— Что вы имеете в виду?

— То, что кто-то поставил перед собой цель дискредитировать машину-предсказатель.

— Не понимаю.

— Ладно, пойдем дальше... Как бы там ни было, в руках у нас не осталось ни одной нити.

— На первый взгляд это так.

— Впрочем, этого им показалось мало... Мне снова позвонил шантажист; ко мне приставили для слежки какого-то субъекта. В то же время ты поведал мне любопытную историю о подводных млекопитающих, и я уже оставил всякую надежду что-либо понять...

— Я как раз хотел...

— Минутку, дай мне закончить... Но, вернувшись домой, я узнал поразительную вещь. Оказывается, пока меня не было, мою жену обманом заманили в какой-то госпиталь и там насилино сделали ей аборт.

— Что вы говорите!

— Жена была беременна на третьей неделе. И когда она уезжала, ей выплатили семь тысяч иен... Да подожди же... Это, разумеется, не заставит меня поверить в версию о торговле зародышами в материнской утробе. Возможно, шантаж по телефону, они сочли недостаточным и прибегли к более внушительной форме устрашения. Не знаю. Недаром говорят, что хитрый мошенник старается укрыть большую ложь в куче мелких. Может быть, этими семью тысячами они стараются приковать мое внимание к самому бессмысленному месту в исповеди убитого... Нет, дай мне договорить до конца... с целью оглушить меня психологически. Хотя, впрочем, не все ли равно, какая у них цель. Самое важное здесь то, что мерзавец, организовавший весь этот гнусный заговор, отлично знал результаты стимуляции. Не так ли? Разве я мог бы воспринять происшествие с женой как угрозу, если бы в исповеди убитого не говорилось о торговле зародышами, о семи тысячах иен, о трехнедельном сроке? Этот субъект знал все. Так?.. Так. Но содержание исповеди было известно только двоим. Мне и тебе. Ты не станешь отрицать этого?

— Да, я признаю это, — произнес Ерики.

Он сидел неподвижно, немного побледнев и опустив глаза.

— Еще бы ты не признавал. Ведь все теперь понятно.

— Что понятно?

Я встал перед ним и, протянув руку к его лицу, медленно, слово за словом выдавил из себя:

— То... что убийца... ты!

Против ожиданий Ерики не сник и не вспылил. Он не мог скрыть первного напряжения, но голос его был холоден и спокоен. Глядя мне прямо в глаза, он сказал:

— А как же с мотивом?

— Если ты полагаешь, что я не ожидал такого возражения, то ты глубоко ошибаешься. Если ты убийца, мотив обнаружится сам собой. Короче говоря, убитый только для меня был случайным человеком, ты же знал его и имел в виду с самого начала. В тот день у нас не было определенной цели, к тому же мы сильно устали. Завести меня в кафе и обратить мое внимание на этого человека, которого заманили туда через любовницу, было не так уж трудно. И ты проделал это весьма умело. Ты заманил меня в ловушку, запугал полицией, потом ты сделал вид, будто помогаешь искать преступника, и этим отвел от себя мои подозрения. Ты все предусмотрел, даже мелочи. И теперь тебе, наверное, досадно, что в твоих замыслах оказалась прореха... Слишком уж ты полагался на этот самый вопрос о мотиве...

— А если бы этой прорехи не оказалось, что тогда?

— Ну, расчет твой ясен. Ты ожидал, что мне, загнанному и запуганному, останется только во всеуслышание солгать, будто машина подтвердила виновность этой женщины-самоубийцы.

— Любопытный силлогизм... И что же вы собираетесь теперь предпринять, сэнсэй?

— Я вынужден просить тебя пойти куда следует.

— Хотя бы и без мотива?

— Об этом ты, наверное, будешь советоваться с адвокатами. Впрочем, может случиться и так, что тебя в законном порядке подвергнут испытанию на нашей машине... — У меня вдруг иссякли силы, и я ощутил в себе страшную пустоту. — Подумать только, сколько

ты глупостей натворил!.. Ну разве можно так? Ведь ты... Я всегда возлагал на тебя такие надежды... Кто бы мог подумать!.. Это просто ужасно...

— Что здесь говорила Вада?

— Вада? Ах да, Вада... Ничего особенного она не говорила... Хотя... Да, кажется, она беспокоилась о тебе... Ну вот, ты и ее теперь сделал несчастной... Да что толку жалеть, ничего уже не исправишь...

Ёрики глубоко вздохнул и отрицательно покачал головой.

— Очень любопытный был силлогизм. Совершенно в вашем духе, сэнсэй. Логичный и строгий. Правда, есть в нем одна ошибка — тоже совершенно в вашем духе.

— Ошибка?

— Ну, пусть не ошибка. Назовем ее слепой точкой.

— К чему эти увертки? Ведь все зафиксировано машиной.

— А действительно, почему бы нам не обратиться за помощью к машине? Вот она и рассудит нас. — Ёрики сел за пульт и, манипулируя кнопками, произнес в микрофон: — Готовность к суждению.

Зеленая лампочка — сигнал готовности.

— Определить наличие или отсутствие ошибки в указанном силлогизме.

Красная лампочка — сигнал наличия ошибки.

Ёрики переключил выходное устройство на динамик и скомандовал:

— Указать, в чем ошибка.

Машина немедленно отозвалась:

— Имеет место логический скачок в изначальном предположении. При наличии информации о торговле зародышами человек должен знать заранее, что этот вопрос будет отражен в результате стимуляции трупа.

Я вскрикнул и схватил Ёрики за руку.

— Это он! Тот самый голос! Я узнал его!

— Но, сэнсэй, это же ваш голос.

Ах, черт!.. Ну конечно... Когда машину озвучивали, ей придали мой голос. И именно этот голос говорил тогда со мной по телефону, сомнений быть не может. Не мудрено, что он показался мне знакомым. Вероят-

но, кто-то снял его с машины и записал на пленку! Я торжествовал. Я тряс и дергал руку Ёрики и кричал: «Вот она, шкура оборотня! Ах ты, хитрец, ах ты, бестия эта! Что, не выгорело? Мерзость мерзостью и наказывается!»

Ёрики не пытался вырваться и стоял неподвижно, глядя в сторону. Потом, когда я задохнулся и замолчал, он тихо произнес:

— Но это же не доказательство. Голос не так индивидуален, как лицо...

У меня сперло дыхание, и на глаза выступили слезы. Я отпустил руку Ёрики, чтобы вытереть их. Ёрики отошел и, загородившись стулом, сказал:

— Итак, как утверждает машина, все ваши рассуждения, сэнсэй, построены на слепой точке: на твердом убеждении, что торговля зародышами есть не что иное, как фантазия убитого. Стоит усомниться в этом, и весь ваш блестящий силлогизм рассыпается в прах... Я, конечно, тоже не знаю ничего конкретного. И пусть это окольный путь, но, уж коль скоро мы не имеем возможности вести поиск открыто, на виду у полиции, почему бы нам не испробовать и эту версию? Это, конечно, всего лишь рабочая гипотеза... Но давайте предположим на время, что торговля зародышами действительно имеет место. Выводы могут оказаться не менее интересными, чем следствия из версии о том, будто я убийца. Вот, например, из недавнего бюллетеня министерства здравоохранения явствует, что число абортов в стране примерно равно числу новорожденных и составляет в год около двух миллионов. Таким образом, если торговля зародышами существует, она может осуществляться в широких масштабах и достаточно организованно. И следовательно, достаточно велика вероятность того, что случайный объект может оказаться так или иначе связанным с этой организацией.

— Все это глупости. Сказки для бездельников.

Ёрики закусил губу, упрямко насунулся и достал из кармана фотографию величиной с почтовую открытку. Он спокойно положил ее на сиденье стула и сказал:

— Вот, взгляните, пожалуйста. Это фото подвод-

ной собаки... Честно говоря, я нынче вечером ездил в лаборатории брата господина Ямамото. Я получил разрешение на осмотр и прихватил заодно этот снимок.

Действительно, это была фотография собаки, плавающей под водой. Передние лапы ее были поджаты, задние вытянуты, голова опущена. От шеи по спине тянулись цепочки пузырьков воздуха.

— Собака не из породистых... Вот здесь, в утолщении за нижней челюстью, видны черные щели. Это жабры... На уши не обращайте внимания, это дефект фотографии. В общем у нее, как видите, облик обычновенной собаки, хотя какое-то незначительное оперативное вмешательство сразу после рождения все-таки, кажется, необходимо. Вот глаза у нее действительно странные. Одновременно с отмиранием легких претерпевают изменения и различные железы, в частности, вырождаются и слезные железы, а это влечет за собой изменение формы глаза.

— Синтетический оборотень, чудо хирургии...

— Ничего подобного. Такие жабры есть только у акул, а разве возможна прививка от акулы к собаке? Нет, здесь результат планируемой эволюции на основе внеутробного выращивания. Если бы вы видели это своими глазами...

— Понятно. Ты хочешь сказать, что торговля зародышами имеет целью производство подводных людей?

— Размеры трехнедельного зародыша не превышают трех сантиметров. Если их скупить на мясо, то платить по семь тысяч иен за штуку не имеет смысла.

Я смотрел на эту фотографию, похожую на дурной сон, и у меня было ощущение, будто реальность перестала быть реальностью. Я уже не верил, что за стенами этого зала есть улицы, что на этих улицах живут люди.

— ...И они разрешили осмотр?

— Да, мне удалось уговорить их, — Ерики ожидался и придвигнулся ко мне. — Только с условием, что мы будем молчать.

— Слушай, тут же концы с концами не сходятся. Допустим, что торговля зародышами существует, и заведующий финансовым отделом убит потому, что мог

разгласить эту тайну. Почему же такие страшные конспираторы так просто пускают нас к себе?

— Видимо, как ни странно, у них есть на то свои причины.

— Причины?.. Воображаю, что это за причины!.. А хочешь знать мое мнение? Если бы там можно было зацепиться за какую-нибудь улику, они бы нас ни за что не пустили. И раз они пускают все-таки — значит, и ехать к ним нечего.

Ерики судорожно проглотил слюну.

— Сэнсэй... — расслабленно проговорил он. — Это, наверное, последний шанс.

— Что, они прекращают работу?

— Я не о поездке. Это ваш, сэнсэй, последний шанс.

— Что такое?

— Ничего, достаточно...

Что это? У меня уже был где-то с кем-то такой разговор. Ах да, те же самые слова произнесла недавно Кацуко Вада...

— Эта собака... она сама ловит рыбу?

У Ерики блеснули глаза.

— О да, их там специально обучают. Если мы подедем, то можно будет посмотреть, как это делается.

— Странно, право. Чему ты так радуешься? Мы же собираемся в лагерь противника.

— Я?.. Да, я доволен. Если нам повезет, подозрение с меня будет снято.

— Ты подумал о том, что мы можем и не вернуться оттуда?

Ерики рассмеялся.

— Если хотите, оставим здесь записку.

**22** — Ладно, на сегодня довольно. Устал... — говорю я вяло и поднимаю к лицу два пальца, которыми упирался в стол. На подушечках пальцев белеют плоские округлые следы.

— Простите, сэнсэй... — возражает Ерики. Он упрям и настойчив, как обычно. — Я, вероятно, надоел

вам, но раз уж вы согласились, может быть, покончим с этим делом сегодня же?

— С каким делом?

— С визитом к подводным млекопитающим.

— Что за глупые шутки? Уже одиннадцать часов.

— Знаю. Но раз уж мы решили ехать, то не все ли равно, который час? Вдобавок нельзя забывать, что до заседания комиссии осталось всего три дня; и если мы собираемся представить господину Томоясу наш проект, у нас для работы остается всего один день, завтрашний.

— Так-то оно так, только вряд ли они обрадуются, если мы явимся так поздно. Да и нет там уже никого, наверное.

— Ничего подобного. Директор лабораторий, господин Ямamoto, нарочно ради нас перенес свое дежурство на эту ночь.

— Директор дежурит?

— Там ведь все как в больницах. Поскольку они работают с живыми существами... И вообще там по ночам много работы. Впрочем, вы сами увидите.

— Послушай... — Я поставил колено на сиденье кресла и достал сигарету, хотя мне не хотелось курить. Возможно, такой позой я намеревался продемонстрировать Ёрики и самому себе, что полностью сохраняю душевное равновесие. — Если говорить прямо, ты не вполне откровенен со мной.

Ёрики оттопырил губу и насупился. Кажется, он хотел что-то сказать, но промолчал. Я продолжал:

— Мне многое хотелось бы сказать тебе. Я не улавливаю логики происходящего. Мало того, я испытываю какую-то внутреннюю неудовлетворенность. Грубо выражаясь, мне все это отвратительно.

— Кажется, я вас понимаю.

— А раз так, то брось окличности и расскажи мне все, что тебе известно. Нас загнали в тупик. Кто-то зачем-то спутал нас по рукам и ногам. Мы не знаем, чего добивается противник, и потому не можем отвечать на удары. Кто и какую выгоду может извлечь из того, что мы в ловушке?

— Эта шайка, несомненно, боится машины-предсказателя.

— Вряд ли... Ведь машина так и не дала нам ничего по-настоящему. Женщину они убили, никаких питей в наших руках не осталось. Чего же им еще бояться? Нет, это не то.

— Мы же будем продолжать работу. Во-первых, комиссия надеется найти истинного преступника и не позволит нам остановиться на полдороге.

— Комиссию можно обвести, подсунув ей характерные показатели личности убитого.

— Не знаю... — Ёрики покачал головой. — Ведь о том, что мы работаем, известно и полиции. Правда, самым высшим чинам. Они ждут от нас результатов и потому держатся в роли стороннего наблюдателя и даже помогают нам. И если мы не найдем убийцу и подозрение падет на нас, тогда все пропало... Нет, это не годится. Никуда не годится.

— Хорошо. Допустим, ты прав. Но тогда напрашивается вот какое соображение. Эти бандиты — предположим, что они действительно существуют... Так вот, эти бандиты, очевидно, могут выставить своих свидетелей и натравить на нас полицию в любое время, когда только им заблагорассудится. Мы целиком и полностью зависим от них.

— Какая чушь! Да они только и ждут, чтобы вы упали духом. Трус всегда попадается на эту удочку. Услышит, что поблизости бродят волки, забьется в свою пору и, хотя отлично сознает, что неминуемо помрет от голода, ни почем не высунет носа наружу. Ох, простите, сэнсэй, это я от злости, что у нас все так нелепо складывается.

— Ничего, я и сам знаю, что я трус. Но вот я сейчас слушал тебя, и мне пришло в голову... Послушай, пойдем в полицию и все расскажем, ведь нам самим легче станет.

Ёрики исподлобья глядит мне в лицо. То ли он действительно жалеет меня, то ли осуждает, а может быть, просто притворяется. Закусив губу, он невнятно говорит:

— Кое-кто, вероятно, обрадуется. Их ведь уйма

таких, кто спит и видит выгнать нас с вами отсюда и превратить лабораторию в подсобный вычислительный центр... И вот еще что, сэнсэй. Вы отказываетесь признать существование торговли зародышами. Вы считаете, что вашу супругу заманили в ловушку, чтобы привлечь внимание к этой сказочке. А вы представьте себе, что такое предприятие действительно существует. Тогда получится, что они не только не собираются прятаться от вас, но сами настойчиво подсовывают вам факты... — Легонько постукивая пальцами по краю пульта, Ёрики вдруг переходит на шепот: — Или, может быть, это предупреждение, сэнсэй. Они хотят вам показать, что у них дастяют силы расправиться и с вами... Действительно, мужчина убит, женщина убита...

— И что же ты предлагаешь? — Я замечаю, что давно уже расхаживаю, стучи каблуками, среди блоков машины.

— Выяснить, что собой представляет эта ловушка. Ничего другого не остается. — Я молчу, и Ёрики вкрадчиво добавляет: — Впрочем, можно запросить машину.

— Довольно! — кричу я. Мне страшно, и я зол на себя за этот страх. Кажется, я ждал этого предложения. Ждал и боялся.

— Почему? Разве вы больше не доверяете машине?

— Машина — это логика. Здесь не может быть речи о недоверии.

— Тогда почему?..

— Это не такое дело, с которым стоит обращаться к помощи машины.

— Странно... Значит, вы признаете, что прав я?

— Почему же странно?

— Но вы колебитесь, сэнсэй. И если вы доверяете машине, значит, вы не доверяете логике?

— Можешь думать как тебе заблагорассудится.

— Нет, так нельзя. Получается, что для вас важна только сама машина, а в том, что она предсказывает, вы не заинтересованы.

— Кто это тебе сказал?

— Ну как же? Если предположить, что вы не решаетесь обратиться к машине не потому, что не верите ей, а потому, что не желаете верить, то чем ваше мнение отличается от мнения противников машины? И тогда вы, сэнсэй, как человек, который страшится знать будущее, не способны руководить нашей работой.

Я вдруг обмяк. Злость сменилась раскаянием. Лицо горело от утомления.

— Да... Возможно, ты прав... Но как вы, молодые, можете хладнокровно утверждать такие жестокие вещи?

— Не говорите так, сэнсэй, пожалуйста, — добродушно произнес Ёрики. Он словно сменил маску. — Вы же знаете, какой у меня язык. Не сердитесь, сэнсэй...

— Я не хочу уходить отсюда. Люди, подобные мне, ни на что не способны, когда их удаляют от дела, которое они создали. И все же, если я увижу, что неправляюсь, я уйду сам, спрячусь куда-нибудь. Что мне еще остается?.. Так, наверное, и будет, если я отдамся на волю событий. В глубине души я уверен в этом, хотя мне противно так думать. Противно, не правда ли, что инженер, создавший машину-предсказатель, сам боится предсказаний. Просто смешно! Меня даже дрожь пробрала, когда ты предложил обратиться к машине...

— Вы просто устали.

— А ты поступаешь нечестно.

— Как это?

— Я уже сказал, что ты не откровенен.

Ёрики недовольно спросил:

— В чем? Укажите конкретно...

— Положим, ты прав, и нам нужно изо всех сил стараться разгадать смысл ловушки. Но неужели для этого так уж необходимо, чтобы я увидел подводных млекопитающих?.. Погоди, я и без тебя знаю, что ты в этом убежден... Недаром ты потратил полдня и готов тащить меня туда в такой поздний час. Понимаю. Прекрасно понимаю... Но почему-то ты никак не желаешь объяснить мне причину этого. Вот ты говоришь,

что торговля зародышами — это факт и что в лаборатории внеутробного выращивания мы, возможно, обнаружим какую-нибудь улику. Но я не верю, чтобы столь туманная надежда могла так воспламенить тебя. Да, до заседания комиссии осталось три дня. Так неужели я поверю, что ты станешь тратить это драгоценное время на каких-то там водяных собак и крыс, да еще безо всякой уверенности в успехе? Совершенно очевидно, что ты что-то скрываешь от меня.

— Да нет же, ничего подобного, — говорит Ерики, смузгенно улыбаясь. — Просто я считаю, что для того, чтобы выработать четкую тактику действий, необходимо точно убедиться в существовании торговли зародышами, а потом уже двигаться дальше. Но навязывать вам такой план, сэнсэй, у меня не хватает смелости, ведь я отлично понимаю, каким это все представляется несуральным. Кому охота ломать голову над вещами, которые и вообразить-то себе невозможно? А вот если бы вы хоть раз увидели этих подводных животных своими глазами, то вне всякого сомнения признали бы возможность торговли зародышами. Я, например, видел их и теперь без труда представляю себе эту торговлю.

— Ехать туда ради одного этого нет никакой необходимости. Если на такой гипотезе можно выработать действенную тактику, то почему бы и не попробовать?

— Разве можно серьезно заниматься тем, во что не веришь?

— Будем считать, что я поверил.

— Нет, сэнсэй, вы еще не верите. Поверить в это не так-то просто. — Я невольно улыбнулся, и он добавил: — Вот видите, вы смеетесь, значит, не верите.

— Глупости...

— Если в это поверишь, то смеяться уже не станешь. Это страшно. Представьте себе миллионы подводных людей в год...

— Ох, как тебя заносит!..

— Об этом я и говорю. Пока вы не поверите, мы не двинемся вперед ни на шаг. Любую возможность вы будете воспринимать как плод фантазии. Какая уж тут тактика!

— Понимаю. Пусть будет так... Значит, ежегодно создаются миллионы подводных людей...

— И среди них, сэнсэй, ваш сын...

Я рассмеялся. Хрипло, сухо, но все же рассмеялся. Чем, кроме смеха, мог я ответить... Где-то в душе беспарно барабанялся, пытаясь проникнуть в память, разговор с женой, который был у нас несколько дней назад. Тогда я почти не обратил на него внимания. Кажется, это было вечером в день последнего заседания комиссии. Я сидел у изголовья постели и пил виски с содовой, а жена о чем-то настойчиво меня спрашивала. Я был раздражен. Меня злило не только упрямство комиссии, но и ощущение усталости, не дававшее мне сосредоточиться на словах жены. Сама близость жены угнетала меня, словно налагала на меня какую-то ответственность. «Ну что же, купи...» — проговорил я, поглядывая на страницу каталога электрооборудования, и торопливо поднес к губам стакан. «Купить? Что купить?» — «Ну, этот, как его, холодильник, что ли...» — «О чём ты?» Оказывается, я не слышал ни слова. Тонкие волосы, упавшие на лицо жены, резко бросались в глаза, и в этом было что-то зловещее. Я, наконец, понял, что она говорила о нашем будущем ребенке.

Этот разговор начался еще вчера вечером. Жена узнала о своей беременности и спрашивала меня, делать ли ей аборт. Кажется, женщины обожают такие разговоры. На эту же тему мы случайно заговорили давеча с Вадой Кацуко. (Впрочем, теперь я сомневался, что это было случайно.) Как бы то ни было, мое мнение жена знала хорошо. При ее предрасположении к внеплановой беременности все должен был решать врач, и никакие разговоры делу помочь не могли. Но жене хотелось поговорить, поспорить. Я отлично понимал ее чувства, однако переливание из пустого в порожнее представлялось мне глупым. Я не могу сказать, что не хочу ребенка, но не могу сказать, что и хочу. Детей не рожают, они рождаются.

...Врач сказал, что на этот раз беременность кажется нормальной, но будет лучше, если мы все-таки решим сделать аборт. В таком вопросе решение ниче-

го не значит, подход с точки зрения морали и нравственности возможен здесь, видимо, лишь как следствие воспаленного воображения. Действительно, как ни трудно провести грань между абортом и детоубийством, но еще труднее определить грань между абортом и противозачаточными мерами. Да, человек есть существо, наделенное будущим, убийство есть зло, потому что отнимает у человека это будущее, однако будущее всегда и всюду есть тень настоящего времени. Ну кто же несет ответственность за будущее тех, у кого нет даже этого настоящего? Это было бы уходом от действительности под предлогом ответственности.

«Значит, ты считаешь, что нужно сделать аборт?» — «Ничего я не считаю. Я сказал только, чтобы ты поступала по своему усмотрению». — «Но я спрашиваю твое мнение». — «У меня нет мнения. Мне все равно...» Скора, конечно, глупость. Но и уход от ссоры есть такой же жалкий обман. Неужели близкие — это те, кто вот так бессмысленно наносит друг другу раны? Я верил в свою логику, я самоуверенно полагал, будто все всегда выходит в соответствии с моим мнением. Поэтому, когда жена вдруг встала с места, смяв каталог, и вышла, я остался сидеть, выпил еще стакан виски и через минуту забыл обо всем.

Слова Ерики о том, что мой ребенок, возможно, стал подводным человеком, мгновенно обратили в пыль мою уверенность в себе. Мой ребенок, который не должен был родиться, неподвижно смотрел на меня из темной воды... Вот темные щели в утолщении подбородка, это жабры... Уши как у всех людей, но веки должны измениться... В черной воде колышутся белые руки и ноги.. Мой ребенок, который не должен был родиться... Ребенок, которого я зачал, о котором я самодовольно препирался с женой, скрестив ноги на подушке... Ленивый самообман и тупая самоуверенность того вечера обернулись отмщением и нависли над моей головой... У нас с женой больше не будет взаимных укоров. Отныне раны буду получать только я. До конца дней жена будет укорять меня призраком нашего ребенка, насилиственно оставленного в живых, и чем отчаяние я буду защищаться, тем больнее будут удары,

а если я попытаюсь спастись бегством, все равно меня всюду будут ждать неподвижно раскрытыми глазами, глядящими из воды...

Я неловко оборвал смех.

— Нельзя же так... — проговорил Ерики, пристально следя за моим лицом. — Если вы не убедитесь сами...

— Понятно. Спасибо тебе, теперь я, кажется, знаю, что нужно делать...

— Что именно?

— Мы поговорим потом, когда вернемся.

Ерики испытующе посмотрел на меня, повертел в нагрудном кармане карандаш и стал выключать машину.

— Что это? Все время шла запись?

— Вы же не велели выключать, сэнсэй... — улыбнулся Ерики. Он показал на счетчик работы звукозаписи. — Если что-нибудь случится, это будет вместо нашего завещания.

Зал наполняется едва слышным шепотом тишины. Как всегда, машина почему-то кажется не такой, как обычно. Это очень неприятное ощущение: словно за ее блоками ждет, раскрыв гигантскую пасть, дорога в будущее. И будущее вдруг показалось мне не сухой схемой, как до сих пор, а неистово жестоким зверем, обладающим своей, независимой от настоящего волей.

---

ПРОГРАММА ЗА КАРТА НОМЕР ДВА  
есть  
не что иное,  
как превращение  
качественной  
реальности  
в реальность  
количественную.

## Программирование

23

Ночь тихая и жаркая. Между пальцами выступает пот, как будто на руках перчатки. Звезд не видно, в прореху между тучами выглядывает багровая луна. Мы зашли в сторожку вахтера, и Ёрики куда-то позвонил. Вахтер немедленно, словно только нас и дожидался, открыл для меня банку фруктового сока. Его угодливость отвратительна.

— Созвонился? — наугад спросил я.  
— Да, все в порядке, — ответил, улыбнувшись, Ёрики. — Пойдемте.

Больше мы не проронили ни слова. Соглядатая у ворот нет. Мы выходим на трамвайную линию, и вскоре нам удается поймать такси. Я усаживаюсь и торопливо лезу в карман за платком, но не успеваю: капля пота падает у меня с кончика носа. Ёрики говорит шоферу:

— Из Цукудзи поедем через Харуми до моста на строительном участке номер двенадцать. Знаете? Это мост Ёрои... Так вот, сразу за мостом...

Немолодой шофер с полотенцем от пота на голове под форменной фуражкой на секунду обернулся и подозрительно поглядел на нас, затем молча включил мотор. По сторонам привычно потянулись ряды истомленных, обессиленных духотой деревянных домов. В каменных кварталах жара усилилась. Через час мы миновали Харуми, и впереди открылся опустошенный пейзаж, весь состоящий, казалось, из канав и дорог. Сначала мы говорили о чем

попало — о резких изменениях погоды за последние несколько лет, о небывало высоких приливах, об опускании грунта, о частых землетрясениях — затем замолчали. Кажется, я даже задремал ненадолго.

Наконец впереди, в липком солоноватом ветре засиял зелеными огнями мост Ёрои. Эти яркие огни в центре мрачной пустыни производят очень неприятное впечатление. Когда мы ехали через мост, послышался низкий короткий рев гудка. Час пополуночи.

За мостом у обочины шоссе стоял старомодный автомобиль. Возле него сидел на карточках человек с карманным фонариком и делал вид, будто копается в моторе. Ёрики велел шоферу остановиться, расплатился, и мы вышли. «Это оттуда», — произнес Ёрики, подошел к машине у обочины и что-то сказал. Человек с фонариком сейчас же встал и поклонился.

Мы пересели в его машину и проехали еще минут двадцать. Дороги были широкие, обычные, но ехали мы как-то необычно. Очень скоро я потерял ориентировку. Мы миновали три больших моста, так что, вероятно, не были уже на территории строительного участка номер двенадцать. Но я решил не задавать вопросов. Раз уж пускаются на такие хитрости, то спрашивать бесполезно, все равно не ответят. А если скрывать не собираются, то лучше подождать и потом попросить показать на карте.

Наконец машина остановилась. Пустынная улица между огромными складами. Впереди, где дорога обрывается у моря, одноэтажная деревянная постройка, окруженная обычным бетонным забором. У входа незаметная деревянная табличка с надписью: «Лаборатория Ямamoto». Во дворе под открытым небом валяются железные бочки. Я поспешил поднял глаза. Но, к сожалению, луна спряталась за тучами. Впрочем, она все равно не помогла бы мне определить, куда мы попали. Море здесь было со всех сторон, кроме северной.

Господин Ямamoto сам вышел к нам навстречу. Огромный человек с синеватым, как бы испачканным, лицом. «Мой брат всегда пользуется вашей помощью», — произнес он четким, пружинящим голосом,

сом, протягивая мне свою карточку. Карточка казалась крошечной в его мясистых пальцах с глубоко врезанными ногтями. Я сейчас же вспомнил, что его брат ведает счетной лабораторией госпиталя Центральной страховой компании, и эти слова показались мне зловещими. Вероятно, точно так же все кажется исполненным загадочного смысла человеку, страдающему амнезией. Стارаясь не поддаваться, я торопливо сказал первое, что пришло в голову:

— Вы действительно на него похожи.

— Что вы, мы ведь братья только по свойству.

Господин Ямamoto весело смеется и приглашает меня следовать за ним. Он тоже в белом халате и сандалиях, только белый халат слегка замаслен. Огромные опущенные руки кажутся очень тяжелыми. Обычно, как это ни странно, именно такие вот пальцы бывают необычайно ловкими и подвижными. Они имеют дело не с невидимыми абстракциями, как наши, а с тонкой организацией живых существ.

Внутри постройка выглядит ветхой и страшно запущенной, словно здание начальной школы, доживающее последние дни. Но в нише в глубине коридора оказался лифт. Мы вошли в него, господин Ямamoto нажал кнопку, и лифт неожиданно пошел вниз. Собственно, больше двигаться ему было некуда, ведь здание было одноэтажное, но я по привычке ожидал противоположного ускорения и так удивился, что вскрикнул. Господин Ямamoto громко расхохотался. Это был наивный, беззаботный смех, который заставляет забыть начисто и про поздний час и про странную ситуацию. Положительно, представление о заговорах и интригах никак не вяжется с личностью господина Ямamoto. Злое намерение разоблачать и обвинять таet в моей душе и превращается в какую-то смутную надежду.

Лифт движется медленно, но мне представляется, что мы спустились этажа на три. Длинный коридор, в нем множество дверей. Если не считать знобящей сырости, это довольно обычная обстановка для исследовательского института. Пройдя по коридору, мы сворачиваем направо, и меня вводят в просторное помещение.

Это было поразительное зрелище. Словно кубический аквариум. Словно сооружение из глыб грязноватого льда. Лабиринт больших и малых бассейнов, путаница труб, кранов и измерительных приборов. Железные мостики для людей протянуты в три ряда, совсем как в машинном отделении океанского корабля. Запотевшие стены, покрытые зеленой масляной краской, таинственные клейкие всплески, вонь обнажившейся при отливе отмели... Такие сны я часто вижу перед гриппом.

По мостику, у нас над головами расхаживал, стуча сандалиями, человек в белом халате. Он снимал и записывал показания приборов. Он не обратил на нас внимания, но господин Ямамото окликнул его: «Харада-кун!» — и он оглянулся с удивительно приветливой улыбкой.

— Харада-кун, открой нам потом третью камеру.  
— Слушаюсь, там уже все приготовлено.

Господин Ямамото кивнул.

— Пойдемте пока в мой кабинет, — сказал он мне и зашагал по центральному мостику.

— Смотрите, смотрите!.. — шепчет Ёрики, хватая меня за локоть.

Но я и без него не свожу глаз с бассейнов, мимо которых мы идем.

В первом бассейне две громадные подводные крысы — самец и самка. Они ничем не отличаются от обычновенных полевых крыс, только у основания шеи, где шерсть редкая, открываются и закрываются бледно-розовые щели, да еще бросается в глаза форма груди, похожей на маленькую бочку. Двигались в воде они с поразительной ловкостью, причем плавали не только по-собачьи, загребая лапками, как это делают наземные животные, но и как креветки, резко сгибая и распрямляя туловище. Впрочем, инстинктов, свойственных грызунам, они, видимо, не утратили: одна из них поднялась на поверхность, вцепилась в плававший кусок дерева и, грызя его, медленно, животом кверху, вернулась в глубину. Другая хотела было броситься на меня, но за мгновение до удара о стекло бассейна ловко повернулась и уставилась на

меня большими круглыми глазами, полуоткрыв рот и высунув красный язык.

В следующих двух бассейнах тоже были крысы. А в четвертом находились зайцы. Не в пример крысам они безжизненными мешками, покрытыми слипшейся шерстью, неподвижно висели в воде у самого дна. Господин Ямамото щелкнул ногтем по стеклу и сказал: «С травоядными пока получается плохо. Слишком специфичен способ ассимиляции энергии... Первое поколение еще как-то удается вырастить, а вот начиная со второго все идет прахом».

Мы поднялись по железному трапу и оказались перед подвешенной к потолку камерой, похожей на ящик. На пороге камеры я непроизвольно обернулся. Как раз в этот момент у дальней стены в бассейне величиной с грузовой вагон, взбаламутив воду, всплыл с хриплым стоном огромный черный лоснящийся зверь. Это была корова.

— Внушительное зрелище, не правда ли? — с улыбкой сказал господин Ямамото, закрывая дверь. — С травоядными тоже так или иначе получается, если не жалеть искусственных кормов. Коровы дают мясо и молоко, поэтому производство искусственных кормов в больших масштабах оказывается выгодным. Только вот доильные машины отказывают, не работают под водой. Пока мы применяем небольшие вакуумные насосы, но это, разумеется, не выход... — Он повернулся к холодильнику в стене, достал фарфоровый кувшин и налил в стакан молоко. — Попробуйте, пожалуйста. Парное молоко, только что доили. Почти не отличается от молока на сушке. Правда, анализы показывают повышенное содержание соли, но молоко здесь скорее всего ни при чем, просто при доике в него неизбежно попадает морская вода. А самое главное то, что оно свежее.

Чтобы не обидеть его, я одним глотком осушил стакан. Молоко было вкуснее домашнего. Видимо, из-за хороших кормов. Затем меня усадили на стул. Думается, это отличный прием для того, чтобы разбить лед, — сразу угостить молоком и только затем предложить

садиться. Если все это игра, то мой партнер является изрядным актером.

— Сейчас поздно, и вы, наверное, устали... Мы-то здесь привыкли кочной работе, — сказал профессор Ямамото.

Он стоит, сплетя на груди толстые пальцы, спиной к стенду с микроскопом и различными химическими приборами. На пальцах торчат редкие жесткие волоски, как на щетках для домашних кошек и собак. Позади меня высокий книжный шкаф и ширма, за которой виден край койки.

— Ничего, мы тоже частенько засиживаемся допоздна.

— Да, конечно, вы так загружены... Но у нас сам характер работы такой, для нас нет ни дня, ни ночи. Судьба, ничего не поделаешь! Хищники, например, ведут преимущественно ночной образ жизни. Можно было бы прибегнуть к искусственному освещению, но вот собак мы должны дрессировать под открытым небом, а днем этого делать нельзя. Мы ведь прячемся от посторонних глаз...

— Прячетесь?

— Разумеется, прячемся, — подтвердил он с теплой усмешкой. — Но вам-то мы покажем потом, если останется время... Как вы насчет молока? Может быть, еще стакан? Ерики-кун, ты будешь?

Я с изумлением взглянул на Ерики. С едва знакомыми людьми так не разговаривают, даже при дружелюбии и общительности господина Ямамото. Однако Ерики не собирался скрывать, что он здесь свой человек. Он просто присоединился к словам профессора.

— Выпейте, сэнсэй. Вода в молоке из Токийского залива, но она стерильно чистая. Ее здесь отфильтровывают и затем восстанавливают искусственно...

— Давайте я покажу вам макет. — Господин Ямамото встал и вытащил из тумбочки возле книжного шкафа кожаный чехол. Поднялась пыль. — Здесь у меня далеко до стерильной чистоты... Ну вот, взгляните, пожалуйста. Это один из участков лаборатории в вертикальном разрезе. Над ним море... До поверхности около двухсот метров, не так ли? Вода поступает

через эти трубы. Фильтры действуют под давлением, используется естественное давление воды. Пропускная способность — около восьми тысяч килолитров в минуту. Кроме того, есть еще два резервных фильтра, на две тысячи килолитров каждый. Но в тщательно отфильтрованной воде, видимо, нарушается некое природное равновесие, она мешает нормальному развитию организмов. В частности, падает способность к ассимиляции, возникают заболевания аллергического свойства. Поэтому здесь, внизу, в отфильтрованную воду добавляются различные органические и неорганические вещества, чтобы приблизить ее состав к природной морской воде. Так мы по желанию воспроизводим воды Красного моря, антарктических морей, впадин Японского моря. У нас ведутся, например, исследования, какие моря наиболее подходят для свиноводства.

— И здесь можно до отвала лакомиться сасими из свинины, — вставил Ерики.

— Совершенно верно. Свинина у нас на редкость вкусная. Правда, некоторые с непривычки брезгают. Но она гораздо вкуснее говядины. И когда к ней привыкаешь, отказаться уже трудно. Хотите попробовать?

— Нет. Не сейчас. — Мне показалось, что они говорились дурачить меня, и я разозлился. — Я бы предпочел, если это возможно, немедленно обратиться к основному вопросу... — Тут я заметил, что говорю грубо, но остановиться уже не мог и продолжал куда кривая вывезет: — Право, не знаю, как извиниться перед вами. Свалились к вам как снег на голову в такое неподходящее время... Я полагаю, Ерики объяснил вам причину нашего визита?

— Да, я слышал, что вы заинтересовались нашими исследованиями... Впрочем, это не имеет никакого значения, не беспокойтесь, пожалуйста. Мы живем здесь в строгой изоляции от внешнего мира, и вы представить себе не можете, сэнсэй, до чего приятно побеседовать с таким человеком, как вы... Живем чуть ли не в центре Токио, а с людьми встречаемся чрезвычайно редко. Ведь получить разрешение трудно.

— Разрешение на выход отсюда?

— Нет, разрешение для посетителей.

— Значит, что же, это лаборатория государственная?

— Нет, как можно! Будь она государственная, как ваша, разве мы могли бы сохранить ее в тайне? Правда, не было бы и таких строгостей. — Он выставил передо мной свою огромную руку, как бы предупреждая мой вопрос. — Нет, этого я не могу вам сказать. Говоря по правде, даже я не совсем понимаю сущность организации, которой принадлежит наша лаборатория... Но у этой организации огромная сила! У меня, например, такое ощущение, будто она держит в руках всю Японию. А поскольку я от души полагаюсь на нее, мне нет смысла узнавать и уточнять то, что меня не касается.

— В таком случае это известно тебе, — сказал я, обращаясь к Ёрики.

— Мне? Что вы, что вы!

Ёрики преувеличенно высоко поднял брови и потряс головой, но я заметил, что лицо его при этом оставалось спокойным.

— Странно, однако, — сказал я. — Как же ты сумел получить для меня разрешение?

— Разумеется, через меня, — произнес господин Ямамото, открывая в улыбке длинные редкие зубы. Кажется, ему нравилось, что беседа становится такой оживленной. — Откуда человеку со стороны знать то, чего не знаю даже я, лицо как-никак ответственное? Просто мне известно, кому надо обратиться, и, следовательно, испросить для вас разрешение было вполне в моих возможностях.

— Понимаю...

Среди моих карт была одна, которая интуитивно казалась мне козырной, и я неторопливо, упиваясь собственным волнением, выложил ее на стол:

— Значит, когда Ёрики-кун впервые узнал о существовании этой лаборатории, он тоже должен был получить разрешение на осмотр через третье лицо... Иначе у вас не сходятся концы с концами...

Ёрики открыл было рот, но господин Ямамото определил его.

— Совершенно верно, — сказал он. — Давайте,

я вам вкратце объясню, в чем тут дело. Пусть это будет нечто вроде памятки для посетителя. Как я уже говорил, работа этой лаборатории засекречена. Тайну ее должен свято хранить всякий человек, кому она известна, независимо от того, сотрудник он или посетитель. Конечно, закона, который это гарантировал бы, не существует. И мы не берем клятвенных подписок с приложением печати. Формально никто ничем не связан. Зато чрезвычайно строг отбор. Мы показываем лабораторию только тем людям, в которых абсолютно уверены. И поэтому нарушений этого обязательства почти не бывает.

— Почти? Значит, все-таки бывают нарушения?

— Ну как вам сказать... Поскольку публике ничего не известно о нашей работе, можно считать, что таких случаев вовсе не было, не так ли? Впрочем, я как-то слыхал краем уха, что один из наших работников, человек грубый и неотесанный, сильяну проболтался. За это он подвергся строгому наказанию.

— Его убили?

— Нет, зачем же... Наука идет вперед. Убивать во все не обязательно. Можно лишить человека памяти. Есть и другие методы.

Кажется, мой козырь сыграл. Господин Ямамото был по-прежнему мягок и любезен, но Ёрики, сам того не замечая, барабанил пальцами по краю стола, и ускоренный ритм этого стука свидетельствовал о том, что беседа идет о самом главном.

— А если труп может заговорить, остается только изрезать его на мелкие кусочки, — сказал я.

Господин Ямамото расхохотался, как будто я сказал что-то очень смешное.

— Да уж, — проговорил он, трясясь от смеха, — это действительно было бы неудобно.

— Я, однако, никак в толк не возьму... Если вы здесь так боитесь гласности, то к чему вообще разрешать осмотр? Добро бы еще человек сам настаивал и рвался к вам, но ведь вы сами навязываете этот осмотр, а затем грозите убийством... Это же просто ловушка. Вдобавок, на что годится знание, которым ни с кем

нельзя поделиться? Вся ваша затея похожа на издевательство.

— Вы преувеличиваете, сэнсэй, — заговорил Ёрики. — Никто не мешает вам делиться вашими мыслями с единомышленниками...

Господин Ямамото перебил его:

— Совершенно верно, разрешение, как правило, получается через третье лицо. Это делается для того, чтобы расширять круг единомышленников, и нисколько не противоречит требованию сохранения тайны. Слухи, общественное мнение, все эти так называемые голоса публики, лишенные конкретного источника, — это одно. А суждение единомышленника, лица ответственного, — это уже совсем другое.

— Единомышленники, единомышленники... Да в чем, собственно?

— Вот это мы и хотим вам показать. — Господин Ямамото стремительно встал и потер руки. Глаза его в прищухших веках весело сузились. — Мне представляется, что вас больше увлечет не фактическая сторона дела, а сама идея. Мы начнем осмотр с камеры выращивания, но прежде мне хотелось бы вкратце познакомить вас с предметом наших исследований, с историей.

— Подождите, — сказал я, подняв руку. — Давайте сначала выясним еще один вопрос. — Я тоже встал, отступил на шаг и медленно опустил руки на стол. — Ёрики-кун... я знаю теперь, почему ты достал мне разрешение. Но я еще не знаю, кто и почему достал разрешение для тебя. Теперь я имею право знать это, не так ли? Ведь все, кто получил разрешение, являются единомышленниками. Так вот, кто и по какой причине выбрал тебя?

Ёрики тоже поднялся, слабо улыбаясь.

— Пожалуйста, — произнес он. — Теперь я могу вам сказать. Только я боюсь, что вы рассердитесь.

— Я не собираюсь сердиться. Я хочу знать правду.

— Справедливое желание, — сказал с придурковатым видом господин Ямамото. — Правда всегда привлекает. И Ёрики-кун освободится от камня на сердце.

— Это была Вада, — произнес Ёрики и облизнул губы.

— Вада?!

— Да, она работала у нас, прежде чем перейти к вам, — объяснил господин Ямамото. — Она была способным ассистентом с ясными и четкими убеждениями, что редко встречается у женщин. Но у нее был один недостаток, который делал ее совершенно непригодной к работе у нас. Она не переносит вида крови. Поэтому она уволилась и перешла к вам. Кстати, получился за нее перед вами как раз мой брат из госпиталя Центральной страховой компании.

— Да, да, я припоминаю...

Разрозненные звенья цепи вдруг с четким звоном соединились в одно целое. Все очень просто. Это, конечно, не значит, что все сомнения рассеялись и вопросов больше нет. Да, цепь с поразительной ловкостью извлечена из хаоса, но именно эта ловкость наводит на размышления. Совсем скверно то, что я никак не могу разглядеть фигуру самого фокусника. Цепь, однако, меня восхищает. Она великолепно составлена. Совершенно случайные, казалось бы, персонажи расположились вдруг по-иному и обрели ясные и отчетливые роли. Теперь появилась хоть какая-то надежда понять, для чего Ёрики завлек меня сюда. Во всяком случае, появилась возможность какого-то объяснения всему этому. И мое доверие к Ёрики... Впрочем, до доверия еще далеко. Но мне показалось, что я вот-вот стану доверять ему. Я медленно, чтобы было незаметно, перевел дыхание.

**24** — Первоначально мы исследовали метаморфоз насекомых. Вы, разумеется, имеете какое-то представление об эмбриологии, Кацуки-сан?

— Нет, считайте меня дилетантом. Я не помню даже, что раньше бывает — гаструла или бластула...

— Прекрасно. В таком случае постараюсь изъясняться попроще. — И господин Ямамото заговорил

монотонно, постукивая пеплаженной сигаретой о край стола. — Разумеется, не метаморфоз насекомых был нашей целью. Задача в самом широком смысле состояла в планомерном преобразовании живых организмов вообще. Кое-чего наука добилась еще до нас. У растений, например, удавалось вдвое увеличить содержание пигментов. С животными обстояло хуже. Дальше экспериментов по улучшению породы дело не пошло. Мы же стремились разрешить эту проблему радикально. Я бы сказал, это был дерзкий замысел оседлать эволюцию, заставить ее двигаться скачками и в нужном нам направлении. Вам, вероятно, известно, что онтогенез есть повторение филогенеза, то есть каждый организм в своем индивидуальном развитии от зародыша проходит все этапы исторического развития вида. Строго говоря, конечно, никакой организм не повторяет форму предка, но он во всех своих проявлениях в известном смысле пропорционален этой форме. И если вмешаться в развитие зародыша, то можно отклонить его от направления, заданного наследственностью, и получить организм совершенно нового вида. До нас были грубые попытки такого вмешательства. Создавались гротескные уродцы вроде двухголовых головастиков или лягушек с пастью ящерицы, но все это было не то. Сломать часы может и младенец, а вот чтобы сконструировать часовой механизм, требуется специальное мастерство. Развитие организма управляет некими гормонами, своего рода противоборствующими стимуляторами. Именно взаимодействие этих элементов и определяет характерные черты данного организма. При необходимости, вероятно, можно было бы выразить это взаимодействие системой интегральных уравнений.

— На нашем жаргоне это называется сложной обратной связью.

— Вот именно, эта обратная связь необычайно сложна. И для выяснения ее сущности мы обратились к метаморфозу насекомых. Как известно, метаморфоз насекомых управляет в основном двумя гормонами. Одно время ставились опыты, при которых какой-нибудь из этих гормонов удалялся из организма насе-

комого. Регулирование хода развития зависит здесь от успеха в определении необходимой дозы того или иного гормона. Это чисто техническая трудность. Она была преодолена почти одновременно в Америке и Советском Союзе лет десять назад. А через год мы тоже совершенно самостоятельно овладели этой техникой. И мы создали на редкость диковинных насекомых. Вот, взгляните.

Господин Ямamoto вытащил из-за ширмы нечто вроде большой клетки для птиц. В ней ползали два живых существа серого цвета, величиной с ладонь. Мерзкие насекомые, покрытые слизью и жесткой щетиной того же серого цвета, что и тело.

— Что это такое, по-вашему? Глядите, шесть ног, вполне добропорядочное насекомое, несмотря ни на что... Это всего-навсего мухи. Вы удивлены? Ну, если угодно, личинки мухи, остановленные в развитии. Видите, у них рот устроен, как у мухи. Между прочим, они способны и к воспроизведству. Вот это самец, а это самка... Разумеется, это просто диковинка, никакого практического значения они не имеют, держим их в память о первом эксперименте. Сиреневые твари, если сунуть к ним руку, пребольно кусаются. А когда у них бывает хорошее настроение — это бывает, по-видимому, в периоды полового влечения, — они издают странные скрипучие звуки. — Господин Ямamoto вернул клетку за ширму. — А теперь, с вашего разрешения, я провожу вас в камеру выращивания.

Мы спустились на мостик, пересекли помещение и снова оказались в полуутемном коридоре. Господин Ямamoto идет впереди и продолжает через плечо начатый рассказ:

— ...и тогда международный обмен информацией по этому вопросу внезапно прекратился. Вернее, не совсем, конечно, прекратился, публиковались абстрактные соображения по технике внеутробного выращивания млекопитающих, но не больше. Все остальное заслонила настоящая стена молчания. Впрочем, это было вполне естественно. Для нас, людей, непосредственно занятых исследовательской работой, значение этого молчания было более чем ясным. Здесь вопрос

касался уже не техники и науки, он задевал что-то куда более глубокое и страшное. И оттого, что теоретически и технически все это представлялось вполне в пределах возможного, было еще страшнее. А вот и камера.

Мы остановились перед железной дверью, на которой масляной краской была намалевана цифра «3». Господин Ямамото оттянул засов. За дверью был бокс площадью в десять квадратных метров, три стены его были из стекла. Внутри медленно двигались вправо и влево десятки конвейерных лент, расположенных в несколько этажей. Сотни аппаратов, напоминающих станочки для шлифования линз, так же медленно и методично склонялись и выпрямлялись над лентами. А внизу четверо людей в белых халатах что-то делали за длинным металлическим столом.

— Внутри все тщательно стерилизовано, — сказал господин Ямамото, — поэтому пригласить вас туда я не могу. Обычно я тоже даю указания отсюда. Вот, взгляните, пожалуйста. В одной только этой камере ежедневно обрабатываются до тысячи трехсот зародышей. В соответствии с разработанной программой их отключают от нормальной линии наследственного развития. Вон там, прямо перед нами, зародыши подводных коров. Да... Вот так-то... Вначале мы содрогнулись, когда представили себе такую вот картину... — Господин Ямамото заглянул мне в лицо, возле уголков глаз у него прорезались морщины. — Мы, разумеется, естествоиспытатели, и нас не остановит пустая болтовня об осквернении природы. И все же, говоря по чести, когда я представил себе фабрику обработки зародышей, мне стало не по себе.

— Мне сейчас тоже не по себе, когда я вижу ее своими глазами...

— Не сомневаюсь... Вообще куски будущего, вырванные из целого, производят впечатление гротеска. Говорят, что представитель какого-то первобытного народа, впервые очутившись в современном городе и увидев гигантские здания, подумал, что это бойни для людей. Впрочем, простите, не примите мои слова буквально. Иначе говоря, страх проистекает из непонима-

ния связи с человеческой жизнью. Бессмысленное, но неодолимое...

— То есть вы хотите сказать, что в этой вашей деятельности, похожей на страшный сон, есть смысл, который снимает страх?

Господин Ямамото кивнул. Кивнул, как врач, убеждающий пациента, безо всяких эмоций, с непоколебимой прямотой и уверенностью. Но он ничего не сказал мне, откинул крышку металлического ящика у стены, щелкнул переключателем и произнес:

— Харада-кун, покажи нам, пожалуйста, зерно, которое вы сейчас готовите... — Он повернулся ко мне и объяснил: — Необработанный зародыш, только что снятый с плаценты, мы называем зерном.

Один из людей, работавших у стола, взглянул на нас через плечо, затем взял со штатива плоский стеклянный сосуд и поднялся к нам по железному трапу. У него были озорные глаза, и он едва заметно улыбался. Кажется, от этого мне стало немного легче. Ерики кашлянул у меня над ухом.

— Йоркширская свинья, — пояснил Харада через переговорную трубку.

— Приросло? — спросил господин Ямамото.

Харада перевернул стеклянный сосуд вверх дном.

— Да, все в порядке.

Сосуд был заполнен студенистой красной массой. В центре ее располагалось червеобразное тельце, от которого во все стороны тянулись тонкие кровеносные сосуды. Господин Ямамото сказал:

— Это самое трудное — прирастить зерно к искусственной плаценте. Словно посадка срубленного дерева. Хотя еще труднее, может быть, сбор зерен и хранение... пока их сюда доставят... Возможно, главная проблема в этом. Приходится все время иметь дело с посторонними, тайна висит на волоске. Нельзя же быть осторожным беспредельно...

— Сейчас прирастить зародышей свиней удается в семидесяти четырех случаях из ста, — сказал Харада.

Господин Ямамото кивнул.

— Вон там, внизу, — продолжал он, — это рабо-

чий стол. Там отбираются зародыши. Это единственный процесс, требующий человеческой руки, все остальное автоматизировано. Приросшие к искусственной плаценте зерна ставятся на конвейер. На конвейере они остаются в течение десяти дней. Видите эти устройства, которые кланяются над конвейерами? Это наши повара. Каждый из них подает на зерна строго определенные порции различных гормонов. Развитие зародыша в материнской утробе происходит за счет взаимодействия гормонов, выделяемых организмом матери и самого плода. Здесь характер взаимодействия видоизменен во времени и количественно. Развитие направляется по иной линии, оно определяется так называемым уравнением «Альфа». Впрочем, этими подробностями я затрудняю вас не буду.

— Но ведь для разных видов сроки развития после оплодотворения различны, и потом возраст зародышей не может совпадать в точности.

— Просто замечательно, что вы обратили на это внимание. Действительно, у свиней, например, мы, как правило, берем зародышей на второй неделе, но все равно какие-то различия в возрасте имеются. Однако главное состоит в том, чтобы возраст не превышал некоего предела, после которого организм уже определяется как сухопутный или подводный. И если изменения в зародыше еще соответствуют уравнению «Альфа», то о точности беспокоиться нет смысла. Тем более что и материнские организмы различаются между собой, бывают молодые и старые. Необходимо только установить при рассортировке, когда наступает этот момент предела. Нам отсюда не видно. В общем это можно узнать по цвету плаценты... она приобретает синеватый оттенок. Опытный глаз узнает сразу.

Харада немедленно вызвался найти и показать нам подходящий экземпляр. Пока мы ждали его, господин Ямamoto сказал, что можно, пожалуй, покурить, достал из кармана халата окурок сигареты и, разглядывая табачный дым, как-то диковинное, пробороматал:

— Из-за того, что нам, людям, приходится дышать воздухом, мы приобретаем нелепейшие привычки.

— В третьей камере зародышей обрабатывают до этого момента, — как бы в нетерпении произносит Ёрики обычным своим резким тоном. Видимо, чтобы стяхнуть сонливость.

Несмотря на напряжение, меня тоже клонит в сон, и я спохватываюсь. Я даже чувствую себя виноватым. Но господин Ямamoto как ни в чем не бывало подхватывает:

— Правильно... В первой камере отделяется брак, во второй производится пересадка на искусственную плаценту, затем зародыш переносится сюда, а когда плацента изменяет цвет, его несут в четвертую камеру. Там начинается превращение его в подводное млекопитающее. Ага, кажется, нам сейчас покажут...

К нам торопливо возвращался Харада, бережно неся другой стеклянный сосуд. Кажется, действительно вокруг разветвленных нитей кровеносных сосудов лежит смутная тень.

— Это и есть признак изменения зародыша. Как только он обнаруживается, зародыш немедленно передают в четвертую камеру. Харада-кун, покажи его нам поближе... Видите, он скоро перерастет сосуд... Особенность этой стадии состоит в том, что более или менее оформляется спинной хребет, а передние почки и жаберные складки пребывают в наиболее активном состоянии. Вот это большое углубление у него под головой и есть жаберная складка. Спинной хребет нас сейчас не интересует. Спросим себя, почему передние почки и жаберные складки, которые потом бесследно исчезнут, обретают активность только на этой стадии? Заранее прошу извинения за маленькую лекцию по биологии, но это очень важный вопрос.

Объяснения господина Ямamoto сводились примерно к следующему.

В эволюционной теории существует важный закон, именуемый «законом соответствия». Суть его в том, что изменение одного органа в живом организме неминуемо ведет к изменению других органов. Повторение развития вида в индивидуальном развитии есть не просто механическое копирование прошедшего, а физическая необходимость, содержащая в себе все воз-

можности для эволюции. Повторяется не все. Кровь, например, почти не меняется с самого начала. И повторяются в развитии зародыша только те органы, которые дают начало для образования новых, а сами затем исчезают. Зародыш свиньи проходит стадию передних почек. Передние почки у взрослого организма имеются только у угрей. У зародыша свиньи они отмирают без всякого видимого эффекта примерно через пять дней, а на их месте возникают средние почки. На первый взгляд передние почки — совершенно бесполезный этап, но если их удалить, средние почки не образуются. Они же, в свою очередь, преобразуются в орган, на основе которого вырастают настоящие почки.

То же самое происходит и с жаберными складками. Ближайшая к голове половина перерождается в железу внутренней секреции, которая, в свою очередь, берет на себя функцию превращения остальной половины в легкие. Эта видоизмененная часть жаберной складки становится органом, из которого возникают грудная железа и щитовидная железа.

Возникает вопрос: что произойдет, если жаберные складки не переродятся в железу? У рыб, например, эволюция останавливается именно на этой стадии. Но зародыш млекопитающего, если задержать его на этой стадии, в рыбу, разумеется, не превратится. В лучшем случае получится какой-нибудь чудовищный слизняк, совершенно нежизнеспособный. Дело в том, что копируется далеко не все и многие органы, необходимые для превращения зародыша млекопитающего в рыбку, уже необратимо деградировали.

Господин Ямамото говорил без передышки. Затем он остановился, внимательно посмотрел на меня, улыбаясь толстыми губами, и осведомился:

— Такое объяснение вас устраивает?

И тут же, не дожидаясь ответа, пошел к двери, продолжая на ходу:

— Следуя по порядку, мы должны были бы осмотреть теперь четвертую камеру. Но там нет света, в сплошном мраке врачаются стеклянные шары, и

больше ничего. Пройдемте прямо в пятую камеру, последнюю.

— Точно, — подтвердил Ёрики через плечо, уступая мне дорогу. — В таком же порядке осматривал и я, когда Вада-кун впервые привела меня сюда.

— Если желаете, можно будет потом посмотреть фильм, снятый в инфракрасных лучах.

— Нет, для меня все это слишком специально.

— Ну да, разумеется, технология ведь вас не очень интересует. Но давайте все-таки заглянем в пятую камеру. Это стоит посмотреть.

**25** Мы вновь очутились в длинном коридоре, пол которого круто шел под уклон.

— На стадии жаберных складок определяется линия дальнейшего развития: превратятся ли складки в настоящие жабры или переродятся в железы внутренней секреции... — Господин Ямамото понизил голос, словно ему было неприятно эхо стен. — Как и при метаморфозе насекомых, это зависит от взаимодействия гормонов. Гормоны же выделяются нервными клетками. Поистине нервная система — это поразительная вещь. Мало того, что она абсолютно необходима для равновесия в живом организме, она является еще и источником энергии для эволюции. Так вот, если на этой стадии остановить действие гормонов, немедленно прекращается специализация растущих тканей. В свое время мы при помощи такого приема создали свинью-слизня почти в семьдесят сантиметров длиной.

— Такая тварь съедобна? — спросил Ёрики.

Он словно заранее подготовил этот вопрос. Он изо всех сил стремился показать, что все здесь для него привычно и обыденно. Мне это было неприятно.

— Отчего же, — спокойно ответил господин Ямамото, — вероятно, съедобна. Правда, вряд ли она хороша на вкус. Прекращение специализации означает, что останавливается развитие нервной системы и соответственно мышечных тканей — другими словами,

количественный рост белка не сопровождается уже качественными изменениями.

Мимо нас, молча поклонившись, прошли мужчина и женщина в белых халатах. Коридор спускался все глубже, потолок стал сводчатым. Пол, кажется, стал еще более наклонным. Мне слышался шум, словно гул прибоя, но, может быть, это просто звенело в ушах.

— Если бы можно было остановиться на таких свиньях-слизняках, — продолжал господин Ямamoto, повернувшись ко мне, — оставлять жабры зародышам млекопитающих было бы очень просто. На деле все обстоит гораздо сложнее. Задача ведь состоит в том, чтобы остановить на жаберной стадии развитие не всего организма, а только органов дыхания. Здесь общей теорией гормональных функций не отделаешься. И здесь мы добились величайшего триумфа.

— Какой, однако, длинный коридор!

— Сейчас будет поворот, и за ним тупик. Здание построено в виде буквы «П», и мы обошли его из конца в конец. Устали?

— Нет. Но температура...

— С температурой приходится мириться. Мы ведь под поверхностью моря...

В этой камере дверей не было. Вдоль стены, оставляя карнизы в два метра шириной, тянулся глубокий бассейн, наполненный водой. Он напомнил небольшой спортивный бассейн для плавания, но был ярко освещен изнутри, так что до дна, казалось, было рукой подать. В левой стене бассейна виднелось окошко с какими-то измерительными приборами по бокам. В противоположной стене справа тоже было окошко, но размером побольше. И двое людей в аквалангах что-то делали перед окошком с измерительными приборами, поднимая в воде сверкающие тучи воздушных пузырьков.

— Ветеринар и кормилец, — поясняет господин Ямamoto. В голосе его дрожит сдерживаемый смех.

Мы огибаем бассейн и входим в маленькую комнатушку.

Это неказистое помещение, беспорядочно заваленное медикаментами, сверкающими хирургическими

инструментами, аквалангами, какими-то странными приборами. Тупо гудит вентилятор, но все равно в нос бьет резкий противный запах. В углу что-то вычерчивает на миллиметровке маленький человек с узким лобиком. При нашем появлении он поспешил подниматься и предлагает сесть. Я озываюсь. Стульев всего два, и я отказываюсь. Мне не хочется оставаться здесь долго.

— У нас посетитель, — сказал господин Ямamoto. — Скажите им, пусть работают так, чтобы все было видно.

Маленький человек вышел, волоча шнур микрофона. Мы вышли следом и тоже опустились на корточки у края бассейна. Маленький человек что-то сказал в микрофон, двое в воде подняли лица и помахали нам руками.

— Следующий идет через две минуты, — объявил маленький человек, повернувшись к господину Ямamoto.

Действительно, один из тех, в воде, показывал нам два пальца.

— Сейчас у нас рождаются по одному каждые пять-восемь минут... — сказал господин Ямamoto. — Прежде чем попасть сюда, зародыши в жаберной стадии, которых мы видели в третьей камере, хранятся в соседней, четвертой камере. Срок зависит от вида животного, разумеется. Для свиней он составляет около шести месяцев. А странно звучит это слово — «хранятся», не правда ли, сэнсэй?

Я не в силах сдержать изумление.

— Но шесть месяцев при темпе один в пять минут — это же должно быть огромное количество!

— Они там распределены по пяти ступеням, шестнадцать тысяч штук в каждой, — заметил маленький человек, выпячивая подбородок. — Это составляет запас в восемьдесят тысяч штук.

— Будь вы, сэнсэй, специалистом в этой области... — проговорил господин Ямamoto, глядя в воду. — Мне думается, вы бы весьма заинтересовались процедурой в четвертой камере... Система питания и ассенизации, регулировка температуры и давления... Особо

бенно проблема температуры... Она у нас гораздо ниже, чем в материнской утробе... Мы подавляем переспециализацию жаберных складок и одновременно стимулируем развитие искусственных желез, форссирующих специализацию всех остальных органов... Да что говорить, это такой четкий процесс, что выражается математически, только это математическое выражение нельзя выносить за пределы лаборатории... Говоря попросту, мы клин клином вышибаем... Чтобы кристалл соли не растворился в воде, достаточно превратить воду в насыщенный раствор, не так ли? Нечто аналогичное проделываем и мы, и нам удалось остановить эволюцию жабр, не влияя на развитие остальных органов.

У окошка в стене бассейна вспыхнул красный свет. «Идет!» — закричал маленький человек, ероша волосы. Ёрики, упервшись руками в край бассейна, подался вперед.

— Это окошко является чем-то вроде искусственного детородного органа, — пробормотал он.

Люди в воде, посигналив что-то взмахами рук, становятся по сторонам окошка, стараясь держаться так, чтобы не заслонять его от нас пузырьками воздуха. Внезапно из окошка высекивает черный металлический ящик. Люди в воде сейчас же принимаются манипулировать с приборами.

— Отделяют искусственную плаценту.

Они раскрывают ящик и извлекают из него полимерный мешок, который тут же на глазах раздувается в большой шар. Видно, как внутри переливается мутная красноватая жидкость. Один из людей втыкает в шар наконечник шланга, протянутого от прибора в стене, и поворачивает кран.

— Из шара отсасывается жидкость. Едва плацента отделена, как рефлекторно начинается жаберное дыхание, и эта операция должна проводиться с наибольшей быстротой.

Шар сморщился, и пластик обледил новорожденного поросенка. Поросенок сучит ножками и дергается. Один из аквалангистов вспарывает пластик ножом и снимает его с поросенка, как рубашку. В руках ма-

ленького человека вдруг появляется длинный шест. Этим шестом он выхватывает из воды ненужную уже оболочку — движения его до отвращения привычны и споровисты — и одним махом швыряет ее в железную бочку в углу. В нос ударяет тяжелый тошнотворный запах. Вот откуда идет эта резкая вонь.

Поросенок, которого придерживают за передние ножки, неуклюже баражается. От него в воде распространяется розоватое туманное облако. Другой аквалангист при помощи наконечника со шлангом чистит поросенка, обирая приставшие к его тельцу нечистоты. Видимо, это делается для того, чтобы не загрязнять воду в бассейне. Затем в ухо поросенку вставляют металлический шприц, и поросенок подпрыгивает.

— Барабанные перепонки ему все равно не нужны, и вообще эти места легко воспаляются. Мы сразу затыкаем им уши пластмассовыми пробками.

— Но ведь животное растет... — начал Ёрики и остановился, заметив, что я тоже открыл рот для вопроса.

— Ничего, — сказал я. — Спрашивай сначала ты.

— Да... Вопрос у меня простой. Не выпадут ли эти пробки, когда животное вырастет?

— Так... У этой пластмассы очень интересное свойство. Независимо от направления силы тяжести она всегда течет в сторону более высокой температуры. Природная теплота тела всегда будет притягивать пробки. Как видите, эта проблема решена у нас довольно остроумно. А ваш вопрос, сэнсэй?

— Я хотел о звуке... Как в воде обстоит дело со звуком?

— Понятно... К сожалению, здесь много неясного, и я не смогу дать исчерпывающий ответ. Но вот у рыб слуховые органы тоже закрыты костными щитками, и тем не менее они прекрасно слышат. Возможно, что наши пластмассовые пробки тоже не мешают слуху.

— То есть вы хотите сказать, что животные в воде не глухие?

— Ну, разумеется! Подводные собаки, например, слышат просто великолепно.

— Море часто называют «миром безмолвия», — глубокомысленно заметил Ёрики. — Но, должно быть, не так уж он безмолвен, этот мир.

— Какая чепуха! — вскричал маленький человек, словно вдруг вспомнив о нашем присутствии. — Для того, кто слышит, нет более оживленного места, чем море. Ведь каждая рыбка щебечет по-своему, будто пташка в роще.

— Есть проблема более сложная, чем слух, — сказал господин Ямамото, склоняя голову и поглаживая огромным пальцем кончик носа. — Они не владеют голосом, а это противоречит их инстинктам. Жаберное дыхание не дает, сами понимаете, возможности пользоваться голосовыми связками. С этой проблемой мы совершенно замучились. Немая собака не может стать сторожевым псом. Впрочем, собак-то мы научили.

— Научили лаять?

— Ну что вы... Научили скрипеть зубами. На эту мысль нас навела одна рыба. Неплохая идея, правда?

Аквалангист покончил с чисткой, оттолкнулся от дна и всплыл к самой поверхности, держа поросенка в вытянутых руках. Розовый, покрытый белым пухом, поросенок с изумленным выражением уставился на нас из-под воды, усиленно работая жаберными щелями, похожими на мясистые складки.

— Как, он уже смотрит?!

— Ага, заметили?.. — господин Ямамото довольно засмеялся. — Я, помнится, сказал вам, что в организме ничего не меняется, кроме органов дыхания, но это не совсем так. В действительности имеют место еще кое-какие изменения.

Аквалангист взял поросенка под мышку, повернулся, мелькнув выцветшими голубыми шлангами за спиной, стремительно пересек бассейн и скользнул в оконко в стене напротив. За ним потянулся плоский белый шлейф серебристых пузырьков.

— Куда это он?

— В камеру молочного кормления, — ответил господин Ямамото. — Очки мне, — приказал он маленькому человеку и повел нас по карнизу к оконш-

ками. — Как-нибудь потом я покажу вам анатомические схемы. Вы увидите, что в некоторых органах, которые обыкновенно развиваются под влиянием гормонов переродившихся жаберных складок, имеют место определенные изменения. Самые характерные из этих изменений — исчезновение ряда желез с внешней секрецией: например, слезных, слюнных, потовых. Далее, дегенерируют веки, выпадают голосовые связки. Да вот еще легкие у млекопитающих. Они не исчезают с появлением жабр. Бронхи деградируют и выходят отверстием в стенке пищевода, и легкие становятся чем-то вроде гипертрофированного плавательного пузыря. Видимо, природа знает свое дело. Ведь подводным обитателям нет нужды ни в слезных, ни в слюнных железах.

— И они больше не могут ни плакать, ни смеяться?

— Полно вам! Разве животные плачут или смеются?

Из бассейна по железному трапу поднялся второй аквалангист. Кажется, он сменял маленького человека. Маленький человек принес какую-то двухметровую трубу, покрытую белым лаком, передал ее господину Ямамото и, отойдя в сторонку, принял переодеваться в синий костюм для подводного плавания. Труба оказалась перископом. Господин Ямамото опустил объектив в воду, направил в сторону окна и заглянул в очки.

— Вот так. Пожалуйста...

Он передал перископ мне. Я приблизил глаза к очкам, но ничего не увидел, кроме мутного молочного сияния. Решив, что запотели линзы, я полез за носовым платком.

— Нет, нет, — остановил меня господин Ямамото. — Так и должно быть. Присмотритесь внимательно. Это просто замутнена вода.

Я стал всматриваться и скоро действительно различил какое-то движение.

— Видите, как мельтешат? Это поросыта. А предметы, которые похожи на большие соты и свисают сверху, — это искусственное вымя. При кормлении

часть молока неизбежно попадает в воду и замутняет ее.

— Почему же молоко не проникает сюда, в бассейн? Окно ведь ничем не загорожено.

— За оконшком завеса, вертикальный ток воды. Такие же завесы есть и в самой камере кормления, они делят ее на четыре отсека. Температура в отсеках разная — от 0,3 до 18 градусов. Проникнуть сквозь завесы ничего не стоит. Искусственное вымя включается по-переменно в разных отсеках, и животным волей-неволей приходится привыкать к температурным скачкам. Это весьма содействует развитию жировых желез, отложению подкожного жира и росту шерстяного покрова.

Глаза постепенно привыкают. Я вижу белый веретенообразный предмет, покрытый бесчисленными выступами, похожими на детские соски. Его обленили, прильнув ртами к выступам, десятки пороссят. Все это напоминает гроздь винограда, покрытого белым налетом. Время от времени в поле зрения медленно проплывают тени пастухов в аквалангах.

— Их выдерживают здесь примерно месяц, затем «отнимают от груди» и переправляют на подводное пастбище.

## 26

«В лабораторию Ямamoto, заказ № 112.

1. Йоркширов потомственных — 2 головы.
2. Сторожевых собак против акул — 2 штуки.
3. Собак охотничих породистых — 5 штук.
4. Молочных коров породы «З-я улучшения» — 8 голов.

5. Вакцины против желтой болезни на 200 голов.

Указанное просим экстренно доставить по сушке.

Ниигата, М., З-е морское пастбище».

— Потомственные йоркширы? — спросил я. — То есть созданные вами признаки становятся наследственными?

Лодка, оборудованная прожектором, скользила над подводным пастбищем величиной с небольшое озеро. Воздух был тяжелый, дышать было трудно.

— Нет. В первом поколении это пока невозможно. Подводные млекопитающие, рожденные от первого поколения, достаточно жизнеспособны, но давать потомство не могут. Способность к размножению они приобретают только в том случае, если их, в свою очередь, выращивать вне материнского чрева. Полученных таким образом животных второго поколения мы называем потомственными — потомственная свинья, потомственная корова. Это требует много труда, да и средств, поэтому таких у нас пока мало. Впрочем, придет время, и мне думается, что подводные животные, способные к самостоятельному размножению, перестанут быть редкостью.

— А морское пастбище в Ниигата, это что такое?

— То, что написано. Пастбище на морском дне.

— Настоящее пастбище? Вы что же, и продукты на рынок поставляете?

— Гм... В этих делах я, признаюсь, профан. Во всяком случае, с весны прошлого года к нам вдруг стали поступать такие вот заказы. Первый, если не ошибаюсь, пришел с морского пастбища в Босо. По-степенно заказов становилось все больше, иногда они приходят из совершенно неожиданных мест: например, из глубоководного морского пастбища Ка-Эль в Тихом океане. Всего мы отправили до сих пор около двухсот тысяч голов коров и свиней; это составляет почти пять процентов сухопутного поголовья в нашей стране. Скорее всего этот скот поступает в собственность какой-то организации, и очень возможно, что с деловой точки зрения это вполне рентабельное предприятие.

— Даже не верится!..

— А я и сам хорошенъко не понимаю. Хотя возьмите, например, отложения на дне океана, тот же глубоководный ил. Он является вполне сносным кормом для свиней. А раз так, то корма для свиней имеются в неограниченных количествах. Это позволяет пускать свиней на выпас, как овец. Почему же не допустить, что такое предприятие может быть рентабельным? Вон, глядите, как раз под нами доят вакуумным насосом корову.

— Если допустить, что такое огромное предпрятие действительно существует, то почему о нем никто ничего не слыхал? Нет, не могу поверить...

— Вот в том-то и дело, — резко сказал Ерики, сидевший на веслах. — Организация, видимо, солидная...

Я еще не знал, враг он или друг, и потому не понял его тона. Может быть, он забрасывает удочку?

А я действительно колебался. Посещение этого места произвело настоящий переворот в моих мыслях — тут Ерики оказался прав. Версия о торговле зародышами, о которой я раньше и слышать не хотел, надвигалась теперь на меня, как ощущимая реальность. А раз так, то необходимо заново переосмыслить всю цепь событий последних дней. Убийство заведующего финансовым отделом уже перестало, очевидно, быть центром этих событий.

Незаметно для меня самого стремление разыскать и настигнуть убийцу ослабело, сердце мое было теперь полно чувствами к похищенному ребенку. Я чувствовал, что становлюсь оппортунистом. Для того чтобы сохранить машину, я готов был подстроить ложное показание и объявить убийцей ту несчастную женщину. В каком-то смысле мое посещение лаборатории приблизило меня к сути дела, но я ощущал, что разрешение всей проблемы отодвинулось еще дальше. Что ж, дальше так дальше, мне все равно. С меня довольно, я не желаю больше пугаться в такие дела. Ерики сказал, что полиция нас подозревает, но ведь и полиция, надо полагать, дорожит своим престижем. Пусть будет ложь, но это будет ложь машины-предсказателя, и полиция ухватится за нее, чтобы избавиться от такого запутанного дела. А сейчас я хочу одного: поскорее уйти отсюда и отдохнуть возле своей верной спокойной машины.

Но перед этим надо во что бы то ни стало сделать одно дело. Найти мое похищенное дитя и уничтожить его, пока не поздно. Если мне это удастся, я смогу навсегда повернуться спиной к делам господина Ямamoto. Я найду самого заурядного человека и все начну сначала. Вот, кстати, помнится, в качестве объекта эксперимента предлагала себя Вада. Очень мило с ее

стороны! Впрочем, с возрастом женщины перестают быть милыми. А в общем, наверное, у нее окажется мирное, тихое будущее, сотканное из маленьких радостей и маленьких печалей. Ничего особенно интересного, но более надежного объекта не найти.

— Почему, однако, все это держится в такой тайне? — спросил Ерики. Видимо, не вынес молчания.

В эту минуту лодка причалила. Господин Ямамото с легкостью, поразительной для его телосложения, выпрыгнул на берег и, подав мне руку, спокойно ответил:

— Потому, что это дело слишком революционное. Оно произведет огромный переворот и во внутренней и в международной обстановке. И даже мозговой трест организации не знает, вероятно, что из этого в конце концов получится.

— Зачем же заниматься делами, из которых неизвестно что получится?

— Возможно, с точки зрения финансовых баронов справиться с надвигающимися трудностями можно только путем создания искусственных колоний. Сейчас нет больше отсталых стран, где так прибыльно было торговать в старину, и к тому же это куда более надежный способ вложения капитала, нежели война. Между прочим, сэнсэй, если бы ваша предсказывающая машина не стала объектом газетной шумихи, а была бы засекречена, эти господа, несомненно, явились бы к вам, чтобы узнать о будущем подводных колоний. Очень интересно знать, что бы она ответила. «МОСКВА», говорят, предсказала человечеству коммунизм, но вряд ли она принимала во внимание существование колоний на дне океанов.

— У нас не занимаются политическими предсказаниями.

— Ну, разумеется! Ведь стеснять общество предсказаниями противоречило бы принципам либерализма.

Вдоль берега подводного пастбища шла высокая бетонная стена. Мы прошли через дверцу и снова оказались перед бассейном. Он был несколько больше бассейна в пятой камере, в стенах его чернели отверстия, забранные решеткой. Дрессировщик с аквалангом за спиной обучал подводную собаку. Шерсть соба-

ки отливалась черным блеском, словно средневековые латы.

— Это один из охотничьих псов, о которых говорилось в заказе. Он покрыт специальным жировым составом, защищающим кожу, ведь ему придется нырять и плавать в разных опасных местах. Видите, у него на лапах резиновые ласты. Обучение считается законченным, когда собака привыкает пользоваться ими. Этот будет отправлен завтра утром, и сейчас у него последняя тренировка.

Собака вдруг вытянула шею, изогнулась, откинув голову, и ринулась к одной из решеток. Миг — и она вернулась, держа в зубах рыбу.

— Вся штука, видимо, в том, что собака рыбу не убивает, — заметил Ерики, а господин Ямамото добавил:

— Пока рыба в зубах, собаке приходится подавать воду к жабрам через нос, а не через рот. Это может делать только такой вотдрессированный пес.

Собака сунула морду в целлофановый мешок, который держал дрессировщик, подождала, пока дрессировщик зажал рукой отверстие мешка, и только тогда выпустила рыбу. Рыба действительно была живая. Видно было, как она двигается в мешке.

— Между прочим, сэнсэй, — сказал Ерики, как будто что-то вспомнив, — знаете, как их пересыпают по суш? Это тоже очень интересно. Есть такие грузовики-цистерны для перевозки нефти, у них позади болтаются цепи — может быть, вы видели. Так вот, животных сажают в эти цистерны. Отличная идея, правда? Когда я вижу, как эти грузовики мчатся штук по пять-шесть один за другим, ага, — думаю, дело идет!..

— И теперь тебе не терпится показать свою освещенность? — насмешливо сказал господин Ямамото.

— Ну вот еще... — смущенным голосом пробормотал Ерики, после чего оба они расхохотались, как будто им было очень смешно.

Но мне-то было не до смеха. У меня не было сил даже улыбнуться.

## 27

Для возвращения домой лаборатория представила нам свою машину, и шофер из осторожности молчал. Мне нужно было сказать Ерики одну-единственную вещь, прочих же разговоров с меня было предостаточно. Ерики, кажется, тоже был утомлен и не раскрывал рта. Незаметно я заснул. Меня разбудили уже возле дома. Очень болела голова.

— Завтра я буду спать до полудня...

— Завтра? Уже четвертый час.

Ерики со слабой улыбкой машет мне в окно рукой. Я отвечаю ему кивком и вваливаюсь в дом. Я едва держусь на ногах. Жена встречает меня каменным молчанием, но даже это на меня не действует. Опасаюсь, что не смогу уснуть от переутомления, протягиваю руку к бутылке виски у изголовья и, не дотянувшись, засыпаю.

Во сне меня снова и снова привозят в лабораторию Ямамото. Я уезжаю оттуда на машине и тут же опять приезжаю в другую лабораторию Ямамото. Словно в комнате с зеркальными стенами, все дороги бесконечно повторяют одна другую, и все ведут в бесчисленные лаборатории Ямамото. А там, за воротами, обитают страшные существа. Я не могу объяснить, чем они страшны, но страшны они нестерпимо. Они хотят покарать меня за то, что я опоздал на работу. Кара эта ужасна. У ворот уже читают обвинительное заключение. С каждым ударом сердца обвинение становится все более жестоким. Я должен спешить туда, и я должен бежать оттуда. И я уже сам не знаю, убегаю я или спешу. Куда бы я ни ехал, ворота лаборатории Ямамото ждут меня всюду...

В одиннадцатом часу я обнаруживаю, что лежу в постели у себя дома, и с облегчением вздыхаю. Этот мой вздох смешит меня, я смеюсь. Подобные сны частенько преследовали меня в молодости, когда я, бывало, выпивал слишком много сакэ. Я хотел поспать еще немного и вдруг вспомнил.

Я вскочил и пошел на шум пылесоса. Жена убиралась в моем кабинете на втором этаже.

— Я разбудила тебя? — сказала она, не поднимая головы.

— Нет, не беспокойся. Я хочу спросить тебя кое о чем.

— Где ты вчера был?

— Работал.

— Тебя так долго не было, я стала волноваться и позвонила в лабораторию.

— Я работал в другом месте!

Я почувствовал раздражение и обозлился на себя за то, что раздражаюсь. Но мне почему-то показалось, будто отныне у меня есть право на злость. И когда я решил разозлиться по-настоящему, зазвенел телефон. Я облегченно перевел дух.

Звонили из газеты. «МОСКВА-2» предсказала активизацию вулканической цепи на дне Тихого океана, и Советский Союз, стремясь выяснить возможную связь этого явления с необычайной температурой атмосферы в последнее время, предлагает сотрудничество заинтересованным организациям Японии. Газета спрашивала меня, примет ли это предложение лаборатория машины-предсказателя при ЦНИИСТе. Я ответил, что ничего сказать не могу, поскольку вся информация для прессы дается теперь исключительно через комиссию по программированию в Статистическом управлении. Чувство стыда, которое я всегда испытываю при подобных разговорах, с новой силой и совершенно особенным значением охватило меня.

За окном, меняя очертания, медленно тает ослепительное круглое облачко. Под ним ветка с листьями, крыша соседнего дома, двор. Еще вчера я верил в прочность своего ощущения непрерывности этого повседневного бытия. А теперь не верю. Если то, что я видел прошлой ночью, есть реальность, значит мое ощущение повседневного меня обманывает. Все вывернулось наизнанку.

Я считал, что с помощью машины-предсказателя мир будет непрерывно становиться все более спокойным, все более прозрачным — прозрачным, как горный хрусталь. Я был идиотом. Или, может быть, слово

«познать» означает в действительности не «увидеть порядок и закономерность», а «обнаружить хаос»?

— Постарайся еще раз вспомнить, что представлял собой этот родильный дом, куда тебя возили. Это очень важно.

Жена молчала, в замешательстве глядя на меня. Конечно, она не понимала, насколько это важно. И она представления не имела, как это меня заботит. А я не мог ей объяснить и едва опять не разозлился. Даже если бы мне не навязали обязательство хранить тайну, все равно рассказать жене правду было бы невозможно. Это невероятно осложнило бы положение. Если судьба нашего нерожденного ребенка так потрясла меня, то что будет с женой, если она узнает... При одном предположении об этом у меня подкашиваются ноги.

Но выпытать у нее все-таки необходимо. Нельзя ли что-нибудь солгать?

— Как ты полагаешь, это был действительно родильный дом?

— А почему ты... — В ее голосе звучит беспокойство.

— Видишь ли, у меня есть основания полагать, что над нами зло подшутили.

— Как так?

— У меня был один старый товарищ, гинеколог. Он сошел с ума.

Это была вопиющая чушь, и в другое время я бы не удержался от смеха. Но я произнес это совершенно серьезно, и жена поверила. Лицо ее отвердело. Действительно, другое подобное оскорбление для женщины не придумаешь. Озорства ради положить на стол и вырвать из чрева младенца...

— Да, пожалуй, теперь мне начинает казаться, что это была не больница.

— На что это было похоже?

— Понимаешь... — Она сузила глаза и запрокинула голову. — Там все было голо и ужасно темно...

— Недалеко от моря?

— М-м...

— Здание двухэтажное? Одноэтажное?

— Да...  
— А на дворе валяются железные бочки?  
— М-м... Может быть...  
— А врач как выглядел? Такой крупный мужчина, да?

— Да, возможно...

— Что же ты, совсем уж ничего не помнишь?

— Ведь мне дали какие-то пилюли. У меня все как в тумане; кажется, вот-вот вспомню — и не могу. Такое чувство, будто память у меня не моя. Но я отчетливо помню все, что было до того, как я приняла эти пилюли. Медсестру с родинкой на подбородке, например, я бы сразу узнала, если бы встретила.

Да, женщину с родинкой на подбородке я в лаборатории Ямамото не встречал. Кажется, остается только одно средство. Исследовать память жены машиной-предсказателем. Правда, это опасный путь. На этом пути уже погибла одна женщина, Тикако Кондо. Стоит ли попытка такого риска?

Я решился не потому, что ответил на этот вопрос. Просто меня охватила ярость. Нестерпимо уже одно то, что мне приходится испытывать такие страхи и волнения. С женой ничего не случится, я с нее глаз спускать не буду. Думать же об опасностях — значит унижать самого себя.

Я сказал жене:

— Мы идем. Пойди и переоденься...

**28** Жена испытующе взглянула на меня, но промолчала. Может быть, потому, что я так ничего толком и не объяснил, а скорее всего мой тон просто не оставлял места для распросов. Бывают случаи, когда нужно понимать без объяснений.

Я глядел, как жена с застывшим лицом спускалась на первый этаж, чтобы переодеться. Приходится признать, что я приспособил самоанализ к самооправданию. В конце концов для чего я это затеял? Чтобы действительно защитить жену? Или чтобы использовать ее как послушный инструмент? Это уже само-

допрос. Мне становится стыдно, и я опускаю голову. А почему мне, собственно, стыдно? В чем моя вина? Этого я объяснить не могу. Или где-то в глубине души я уже предвидел страшную развязку, которая нас ожидала?

Как бы то ни было, ясно одно: я потерял уверенность. Ничего похожего на собственное мнение у меня больше нет. Осталось только непомерное беспокойство. Очень хочется бежать... Хотя странно было бы, если бы я не испытывал беспокойства. Я не знаю, сын у меня или дочь, это не важно. Мой ребенок будет иметь жабры, он будет жить под водой. Что же он подумает о нас, своих родителях, когда вырастет? Одна эта мысль приводит в содрогание. Это ужас, которого не выразишь никакими словами, который ничего не имеет общего с понятием об ответственности родителей. Детоубийство на фоне этого ужаса представляется благороднейшим, гуманнейшим поступком.

По лицу поползли капли пота. Я пришел в себя. Я простоял так минут десять и еще не умывался. Торопливо спускаюсь вниз. Сую в рот зубную щетку и ощущаю тошноту, словно с похмелья.

Раздался телефонный звонок. Я вдруг вспомнил про шантажиста — про отвратительного шантажиста, которому известны все мои действия и намерения, — не прополоскав рта, бросился к телефону. Звонил Томоясу из комиссии по программированию.

— Э-э... Я, собственно, по поводу советского предложения о сотрудничестве.

На этот раз его тягучий голос не раздражает меня, как обычно.

— Предложение отклоняется? — спрашиваю я равнодушно.

— Нет, не то чтобы отклоняется... Мы здесь решили пока выжидать и наблюдать.

Все по-прежнему. И газеты опять промолчат. Из выжидания и наблюдения сенсаций не получится. Да и вообще интерес к машине за последнее время пошел на убыль. Вероятно, сработала пропаганда, утверждающая, что машина-предсказатель несовместима с либерализмом. Но теперь это меня не задевало.

У меня просто не было сил обращать на это внимание. Если бы этот трус Томоясу, воображающий, будто он держит за шиворот будущее, узнал хотя бы сотую долю того, что я видел вчера ночью... Я молчал, и Томоясу заговорил снова:

— Кстати, как у вас с работой? Заседание комиссии состоится послезавтра, и я предвкушаю...

— Мы готовим интересный доклад. В частности, о характерных показателях личности.

— А в отношении убийцы?

С губы сорвалась на руку белая капля зубной пасты.

— Я составляю сегодня проект доклада, Ёрики передаст его вам, — быстро сказал я и повесил трубку.

И сейчас же спохватился звонок. Вот на этот раз звонил действительно тот самый шантажист с моим голосом.

— Кацуими-санэсэй? Как вы быстро взяли трубку! Вы словно ждали моего звонка... — сказал он со смехом и, не дожидаясь ответа, перешел на серьезный тон.

Его голос стал еще более похожим на мой:

— Впрочем, вы действительно ждали. Не правда ли?.. Ведь вы собираетесь совершить поступок, от которого я непременно предостерегу вас...

Да, в глубине души я действительно ждал звонка от этого шантажиста. Который уж раз он назойливо вмешивается в мои намерения. И все же я растерялся. Если в моем доме не установлены скрыто подслушивающие устройства, то один только Ёрики мог предвидеть, что я собираюсь исследовать жену машиной-предсказателем. Но, с другой стороны, Ёрики слишком ловок, чтобы так глупо раскрывать себя. Я ощущал близость невидимого соглядатая и поежился.

— Почему ты решил, что я ждал? Простая случайность!

— Совершенно верно. Ведь до моего звонка ваш телефон был занят.

Я смешался. Я еще допускал, что кто-то использует мой голос, записанный на магнитофонной ленте при помощи машины-предсказателя, но не представлял себе, как эта запись может всякий раз точно соответство-

вать положению вещей и правильно реагировать на мои слова.

— Вы удивлены? — осведомился мой собеседник. Послышился смешок: видимо, он догадался о моей растерянности. — Но хоть теперь вы поняли, кто я такой?

— Кто?

— Ну как «кто»... Неужели вы еще не поняли? Тогда даю вам еще один ключ. Перед этим вам звонил Томоясу-сан из комиссии по программированию.

— Ты Ёрики!.. Нет, ты, конечно, машина. Ты просто голос. Но управляет тобой Ёрики, это ясно. Он, должно быть, рядом с тобой. Пусть возьмет трубку, живо!

— Чепуха. Раз я говорю, то я и слушаю. Я позвонил вам по своей воле. Неужели вы полагаете, что машина способна на быстрые и точные ответы, если ею кто-то управляет? Кстати, сэнсэй, у вас рот набит зубной пастой. Вас, наверное, прервали во время умывания, не так ли? Если желаете, сходите и прополосите рот, я подожду. И прошу прощения, я не шучу. Я просто хочу доказать вам, что разговариваю по своей собственной воле.

— Тогда лучше скажи прямо и определенно, кто ты такой!

— Да, пожалуй, лучше сказать... Но неужели вы действительно не догадываетесь? Хотя это тоже возможно. Ну что же, сэнсэй, вы, конечно, уже обратили внимание на то, что мой голос в точности походит на ваш. Вот вы сейчас подумали: ага, наверное, это просто случайное сходство. Так? Ладно, ладно, не будем спорить. Итак, сэнсэй, вы не пожелали узнать меня. То, что вы не желаете тратить на это усилий, и то, что я вынужден сейчас говорить с вами по телефону, — это, в сущности, две стороны одной медали. Я должен сообщить вам одно важное обстоятельство, и само это...

— А почему бы тебе не зайти сюда, ко мне? Ведь с глазу на глаз договориться было бы проще.

— Вы думаете? К сожалению, это невозможно. К тому же и разговор у нас не такой уж сложный...

— Тогда говори. И постарайся короче.

— Прекрасно. Постараюсь, — сказал голос выразительно и, помолчав, продолжал: — Коротко говоря, вы приняли решение совершить непоправимый поступок.

Я подумал, что нужно быть осторожным. Мой собеседник свободно пользуется и залихватскими интонациями бродяги и сухим, чиновничьим тоном. Значит, это не обычный человек, у которого что на уме, то и на языке. Какое ремесло требует проникновения за внешнюю оболочку человеческого существования, за маску общественного положения и профессии? Прежде всего, видимо, ремесло сыщика и шантажиста. Может быть, изображая из себя всезнайку, он просто хочет выведать мои намерения.

— Ну, знаете ли... — ответил на мое молчание голос, тихонько откашливаясь. — Хотя в том, что вы меня подозреваете, нет ничего удивительного. Это мне понятно. Итак, вы сейчас собираетесь выйти, взяв с собой жену? Так?.. Нет, не подумайте, пожалуйста, что я наблюдаю за вами в бинокль из какого-либо дома поблизости. Впрочем, действительно в настоящий момент у вашего дома дежурит наблюдатель. Посмотрите в окно в конце коридора, живее!

Я послушно оставил трубку и выглянул, как было сказано. Как раз в этот момент мимо ворот слева направо со скучающим лицом проходил мой шпион. Я попытился, вернулся к телефону и осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, взял трубку.

— Ну как? — сейчас же спросил голос. Как он узнал, что я уже у телефона? — Это тот самый молодой человек, с которым вы тогда подрались. Между прочим, весьма способный специалист по всякого рода убийствам.

— Ты откуда говоришь?

Терпеливо превозмогая тупую боль, которая поднимается от позвоночника к голове, я пытаюсь сообщить, откуда, разговаривая по телефону, можно одновременно наблюдать за моим домом.

— Да нет же, я уже, кажется, сказал, что звоню издалека. Ага, отлично, вот здесь у меня проезжают

пожарные машины. Окно у меня открыто. Вы слышите? У вас ничего не слышно, не правда ли?

— Любой дурак может проделать такой фокус при помощи магнитофона.

— И это верно... Тогда запишите номер моего телефона. Будете знать номер, и ваши сомнения исчезнут. Я положу трубку, а вы позвоните, хорошо?

— Хватит с меня! Мне все равно.

— Нет, так не пойдет... — Голос вдруг стал увещевающим. — Это очень важно. Я-то ведь вижу всеисквость...

— Ну и что из этого?

— Ты так ничего и не понял, бедняга...

Шантажист глубоко вздохнул. В его тоне была такая искренняя печаль, что меня даже не задел переход на фамильярное «ты».

— И ты до сих пор не догадываешься, кто с тобой говорит? Это же я. Ты сам... Я — это ты!

## 29

Долго я стоял неподвижно. Не только плоть, но и душа моя словно замерла, затаилась. Это не было простым чувством вроде страха. Это было странное состояние, в котором смешались спокойствие и смятение, как будто мне с самого начала сказали обо всем, и я давно все знаю, и все же в любой момент готов сойти с ума. Это спокойствие можно сравнить с ощущением идиотского веселья, которое испытываешь, когда видишь смутно знакомого тебе человека и вдруг обнаруживаешь, что это твое отражение в зеркале. А смятение сродни невыразимо грустному отчаянию, которое бывает во сне, когда превращаешься в духа, паришь под потолком и смотришь сверху на собственный труп...

С трудом подбирая слова, я выговорил:

— Как же это?.. Значит, ты — это я... синтезированный машиной, что ли?

— Это не так просто. Ты же знаешь, что синтезированная личность не может вести такой разговор.

Я непроизвольно киваю.

— Но ведь у тебя не может быть сознания.

— Еще чего!.. У меня же нет тела... Я — это все-го-навсего запись на магнитофонной ленте, как ты и предполагал. И, естественно, я не могу обладать таким сокровищем, как сознание. Зато я более детерминирован и определен, нежели сознание. Мне в мельчайших деталях известна наперед вся работа твоей мысли. И что бы ты ни делал, как бы ни поступал, ты всегда останешься в пределах предусмотренной во мне программы.

— Кто же составил тебе конспект для этого разговора?

— Никто. Он определен самим тобой.

— Значит?..

— Правильно. Я — это второе предсказание твоего будущего, учитывающее знание первого предсказания. Короче, я — это ты. Ты, познавший себя до конца.

Я вдруг ощутил себя далеким крошечным существом. А на том месте, где я находился, тяжело и медленно, как вывеска парикмахерской\*, ворочалась огромная склизкая боль.

— Кто же приказал тебе позвонить? Ёрики?

— Ты все еще не понимаешь. Ты никак не можешь освоиться с истинным положением вещей. Моя воля — это твоя воля. Ты только не осознал ее, вот и все. Я поступаю так, как поступил бы ты, зная свое будущее.

— Как же ты управляешь магнитофоном?

— Перестань молоть чепуху. Конечно, мне помогает человек. Это Ёрики-сан, ты угадал... Но не думай, пожалуйста, что это его интриги или что-нибудь подобное. Все, что он до сих пор сделал, делалось по моей просьбе. И если ты подозреваешь Ёрики, подозревай лучше самого себя...

— Ладно, пусть так. А зачем тебе нужно было вести себя, как шантажист, пугать меня этими звонками?

\* В Японии вывеской парикмахерских служит медленно вращающийся цилиндр из стекла.

— Я не пугал. Я предупреждал.

— Все равно, зачем был нужен этот окольный путь? Если тебе известно мое будущее — значит, вероятно, известны и мои враги? Почему нельзя было действовать более прямыми путями?

— Враги... Ты неисправим. Поистине враг в тебе самом. Твой способ мышления — вот кто наш настоящий враг. Я просто хотел спасти тебя от катастрофы... А-а, вот и хорошо, идет Садако. Впрочем, хотя я — это ты, тебе, конечно, неприятно, что я ее так называю. Ладно, буду называть ее женой. Она переоделась и ждет тебя за дверью. И, вероятно, с недоумением слушает наш разговор. Позови ее и дай ей трубку, я хочу спросить ее кое о чём.

— И не подумаю!

— Правильно, я знал, что ты это скажешь. Если рассказать ей хоть о чем-нибудь, придется рассказать обо всем. На это у тебя не хватит смелости. Ты ведь так и не сказал ей, куда собираешься ее вести. Впрочем, в этом теперь нет необходимости.

— Это почему? Это оскорбление не пройдет даром...

— Ладно, ладно. Если не хочешь позвать ее к телефону, спроси сам. Спроси ее про фиктивную медсестру с родинкой... Твоя жена сказала, кажется, что родинка была на подбородке... А не ошиблась ли она? Может быть, родинка была не на подбородке, а на верхней губе?

**30** Я задохнулся. Я просто забыл, что нужно дышать. Издалека пробивается луч света, и все вокруг меняет свой облик. Родинка не на подбородке, а на верхней губе... Подвела память, жена просто забыла. Значит, этой медсестрой была моя помощница Кацуко Вада? У нее родинка на верхней губе. Она стесняется и привыкла держать голову опущенной, чтобы родинка не бросалась в глаза. И тогда эта родинка видна у нижнего края подбородка, и затуманенная память переносит ее на подбородок.

— Садако! — в ужасе кричу я на весь дом. — Родинка у медсестры!

Дверь приоткрылась, и показалось испуганное лицо жены.

— Что с тобой? Ты так меня напугал...

— Эта родинка, где она была?.. Может быть, не на подбородке? Может быть, здесь?

— Пожалуй... Кажется, да...

— А точно? Вспомни хорошенько!

— Если я ее увижу, то вспомню, но... Пожалуй, что да.

— Именно на губе... — сказал голос в трубке.

Я торопливо махнул рукой, отсылая жену. Но она не ушла. Она стояла, глядя мне в глаза холодными глазами. Не понимаю, почему у нее такое лицо. Я крепче прижимаю трубку к уху и поворачиваюсь спиной.

— Другими словами... — продолжает мое второе «я», — этой медсестрой была, как ты догадался, Кацуко Вада. Твоя жена не знает ее, потому что Вада была больна, когда остальные твои сотрудники приходили к тебе на Новый год с поздравлениями. Но теперь ты понял, что твои представления о друзьях и врагах ни на что не пригодны?

— Если так, то все прекрасно. Ведь она сделала это по моему поручению, иначе говоря — по твоей просьбе.

— Чем же ты недоволен?

Я украдкой оглянулся. Жены уже не было.

— Тем, что теперь все мне кажутся врагами.

— Да, пожалуй... — произнес он спокойно и, как мне показалось, печально. — Что же, ты сам был беспощадным врагом самому себе. И мы ничем не могли помочь тебе, как ни старались.

— Понял, хватит! — Меня вдруг охватила ярость. — Довольно ходить вокруг да около! Какой вывод? Что я, по-твоему, должен делать?

— Чудак... Я думал, что ты уже сделал вывод. Прежде всего теперь уже нет необходимости поднимать шум и тем более впутывать в эту историю жену.

— Я не поднимаю шума!

— Ну как же? Ты что, вообразил, будто жена так просто, без всяких объяснений, согласится на исследование машиной? Если ты так полагаешь, то ты просто дурак. Ты с гордостью думаешь о себе: я — человек хладнокровный, я все вижу и могу делать вид, что ничего не замечаю. А на самом деле ты скучен и консервативен до мозга костей, и жена теперь ни за что не разрешит тебе заглядывать в ее душу. Почему? Да потому, что в ее душе есть нечто такое, что не предназначено для твоих глаз. Нет, не беспокойся, это не ревность и не измена. Это гораздо хуже. Презрение и безнадежность.

— Чушь!

— Нет. Засады устраиваются в самых неожиданных местах. Ты ничего и не подозреваешь — и вдруг наталкиваешься на препятствие, и это становится поворотным моментом в твоей судьбе. Чтобы заставить жену согласиться на исследование, тебе пришлось бы кое-что ей рассказать... И так волей-неволей ты бы раскрыл тайну лаборатории Ямамото.

— Это всего лишь твое предположение.

— Это не предположение, это предопределение. Ты бы все равно пришел к такому выводу. И если бы я не позвонил тебе, ты так бы и поступил. Впрочем, были еще другие пути избежать этого. Например, испросить у господина Ямамото для твоей жены разрешение на осмотр лаборатории. Хотя это, кажется, не входило в твои намерения. Твои мысли направлены в диаметрально противоположную сторону. Ты побывал в лаборатории, ты начал понимать, что повседневное является всего лишь изнанкой реальности, и тем не менее ты думаешь только о том, как бы убить своего ребенка, порвать все связи с будущим и навсегда зарыться в этот мир изнанки. Помнишь, вчера вечером Вада-кун сказала тебе, что идет суд? Да, то был настоящий суд. А то, что я говорю тебе сейчас, это, возможно, решение суда. Не верится, что такой человек, как ты, закоренелый консерватор, консерватор до мозга костей, мог создать машину-предсказатель.

— Ты что же, позвонил мне специально, чтобы читать проповеди?

— Ты говоришь так, будто речь идет о постороннем человеке. Но ведь я — это ты... Впрочем, ладно... Как бы то ни было, число жертв нужно свести к минимуму. Ты уже знаешь, что медсестрой была Вадакун, и теперь нет необходимости исследовать жену машиной. Если ты хоть это уяснил, об остальном можно не беспокоиться.

— Значит, мой ребенок положен на искусственную плаценту и будет подводным человеком?

— Совершенно верно.

— Зачем? Кому это понадобилось?

— Понимаю. Тебе хочется знать причину. Это понятно. Давеча господин Ямамото все время ждал, что ты начнешь расспрашивать о внеутробном выращивании людей, но ты оказался, как он выражается, чересчур застенчивым человеком. Поэтому я запросил для тебя разрешение на осмотр питомника подводных людей. Для этого нужно отдельное разрешение. Вероятно, мой запрос уже рассмотрен, но за ответом тебе придется сходить в комиссию самому. Примерно часов в пять за тобой зайдут.

— Еще одно... Кто в конце концов убил этого заведующего финансовым отделом?

— Конечно, Ерики-кун... Но не торопись с выводами. Приказ убить отдал я, то есть ты.

— Знать не хочу об этом!

— Можешь не знать, это ничего не меняет.

— А кто это сейчас кашлянул? Там Ерики возле тебя?

— Нет, это Вада-кун.

— Все равно... Передай трубку!

— Возьмешь трубку? — спросил он в сторону, и ему ответил нежный смеющийся голос Вады:

— Давайте, сэнсэй, довольно вам с самим собой разговаривать.

Вот именно, с самим собой. Смешно получается, один я уже там есть, не хватает только, чтобы туда нагрянул второй я. Но что за положение! Пальцы

у меня вдруг одеревенели, и трубка едва не выскользнула из потной ладони. Пытаясь удержать ее, я неловко повернулся и нажал на рычажок телефона. Набрал номер, но ответом было только низкое гудение.

Вероятно, так и должно было случиться. Если он является вторым предсказанием моего будущего и ему известно обо мне все до мельчайших деталей, значит он предвидел и мою оплошность с трубкой. Но у меня были еще вопросы к нему. Если он приказал убить заведующего финансовым отделом, то выходит, что он существовал уже тогда. То есть еще до того, как я додумался до предсказания будущего отдельных людей. Когда же он появился на свет? И кто его создал?

Я позвонил Ерики. Его не было. Вады, разумеется, тоже не было.

Жена сказала через дверь:

— Я готова.

— Все. Уже не нужно.

— Что не нужно?

— Не нужно идти. Все уже выяснилось.

— Вот как... Странный у тебя был разговор по телефону.

Я распахнул дверь и остановился на пороге. Жена, глядя в сторону, отстегнула брошь и швырнула на столик перед трюмо.

— Я хочу спросить тебя, — проговорил я. — Ты меня презираешь?

Жена подняла удивленное лицо, затем, словно нехотя, рассмеялась. И сказала сквозь смех:

— У тебя весь рот в зубной пасте...

Я хотел что-то сказать, но промолчал. Мне все стало противно. И сам себе я стал противен. Я не подозревал, что мы видим друг друга в последний раз, я — ее застывшую улыбку, от которой мне было тошно, она — мою идиотскую, заляпанную зубной пастой физиономию. Я закрыл дверь и вернулся к умывальнику. Прополоскал рот и начал бриться.

## 31

Через каждые тридцать минут я звонил в лабораторию, разыскивая Ерики, а в промежутках неторопливо просматривал газеты. Как всегда, международные соглашения, вопросы о территориальных водах, экономический шпионаж... необычайно высокая температура атмосферы, повышение уровня Мирового океана, землетрясения... повествования о красавицах, об убийствах, о пожарах. Странно, что набор этих неприветливых явлений мог когда-то приводить меня в сентиментальное настроение. Я видел краешек будущего, и все обыденное, в том числе и мой сорокалетний возраст, казалось мне теперь неизмеримо далекой стариной. У меня было такое ощущение, будто я свалился от усталости и остался один на дороге.

Незаметно я снова заснул. Газета, на которую я лег лицом, намокла от пота. Вернулся из школы Ёсио, бросил сумку и сразу помчался куда-то. Жена сердито закричала ему вслед. Я поднялся. Захотелось позвать Ёсио, поговорить с ним о чем-нибудь. Но в следующий момент его легкие шаги уже затихли где-то в далеком переулке.

Я спустился на нижний этаж. Жена окликнула из кухни:

- Может быть, поешь?
- Нет. Потом.

Я обул гэта\* и вышел. Мне хотелось немного побродить.

Едва я вышел на улицу, как в глаза мне бросился мой шпион. Волоча ноги и пиная камешки на дне, он шел в мою сторону, и лицо у него было такое, будто ему все на свете надоело. Увидев меня, он остановился как вкопанный. Я двинулся прямо на него, но на этот раз он и не думал убегать и поклонился мне со смущенной улыбкой.

- Ты что здесь делаешь?
- Виноват...

Я не стал больше разговаривать с ним и прошел мимо. Но он повернулся на пятках и пошел рядом

\* Гэта — род японской деревянной обуви.

со мною. Вряд ли он такой дурак, чтобы пытаться напасть на меня сейчас. Слышны голоса играющих детей, повсюду прохожие. Желая уязвить его, я заметил, что он здорово отличился прошлым вечером, но он только оскалил зубы в наивной улыбке и пробормотал:

— Да нет, я сделал только, как приказано...

— Это правда, что ты большой мастер убивать?

— Ну уж и большой. Так, выполняю поручения...

— А что тебе сейчас поручено?

— Виноват, сэнсэй... — Он как бы в затруднении опустил глаза. — Поручили пока только следить за вами, больше ничего...

— Кто поручил?

— Вы сами, сэнсэй, кто же еще?

Вот оно что! Итак, мое второе «я» имеет дело с заказами на убийства из-за угла. Никогда в жизни не подозревал, что способен на это. Если бы я не был напуган до оцепенения, меня бы, наверное, затрясло от отчаяния и ужаса.

— Так... И сколько человек ты уже убил?

— Да пустяки в общем-то... С тех пор как я у вас, не убил еще ни одного...

Я перевел дыхание.

— А до этого?

— Одиннадцать человек. Я ведь чем силен? Не оставляю никаких следов. Сперва оглушаю, а потом зажимаю нос и рот. Он и задыхается. Возни, конечно, много, зато уж комар носа не подточит. А если требуется сделать утопленника, тогда вставляю в нос резиновую трубку и вливаю воду. При этом нужно делать искусственное дыхание, тогда вода накачивается в легкие. От настоящего утопленника никакое не отличить. И душить можно тоже по-разному. Наложить вот так на все горло раскрытые ладони, взять поплотнее, тогда вообще никаких следов не будет. Правда, на это много времени уходит. И еще он сопротивляется. Тут уж первое дело — сломить у него дух. Наносишь какое-нибудь повреждение, легкое, не смертельное. Палец, к примеру, сломаешь или

глаз выдавиши... Инструментом я никогда не пользуюсь. Инструмент непременно оставляет след. Всегда работаю голыми руками... Есть у меня такая способность: как увижу человека, кто бы он там ни был, сразу знаю, как у него дух сломить. С одного взгляда. Это вроде гипноза, что ли... Нажать на больное место, и человек готов, все равно что мертвый, делай с ним что хочешь. Взять, к примеру, вас, сэнсэй... Вообще-то это говорить не положено, ведь если человек такую вещь знает заранее, справиться с ним трудно. Ну, вам, сэнсэй, можно... Так вот у вас это место лицо или сбоку живота.

Для чего мое второе «я» наняло этого человека? Может быть, для охраны, но не исключено, что ему дали поручение по специальности. В любом случае все это очень странно. И незачем мне разгуливать с таким субъектом.

— Ты можешь идти домой.

Он ухмыльнулся и искоса посмотрел на меня.

— На такой крючок вы меня не подцепите, сэнсэй. Вы же сами сказали: ни при каких обстоятельствах не подчиняться приказам, даже вашим собственным, если не в письменном виде. Нет, меня вы не проведете. Лучше давайте зайдем куда-нибудь и закусим, если вы свободны. А то я утром забыл захватить завтрак. Я уж решил было потерпеть, но если мы будем вместе, приказа я не нарушу. Прошу вас, сэнсэй, сделайте одолжение... Было бы здорово поесть сейчас гречневой лапши...

В конце концов отказываться было лень, к тому же можно было рассчитывать как-то приручить этого подонка, и я согласился. Он потащил меня в ближайшую харчевню. У меня тоже с утра ничего не было во рту, и, хотя есть не хотелось, я заказал себе лапшу в корзинке. А мой смертоносный приятель, несмотря на жару, взял суп с лапшой и засыпал в него огромное количество красного перца. Ел он страшно медленно, смакуя каждую лапшинку, и так увлекся, что не замечал мух, ползающих по его лицу. Это было еще более мерзко, чем его откровения о способах убийства.

По телевизору объявили пять часов. Шпион сейчас же вскочил и, оглянувшись по сторонам, сказал: «В пять часов я должен позвонить и узнать, куда вас сегодня везти...»

С обеспокоенным лицом он помчался к телефону в углу и схватил трубку. Кажется, ему ответили немедленно. Он произнес несколько слов, покивал, затем повесил трубку и вернулся. На лице его было написано облегчение.

— Господа уже собрались и просят пожаловать немедленно, — сказал он.

— Куда?

— Как куда? С вами же договорились... что я зайду за вами после пяти...

Так вот кого мое второе «я» посыпает за мной! Этот субъект должен доставить меня в пресловутую комиссию питомника подводных людей. Значит, он тоже из них. Как все это, оказывается, просто и в то же время сложно. И каким все это кажется сложным и в то же время необыкновенно простым.

— А кому ты сейчас звонил?

— Господину Ёрики.

— Ёрики! При чем здесь Ёрики? Какое он-то имеет отношение к этой комиссии?

— Не знаю...

— А куда ехать, ты знаешь?

— Так точно.

Я первым выскочил из харчевни и тут же поймал такси. Сейчас, наконец, замкнется кольцо загадок, я увижу охотника, который ставит ловушки, доберусь до ствола, который скрыт за ветвями. Заплачу, что я должен, но и вы, господа, вернете, что должны мне, затем мы подведем итог и посмотрим. Я не думал о том, что моя рубашка измята, а на ногах у меня гэта, что в кармане моем осталось всего тридцать иен. Там Ёрики, за такси пусть платит он.

Мой провожатый, как и подобает специалисту по убийствам, хорошо знал город. Он командует шоферу сворачивать то налево, то направо, словно нарочно выбирая самые глухие и узкие переулки. Но едем мы, кажется, не в ту сторону, куда я предполагал, не

к строительному участку, и мало-шомалу меня охватывает беспокойство. Вскоре мы выезжаем на знакомую улицу. Вот трамвайная линия, вдоль которой я прохожу по утрам и по вечерам. Мой провожатый хлопает шофера по плечу: «У табачной лавочки сверни и — направо, к белой ограде...»

— Что за дурацкие шутки? — растерянно сказал я. — Это же филиал ЦНИИСТА, моя лаборатория.

— Так точно, — отозвался шпион, отодвигаясь, чтобы дать мне выйти. — Так приказал Ёрики-сан...

Возражать и спорить не имело смысла. Я вышел и спросил вахтера. Все правильно, ответил вахтер, никакой ошибки нет, все уже собрались и ждут сэнсэя. Мой провожатый удовлетворенно закивал и стал поглаживать подбородок.

— В какой комнате?

— На втором этаже, в машинном зале.

В окнах второго этажа отражались закатные облака, стекла слепо отсвечивали белым блеском. Я попросил вахтера расплатиться за такси и пошел через двор. На полпути я обернулся. Вахтер испуганно глядел на мои гэта. А господин убийца неподвижно стоял рядом с ним, опустив длинные руки и улыбаясь.

У входа я переобулся в дзори, предназначенные для посетителей.

На первом этаже я заглянул в отдел обработки материалов. Неутомимый Кимура и его четверо молодых помощников методично и упорно рассортировывали и кодировали горы всевозможных данных, которые когда-нибудь для чего-нибудь могут пригодиться. Этот отдел можно назвать кухней для машины-предсказателя. Работа здесь монотонная, но требует большой точности, признает только факты, и никого здесь не волнует, идет эта пища машине на пользу или во вред. Говоря по правде, такая работа нравится мне больше всего. В отделе информации было пусто.

В коридоре второго этажа с его единственным окном было уже темно. Я прислушался, но ничего не услышал, кроме заглушенного уличного шума.

Я осторожно подкрался к двери машинного зала и заглянул в замочную скважину, но ее заслоняла чья-то спина.

Я взялся за дверную ручку, быстро повторяя в уме то, что собирался сказать.

(«Кто вы такие?! Кто вам разрешил? Возможно, вы какая-то комиссия, но я не могу предоставить этот зал сборищу, о котором впервые слышу. Во-первых, машина-предсказатель находится под строжайшим контролем правительства. Даже я сам обязан докладывать о своей работе с нею. Итак, прошу дать мне объяснение. Я не могу допускать своеволия. Не знаю, господа, какие у вас права, но здесь, во всяком случае, за все отвечаю я...»)

И я, предвкушая эффект этой речи, распахнул дверь. Ледяной ветер пахнул мне в лицо, ожег глаза. И я замер, не в силах произнести ни слова. Все было совсем не так, как я ожидал.

Это я был таким, каким меня здесь ожидали увидеть. Четверо мужчин и одна женщина, улыбаясь, смотрели на меня. И я знал их всех, слишком хорошо знал. И все они были совершенно спокойны.

Слева за столом сидели господин Ямamoto и Кацуко Вада... Напротив, между двумя блоками машины, стоял Ёрики... Можно было примириться и с тем, что тут же в углу оказался Соба, эта верная тень Ёрики... Но справа у телевизора я увидел еще Томоясу из комиссии по программированию! Это меня доконало. Я-то, разиня, считал Томоясу простым винтиком казенного механизма!...

Куда ни шло, если фигура злодея возникает перед тобой из мрака неизвестности. Гораздо страшнее обнаружить, что ты жил с ним бок о бок и ни о чем не подозревал. Я был ошеломлен, я понятия не имел, как нужно держаться. Мелькнула мысль, что самый ужасный из призраков — это чуть измененный лик хорошо знакомого человека...

— Мы вас ждали, — произносит Ёрики.

Он делает шаг вперед и жестом предлагает мне занять место в пустом пространстве посередине зала. Остальные просто и сдержанно здороваются со мной.

Мне сразу становится легче. Ну, конечно, я ожидал чего-то совершенно необычного, и потому, видимо, самые заурядные вещи показались мне необыкновенными. На самом же деле все очень обыкновенно.

Я решил держаться как ни в чем не бывало. Усевшись на предложенный стул и вежливо склонив голову в сторону господина Ямамото, я с достоинством осведомился:

— Чем же мы будем заниматься на этом собрании?

— Рассмотрим вашу просьбу о разрешении на осмотр питомника подводных людей... — обычным своим серьезным тоном быстро проговорила Вада.

— В соответствии с вашим пожеланием, сэнсэй... — тут же добавил господин Ямамото и закивал с добродушной улыбкой на своей огромной, несколько растерянной физиономии.

Внезапно мне снова сделалось скверно. Нет, все-таки это очень необычно. Я уже не поспевал за стремительной сменой своих ощущений. Лицо мое оставалось неподвижным, но душа, сжалвшись в комок, забилась в самые недра моего существа.

— Официально настоящее собрание, — сказал Ерики, — называется «Комиссия лаборатории ЦНИИСТА при административном бюро компании по разработке и эксплуатации морского дна». Но это слишком длинно и к тому же не выражает с достаточной полнотой существа дела. Поэтому обыкновенно мы называем себя просто «комиссией бюро».

— Хотя мы всего лишь комиссия, с нами очень считаются, — заметил Соба.

— Совершенно верно, — сказал господин Ямамото, покачиваясь на стуле. — Я ведь, кроме того, еще и член правления. Меня назначили сюда наблюдателем именно в силу важности комиссии при машине-предсказателе...

Я опустил глаза и пробормотал бессильным голосом:

— Кто вам разрешил пользоваться этим помещением?

— Я, — прозвучал вдруг голос в динамике машины.

— Второе предсказание вашего будущего, сэнсэй, — подтвердил, словно оправдываясь, Томоясу и оглянулся на динамик.

Воцарилось неловкое молчание. Они меня жалеют, подумал я. Мне не было стыдно за свой жалкий вид.

Господин Ямамото чиркнул спичкой.

— Начнем?.. — тихо сказал Ерики.

Соба включил магнитофон.

— Пожалуй, начнем, — сказал Ерики. Видимо, он здесь за председателя. — В соблюдении каких бы то ни было формальностей нужды, пожалуй, нет. Главный вопрос, который мы должны рассмотреть, — это просьба... гм... Кацуими-сэнсэя о разрешении на осмотр и наше решение по этой просьбе.

— Решение определено выводом, — произнесла машина моим голосом, — следовательно, вопроса для рассмотрения нет.

— Правильно, — сказала Вада, наматывая на палец прядь волос. — Остается претворить решение в жизнь.

— Не спорю. Но комиссия обязана дать объяснения. Если вам не нравится выражение «рассмотрение вопроса», пусть будет «ответ на просьбу», что ли... Итак, сэнсэй, принимая во внимание вывод, мы, к сожалению, вынуждены были отказать вам в вашей просьбе. Причина отказа заключается в том, что вы задумали убийство, сэнсэй, вы намерены совершить преступление, именуемое детоубийством. Мы отказываем вам, чтобы предотвратить это преступление...

Я проглотил слюну и поднял глаза. Но я не мог выразить словами то, что думал. Ерики продолжал, словно успокаивая:

— Вместо осмотра, чтобы вы имели возможность полностью уяснить положение дел, мы намерены предложить вам посмотреть на телеэкране будущее подводного человека, предсказанное машиной. Это решение принято только нашей комиссией, но нам кажется, что это даст вам больше, нежели осмотр. А затем мы перейдем к выводу, о котором здесь уже говорилось. Разумеется, сначала мы объясним вам, как и почему был сделан этот вывод. Одновременно вы получите

представление об истинной сути того, что происходило за последние несколько дней.

— А ведь убийцей оказался ты! — крикнул я старческим визгливым голосом, испугавшим меня самого.

— Вы уже давно об этом знали, сэнсэй... Только нельзя отрывать это от всего остального... Нужно понять это в связи с целым... иначе говоря, из каких соображений...

— Поэтому, — раздраженно прервала его Вада, — не лучше ли начать с вопросов, которые представляются сэнсэю самыми значительными? Например, когда и для чего было сделано второе предсказание его будущего...

Да, вероятно, мне хотелось знать это больше всего. Но я чувствовал, что меня видят насквозь, и был оскорблён. Подумать только, даже эта Вада уже давно считает меня безнадёжным невеждой! Это было нестерпимо. Я брякнул первое, что мне пришло в голову. Именно брякнул:

— Прежде всего я хочу знать, что это за вывод, о котором здесь толкуют?

— Видите ли... — проговорил Ёрики как бы в затруднении и огляделся.

Но остальные молчали, разглядывая свои ногти. Видимо, Ёрики понял это молчание как поддержку и, медленно облизнув губы, сказал:

— Вывод состоит в том, что нам придется, сэнсэй, просить вас умереть...

— Умереть?.. Что за чушь!

Я приподнялся со стула. Но я не ощущал беспокойства и даже, кажется, иронически улыбался. Ёрики продолжал:

— ...и сейчас мы постараемся объяснить вам причину этого...

— Довольно!

Что они мне могут сделать, эти субъекты, да ничего, нужно просто встать и, не говоря ни слова, быстро выйти. И ничего не случится, ничего не может случиться. Но я поглядел на их лица, удрученные и расстроенные, и вдруг содрогнулся.

— Послушайте, сэнсэй, — сказала Вада, подавшись ко мне. — Вы не должны отчаиваться. Вы должны бороться до последнего.

Все согласно закивали. Ёрики сказал ободряюще:

— Вот именно. Это вывод, по вывод чисто логический. Мы же знаем, что логика меняется в зависимости от исходной гипотезы. Мы уже сделали все возможное, чтобы спасти вас, сэнсэй, но вы ни в коем случае не должны терять надежды. Вывод теперь вам известен, и мы рассчитываем, что вы сами найдете условия, на которых можно совершенно изменить ответ... А теперь прошу вас слушать внимательно.

## 32

Логика не может убить человека... Во всяком случае, не может быть логики, которая приказала бы мне умереть. Эти люди в чем-то ужасно ошибаются. Впрочем, я остался сидеть посередине зала не потому, что поверил их словам, и не для того, чтобы бороться с этой логикой. Уже были хладнокровно убиты два человека, из утробы матери похитили ребенка, где-то поблизости рыщет убийца-виртуоз. Какова бы она ни была, эта логика, убить меня им, видимо, ничего не стоит. Говоря по правде, даже слушать их было унизительно. Но почему-то я не мог двинуться с места. Мне казалось, что если я буду сидеть совершенно неподвижно, время остановится тоже.

— В общем я буду объяснять по порядку... — торопливо заговорил Ёрики. — Я узнал о существовании этой организации примерно в сентябре прошлого года... как раз когда машина была закончена и стала показывать на экране, как бьются стаканы... В это время, если вы помните, к нам по рекомендации господина Ямamoto из госпиталя Центральной страховой компании поступила Вада-кун. Коротко говоря, она мне и рассказала впервые об этом...

Вада, испытующе взглянув мне в глаза, заметила:

— Но я рассказала не сразу. Сначала я подвергла его строгому испытанию.

— Еще бы. — Ерики покосился на нее. — Испытание было строгое. Я даже заподозрил было, что меня хотят завлечь в любовные сети. Она беспрерывно рассказывала мне всякие романтические и фантастические истории о будущем, которое якобы покажет машина. Я даже решил, что она поэт. Я относился к этому довольно благодушно, и вдруг оказалось, что это и есть страшное испытание.

— Я проверяла его реакцию на представления о будущем... о будущем, которое оторвано от настоящего. Вернее, проверяла, что его интересует больше: сами предсказания или машина-предсказатель. Вас я тоже подвергала как-то испытанию, сэнсэй, вы помните?..

Да, что-то такое было. Ничего конкретного на память не приходит, помню только, как она болтала какую-то потешную чепуху и как мне было смешно. Я хочу ответить что-нибудь, но язык присох к горлу, и слов не получилось.

— Впрочем, вы, сэнсэй, оказались безнадежны. Вы и думать не желали о том, что будущее может изменить настоящему. И следовательно... Как бы это сказать... Вот, например, машина-предсказатель не может отвечать, если не получит вопрос. Сама задавать себе вопросы она не может. Поэтому при работе с машиной-предсказателем очень многое зависит от того, кто задает вопросы. И вот в этом смысле вы, сэнсэй, как мне кажется, совершенно неспособны работать с машиной.

— Неправда! Важнее всего факты! — Мой голос был сухой и хриплый. — Предсказание — не сказка! Это... Это логическое заключение, выведенное исключительно из фактов! А ты тут несешь всякую... Э, да что говорить!..

— Вы уверены? Но разве машина способна иметь дело с самими фактами? Что, если главное в том, как факты переводятся на язык вопросов?

— Довольно. Это уже философия... А я, да будет тебе известно, простой техник.

— Именно. В этом-то, сэнсэй, и состоит ограниченность вашего метода, когда вы выбираете тему.

— Да кто вы, собственно, такие — учить меня? — Я зажинул руку за спину стула и наклонился вперед. Я пытаюсь кричать, но у меня спирает дыхание и каждая фраза застревает в глотке. — Ты, Ерики-кун, убийца, что бы ты там ни говорил! А ты, Вада-кун? Ты украла моего ребенка! Вы здесь все сумасшедшие! А вы, Томоясу-сан? Вы чудовищный лицемер, вот кто вы такой! Вы лгали и лгали на каждом шагу; и я даже не знаю, как вас называть после этого!

— Но ведь я... — Томоясу, словно ища помощи, забегал взглядом по полу. — Я только старался спасти положение. Все, что было в моих силах...

— Это так, — сказал господин Ямamoto и выставил в мою сторону плоскую ладонь. — Томоясу-сан тоже играл трудную роль. Позиция его была очень шаткой, ведь в его задачу входило скрывать от посторонних глаз нашу двойную организацию...

— Двойную организацию?..

— Погодите, вернемся к нашей теме, — сказал Ерики. Он прошел мимо меня, возле двери повернулся и упер костяшки пальцев в служебный стол. — С некоторых пор мы начали использовать машину-предсказатель для нужд компании по разработке морского дна. Мы делали это тайком от вас, сэнсэй, но вы, наверное, догадывались. Нет, этот счетчик не точен. Он оборудован устройством, которое позволяет перевести его назад.

— Кто разрешил это самоуправство?

— Видите ли, по линии организации меня назначили заведующим этого зала. Разумеется, сначала я отказывался. Хотя компания по разработке морского дна обладает полномочиями, превышающими полномочия правительства, мне было страшно неприятно брать на себя такую ответственность без вашего ведома. Но руководство компании торопило меня. Оно спешило. Правда, оно понимало, что разработки морского дна зашли слишком далеко и пятиться уже поздно, но надо было узнать, какие плоды они принесут в будущем. И едва руководство прослыпало о машине-предсказателе, как тут же на нее накинулось. Запросить предсказание официально было нель-

зя... организация абсолютно секретная... Тогда к нам откомандировали Ваду-кун, поискали, проверили и нашли, что я вполне подхожу. Но я долго отказывался от назначения. Мне хотелось во что бы то ни стало убедить вас, уговорить, чтобы ответственным лицом от нашей тайной организации стали здесь вы. Работать тайком от вас мне было неприятно. С другой стороны, следовало опасаться, что вы в любой момент можете обнаружить новые знания машины, которые она неизбежно получит при этой работе. Правда, в этом отношении вы были страшно лояльны и никогда не пускали машину в ход без разрешения комиссии.

— Это значит, — с раздражением сказала Вада, — что сэнсэя интересовало не будущее, а только сама машина.

— Нельзя ли тоном ниже?.. — резко заметил Ёрики и продолжал: — Коротко говоря, в предвидении таких затруднений руководство компании поручило Томоясу-сан тормозить, поелику это возможно, работу комиссии по программированию... Но это противоестественное положение не могло продолжаться до бесконечности, нужно было искать выход...

— И вы решили меня убить?

— Нет, не тогда. Мы поняли, что иного выхода нет, гораздо позже. Вы не смотрите, сэнсэй, что Вада-кун говорит здесь таким тоном. Она ведь тоже вся извелаась, стараясь вас спасти. Компания предложила несколько проектов вашего легального устранения; но мы не согласились. Мы не могли поступать с вами жестоко. Мы отлично понимали, что для вас значит ваша машина. Тогда не кто иной, как Вада-кун, предложила подвергнуть вас машинному анализу и выяснить ваше будущее. Результат пробного испытания оказался не очень благоприятным, но мы решили, что для окончательного вывода этого недостаточно. Решили уточнить... И мы задали машине предсказать ваши действия, когда вы будете обладать конкретными знаниями о работах на морском дне.

— И что получилось?

— Э-э... — Ёрики замолчал, сжал губы и принялся вычерчивать на углу стола маленькие квадратики.

— Землетрясение! — воскликнул вдруг Соба, глядя на потолок.

Действительно, по ногам к коленям поползли мелкие округлые толчки. Это продолжалось всего несколько секунд.

— Итак? — сказал я.

Ёрики растерянно кивнул.

— Да. Э-э... Одним словом, мы поняли, что это безнадежно.

— Что безнадежно?

— То есть что это будущее для вас невыносимо, сэнсэй. Вы не могли себе представить будущее иначе, как продолжение повседневного. В этом смысле вы возлагали на машину большие надежды, но вы не могли идти к будущему, которое оторвано от настоящего... которое отрицает настоящее, разрушает его. Вы являетесь, возможно, лучшим специалистом по программированию, но программирование есть не что иное, как превращение качественной реальности в реальность количественную. А без обратного синтеза этой количественной реальности в качественную будущее постигнуть нельзя. Это просто и понятно, но вы, сэнсэй, были в этом отношении неисправимым оптимистом. Будущее для вас всегда было лишь механическим продолжением количественной реальности. Вот почему реальное будущее оказалось для вас невыносимым, хотя вы всегда питали огромный интерес к его предсказанию.

— Не понимаю. Все это ерунда. О чем ты говоришь?

— Погодите, я постараюсь объяснить. Потом вы увидите это будущее на экране своими глазами. Вы не только открыто выступили против него, но даже усомнились в возможностях машины.

— Ничего не понимаю. И почему в прошедшем времени?..

— Потому что все это предсказала машина. И чтобы предотвратить наступление этого будущего, вы нарушили обещание, как вы пытались сделать это несколько часов назад, и разоблачили тайну организации.

— А если даже и так? Что плохого в том, что я против этих подводных колоний с подводными людьми? Тогда мы получим будущее второго предсказания, выведенное из новых условий, и оно будет великолепным. Я полагаю, ценность машины-предсказателя в том и заключается, что она дает возможность заблаговременно исключать такие идиотские варианты будущего.

— Значит, по-вашему, машина-предсказатель нужна не для того, чтобы строить будущее, а для того, чтобы консервировать настоящее?

— В том-то все и дело... — торопливо вмешалась Вада. — В этом весь Кацуими-сансэй. Кажется, говорить больше не о чем...

— Нельзя же рассуждать так узколобо, — сказал я, сдерживая закипающую злость. — Не думаете же вы, что это будущее с подводными колониями — единственно возможное? Нет идеи опаснее, чем возведение предсказания в абсолют, я постоянно, до горечи во рту твердил вам это. Ведь это же фашизм. Все равно что предоставить божественную власть политиканам. Почему вы не попробовали предсказать будущее при условии разоблачения тайны?

— Мы пробовали, разумеется... — ровным голосом сказал Ерики. — В результате получилось, что вас убют, сэнсэй.

— Кто?

— Наёмный убийца, который ждет снаружи.

**33** ...И поэтому меня убют? Какая-то нелепость! Убить, чтобы не дать предсказанию осуществиться, — это еще понятно. Но убить специально для того, чтобы осуществилось предсказание об убийстве? Конечно, это просто предлог, чтобы расправиться со мной.

— Неверно, — прозвучал в динамике голос моего второго предсказания, и я вдруг почувствовал, будто моя одежда сделалась прозрачной.

— Что неверно?

— То, что ты сейчас думаешь.

Все взгляды обратились на меня. Голос машины продолжал:

— Ты ошибаешься. Это предсказание не удовлетворило Ерики-кун и его товарищей. Они принялись ломать голову над тем, как тебя спасти. И они обратились ко мне за советом.

— Второе предсказание вашего будущего, сэнсэй, — поспешил вставить Ерики. — Никто так не заботится о судьбе человека, как он сам. Вдобавок ваше второе предсказание знает вас лучше, чем вы...

— Совершенно правильно... Все, что было потом, сделано по моему плану. Я же являюсь отражением твоего разума, твоей неосознанной волей.

— И эти убийства... эти ловушки...

— Да. Никто не несет за них ответственность. Ты делал это для себя.

— Не верю. — Почему-то я поглядел на Ерики.

Ерики опустил глаза и поднес пальцы к вискам.

— Почему же? План был вполне логичный, — спокойно возразил голос. У меня было такое ощущение, будто чья-то рука ощупывает мои внутренности. — Подумай сам. Все отвечало одной задаче: что нужно сделать, чтобы ты, узнав будущее, не разгласил тайну организации. Первое убийство преследовало две очевидные цели. Во-первых, ты сам оказался под подозрением и уже не мог апеллировать к общественности, что бы ни случилось. Во-вторых, тебе намекнули на существование торговли зародышами и тем самым подготовили тебя к восприятию дальнейшего...

— Но разве не странно, что именно в тот день я впервые додумался до предсказания индивидуального будущего? И этого заведующего финансовым отделом мы встретили совершенно случайно.

— Ты ошибаешься. Намек на эту идею тебе дала машина. Идея же была подготовлена заранее. Если бы ты сам не заметил намека, Ерики-кун подсказал бы тебе. Что же касается заведующего, то тебя навел на него опять же Ерики-кун. Ревнивец довел несчастную женщину до того, что она сболтнула лишнее. Она прболталась, заведующий узнал. По правилам организации необходимо было заставить обоих молчать. Обе-

щанием объяснить насчет больницы Ёрики-кун выманил мужчину в условленное место и привел туда тебя. Остальное ты знаешь. Ёрики-кун убил его, а я пригрозил тебе по телефону. Женщина же послушно покончила самоубийством, приняв яд, который передал ей Соба-кун.

— Как это жестоко!

— Да, пожалуй...

— Убийство не может быть разумным, в каких бы благородных целях оно ни совершалось...

— Подобными банальностями вопроса об убийстве не решишь. Убийство является злом не потому, что отнимает у человека его бренную плоть, а потому, что отнимает будущее. Мы часто говорим: жизнь бесцenna. По сути, под жизнью мы понимаем будущее. Возьмем тебя. Не ты ли намеревался уничтожить своего ребенка?

— Это совсем другое дело...

— Почему же другое? Тебе претило будущее ребенка, и ты относился к его жизни совершенно равнодушно. В поворотные эпохи, когда будущее не определено... когда для спасения одного будущего приходится жертвовать другим будущим... в такие эпохи убийства неизбежны. Разве это не так? Что бы ты сделал, если бы та женщина не умерла? Ты бы исследовал ее машиной-предсказателем и, узнав о подводных людях, поднял бы шум на весь мир.

— Естественно.

— Сказано откровенно. Да, именно так бы ты и сделал. Благодаря тебе общественное мнение возмутилось бы, разъяренная толпа обрушилась бы на пытники подводных людей, и будущее было бы растоптано...

— Откуда тебе это известно?

— Это рассказала машина, которую ты создал.

— Пусть так. Все равно у будущего, которое еще даже не началось, нет права судить настояще.

— Не право, а воля.

— Воли тем более не может быть.

— И это говоришь ты? Ты, который сам разбудил спящее будущее? Видимо, ты и сам не понимаешь, что

сделал. Когда собака кусает хозяина, виноват хозяин. И говоря по правде, тебе нечего было бы возразить, если бы вместо той женщины расправились с тобой...

— Да, было и такое мнение, — сказал Ёрики.

— Но мы не теряли надежды до последней минуты. Мы решили сделать все возможное. И это благодаря тому, что Ёрики-кун сам вызвался на опасную роль убийцы...

— Я только... — пробормотал Ёрики.

— Да, скажи спасибо Ёрики... Скажи ему спасибо, что тебя не убили из-за угла... и ты имеешь теперь возможность, хотя бы временную, заглянуть в будущее... И между прочим, наш сын... Да, ты еще не знаешь, у нас мальчик. Это не моя идея, эту идею подала мне Вада-кун...

Я взглянул на Ваду, но она не отвела глаз. Она была бледна, словно потеряла много крови, и глаза ее были острые, как у птицы. Вдруг я вспомнил наш вчерашний разговор, когда она сказала, что будет судить меня. Нет, она не чувствовала себя виноватой. Наоборот, она обвиняла меня. Что толку пугать оборотня грозными взглядами? Моя ярость утонула в смятении.

— Благодаря ей ты связан теперь с будущим... Это наш общий подарок тебе, творцу машины-предсказателя. Ты понимаешь? Потому что ты чист перед будущим. Это действительно очень важно... Ведь преступление перед будущим в отличие от преступления перед настоящим и прошлым является существенным и решающим.

— По-твоему, я должен быть благодарен за то, что из моего сына сделали урода-раба? У меня слов не хватает...

— Подожди. Ты опять ничего не понял. Я объясню тебе позже... Как бы то ни было, после того, как вы с Ёрики ударили по рукам, тебе, наконец, показали лабораторию господина Ямamoto. Ты, возможно, считал все эти события разрозненными, случайными, но на самом деле они были нанизаны на единый стержень. Все было продумано заранее. И цель была достигнута. Тебе дали заглянуть в будущее, но обязали

ничего не разглашать. Остальное зависело от тебя самого. Мы ждали, не сводя с тебя глаз. Решишься ли ты войти в будущее или отступишь?..

— И что же?

— Что ты спрашиваешь? Речь идет о тебе самом... Несмотря на все наши усилия, ты остался прежним. Ты впутал в это дело жену и поставил себя в положение, которое вынуждало тебя открыть ей все. Одним словом, результат оказался тот же, что и при первом предсказании. Правда, ты пришел к этому результату несколько окольным путем. Если бы я не остановил тебя, ты бы неизбежно разгласил тайну, не правда ли?.. И вот тебя пригласили сюда, чтобы принять последние меры.

— Господин Ямамото сказал вчера, что убивать вовсе не обязательно. Что есть и другие меры.

— Да, есть. Обычно пользуются менее заметными способами. Как-никак компания ежедневно приобретает восемьсот зародышей. Не говоря уже о врачах и посредниках, о скupке зародышей ежедневно узнают восемьсот матерей. В год это составляет двести девяносто тысяч человек. Ты, наверное, думаешь: хороша тайна! Но интересно, что тайна все-таки сохраняется. Для того чтобы погасить праздное любопытство, матерям внушают, что зародыши скапуваются с преступными целями и что они, матери, становятся соучастницами преступления. Страх, за который женщина получает семь тысяч иен, заставляет ее держать язык за зубами. Без платы было бы, конечно, сложнее... Вот ты думаешь: зачем платить по семь тысяч за зародышей, если их все равно выбрасывают в канализацию. Но для подводных колоний эти три миллиарда в год — капля в море. Семь тысяч иен за целую человеческую жизнь — это же так дешево. Между прочим, психологи, исходя из нынешних цен на продукты и предметы ширпотреба, подсчитали, что человеческая душа стоит как раз семь тысяч иен. Интересно, правда?.. Нет, семь тысяч иен, которые получила твоя жена, имеют, конечно, совсем другой смысл. Это была просто демонстрация. Стоимость души тоже не всегда одинакова. Как бы то ни было, когда имеешь

дело с большим числом людей; прорывы неизбежны. Пока это происходит среди тех, кто сознает себя участником преступления, это не страшно. Индивидуальное заболевание, вроде болезни желудка. В какой-то мере это даже на руку компании, потому что количество поступающих зародышей увеличивается. Но совсем другое дело, когда тайна просачивается наружу. Слухи превращаются в неиндивидуализированное общественное мнение, они свирепствуют, как грипп. Естественно, приходится принимать меры... Иногда приходится наказывать очень строго: например, когда проваливается посредник, как это было с той женщиной. Со всеми так нельзя, слишком хлопотно. То есть убить не трудно, но много возни с трупом. Поэтому обыкновенно прибегают к таким способам, которые не оставляют следа. Например, усиливают чувство страха, а если это не помогает, искусственно вызывают психическое расстройство... Но не может же быть, чтобы ты предпочел смерти сумасшествие.

— О себе ты бы не рассуждал так легко...

— Не говори глупости... Твоя смерть — это моя смерть. Впрочем, не будем сентиментальными. Если бы у тебя достало сил рассуждать хладнокровно, ты бы сам пришел к такому решению... Это куда лучше, чем влечь существование человеческого обломка. Вдобавок компания любезно согласилась выплатить твоей семье страховую премию...

— Страховую премию? Какая доброта!.. Но если твоя воля — это и моя воля, то выходит, что моя смерть будет своего рода самоубийством. А разве самоубийцам полагаются страховые премии?

— Об этом не беспокойся. Твоя смерть будет выглядеть как несчастный случай. Ты погибнешь, коснувшись проводов высокого напряжения...

Сколько прошло времени? Не знаю. За окнами стало совсем темно. Никто не шелохнулся, и я сижу, словно во сне, мертвый хваткой вцепившись в свое время. Мне кажется, что если это молчание будет

34

длиться вечно, следующее мгновение не наступит никогда.

Думал ли я о чем-нибудь? Кажется, думал, но все о каких-то пустяках. Кто выгладил брюки для Ерики — его хозяйка или Вада?.. Куда я засунул счета за телевизор?.. Я увяз в этой путанице мыслей и не мог пошевелиться. Видимо, наши эмоции воздействуют на первную систему гораздо сильнее, чем мысль. Я ждал момента, чтобы бежать. Все мускулы были напряжены, как у кошки, готовой к прыжку. Нет, сравнение с кошкой — не просто слова. Ибо в памяти моей, словно утверждая непрерывность повседневного бытия и протестуя против сумасшедшего разрыва этой непрерывности, всплыла залитая солнцем веранда, уставленная цветами. Пока существует эта веранда, я не умру, ни за что не умру.

Вдруг, скрипнув стулом, поднялся Соба.

— Ну что же, пора?..

— Убивать? — Я тоже вскочил, опрокинув стул.

— Нет, что вы... — испуганно произнес Ерики.

— У нас еще два часа, — быстро заговорила Вада. — Мы должны показать вам по телевизору питомник подводных людей, а затем, если пожелаете, вам покажут будущее колоний на морском дне...

— Он обязательно пожелает, — сказал голос из недр машины. — Такова программа, недаром смерть отложена до девяти часов. Логика не убедила его, он еще не понимает. И он еще намерен сопротивляться...

— Значит, можно начинать? — сказал Соба и протянул руку к пульту за спиной Томоясу.

Томоясу отстранился от него.

— Если разрешите, сначала стакан воды... — проговорил он, стесненно поглядев на Ваду.

— Может быть, фруктового сока?

— Да, пожалуйста. Горло совершенно пересохло... Простите, что я вас беспокою...

— Ничего, пожалуйста. Мне все равно нужно сойти вниз и передать Кимуре, чтобы они уходили, не дожидаешься нас...

Высоко подняв голову, она скользящей походкой направилась к выходу. Я остановил ее.

— Значит, Кимура и его сотрудники тоже связаны с этой организацией?

— Нет, они ничего не знают... — ответил вместо нее Ерики.

В ту же секунду, изо всех сил оттолкнувшись ногами от пола, я прыгнул к двери. Рассказать все Кимуре и просить о помощи, иного выхода нет. Вся эта банда сошла с ума... Но не успел я коснуться дверной ручки, как дверь распахнулась и на пороге, как бы для того, чтобы подхватить меня, если я поскользнусь и упаду, возник тот самый молодой человек, специалист по убийствам из-за угла. Он стоял, растерянно улыбаясь, подняв длинные руки, словно не зная, что с ними делать.

— Вы все-таки хотите... К чему это, сэнсэй?..

Я бросился на него, целя левым плечом ему в грудь, рассчитывая сбить его с ног и проскользнуть справа. Но я в чем-то промахнулся. Я ощущал сильный толчок в левую сторону живота, перевернулся, и в следующий момент меня швырнуло к противоположной стене. Я лежал в странной, противоестественной позе. Нижняя часть тела словно оторвалась и провалилась куда-то. Затем способность к нормальному пространственному восприятию вернулась ко мне, и я почувствовал, как из-под сердца вспучивается острыя боль.

Ерики и Томоясу подняли меня и, поддерживая с обеих сторон, вдворили на прежнее место. «Пот...» — тихо сказала Вада, кладя мне на ладонь сложенный носовой платок. Господин Ямamoto качал головой и горестно вздыхал. Я оглянулся на специалиста по убийствам. Он стоял на прежнем месте в прежней позе, смущенно приоткрыв рот.

— Вы сами так велели, сэнсэй... Предупредили: если, мол, я сделаю так, то ты не теряйся... Я тогда подумал, что это шутка, но не мог же я...

— Ладно. Ступай и жди, — сказала машина.

Кажется, он не отличал голоса машины от моего. Нисколько не удивившись, он кивнул и вышел, шаркая подошвами брезентовых туфель.

— Начинайте без меня, — сказала Вада и тоже вышла.

— Ты говоришь и поступаешь в точности, как предсказано, — укоризненно сказала машина, четко выговаривая каждое слово.

Ёрики погасил свет, и Соба включил телевизор.

Внезапно, словно темнота освободила меня, я закричал. Горло у меня пересохло, и голос был как чужой.

— Зачем... Зачем все это нужно? Если хотите убить, то почему не убиваете?

Ёрики обернулся в сиреневом свете, падавшем с экрана.

— Нам ведь все равно, сэнсэй... — робко сказал он. — Если вы отказываетесь смотреть...

Я замолчал... корчась от боли в животе.

---

# ИНТЕРЛОДИЯ

## ПИТОМНИК ПОДВОДНЫХ ЛЮДЕЙ

Комментирует  
господин  
**Ямамото**

На экране железная дверь, на которой белой масляной краской намалевана цифра «3».

Появляется молодой человек в белом халате и останавливается перед объективом, щурясь от яркого света.

— Сначала камера выращивания. Мы покажем вам вашего ребенка, сэнсэй... (*К молодому человеку.*) У вас все готово?

— Так точно... Здесь, в третьей камере...

— Нет-нет, ничего объяснять не нужно. Покажите сэнсэю его сына.

*(Молодой человек кивает и открывает дверь. Обстановка почти такая же, как в камере выращивания для свиней. Молодой человек поднимается по железному трапу и исчезает.)*

— Если пройти по этому коридору дальше направо, то выходит к заднему фасаду здания, где вы вчера были, сэнсэй... Помните? К бассейну, в котором обучали собаку... Длинный подземный переход, из конца в конец пешком больше тридцати минут, мы сейчас подумываем, не провести ли там узкоколейку.

*(Молодой человек возвращается со стеклянным сосудом в руках.)*

— Прирос?

— Да, превосходно.

*(Стеклянный сосуд крупным планом. Зародыши, похожий на головастика. Прозрачное сердце колышется, как горячий воздух. В темном студне фейерверком раскинулись кровеносные сосуды.)*

— Это ваш сын, сэнсэй... Как он вам понравился?.. Бодрый парнишка, не правда ли?.. А теперь, если не возражаете, пойдемте дальше. *(Экран гаснет.)* Подождем немного, пока они там все подготовят. Так вот, наш питомник подводных людей делится на три сектора: сектор выращивания, сектор воспитания и сектор обучения. Сектор выращивания мы осматривать не будем, он ничем не отличается от камер для животных. Что же касается сектора воспитания и сектора обучения, то разница между ними возрастная. В первом содержатся дети от рождения и до пяти лет, во втором — свыше шести. Таких у нас пока очень мало, это уроженцы тех времен, когда дело находилось еще в стадии эксперимента. Один ребенок восьми лет, восемь — семи с половиной, двадцать четыре — семи и, наконец, сто восемьдесят один — шести лет. Пятилетних детей у нас уже сорок тысяч, четырехлетних и младше ежегодно получается от девяноста до ста тысяч. Поэтому работа в секторе обучения уже с будущего года тоже начнется с настоящим размахом. Сейчас в разных пунктах на океанском дне ведется скоростное строительство отделений этого сектора. Их будет больше двадцати, и каждое сможет принять от трех до десяти тысяч детей...

*(«Простите, мы заставили вас ждать», — прервал голос. Экран освещается. Внутренность гигантского бассейна. Бесчисленные ряды длинных полок, разделенных на крошечные отсеки. И в каждом отсеке плавает подводный младенец.)*

— Это камера сосунков. Они поступают сюда из родильной камеры по пять сотен, а то и по тысяче ежедневно. В идеале их нужно было бы выдерживать здесь до «отнятия от груди»... пять месяцев... но для этого потребовались бы бассейны на сто двадцать тысяч мест. Это практически невозможно. Поэтому мы держим здесь всех до двух месяцев и для эксперимента по триста младенцев каждого последующего месяца. Остальные в двухмесячном возрасте передаются в филиалы сектора воспитания при управлении будущих подводных колоний. Работников у нас постоянно не хватает, и это служит источником известного беспокойства, но, как это ни странно, смертность здесь чрезвычайно низкая. В этом бассейне тринадцать тысяч младенцев, а всего таких бассейнов пять. Есть еще образцовый бассейн для детей от трех до пяти месяцев и отделы воспитания и обучения для питомцев этого бассейна. Это вы потом увидите, а сейчас посмотрите, как младенец получает молоко...

*(Объектив приближается к одному из отсеков. Это коробка из прозрачного пластика. В ней, опустив голову и подняв зад, спит подводный младенец, крошечное существо, покрытое белыми морщинами. Видно, как работают его жабры. В потолке коробки имеются выступы, от них к большой трубе, проходящей поверх полки, тянутся тонкие шланги. Внизу проходит еще одна труба, от нее к каждой коробке идет ответвление.)*

— Через верхнюю трубу подается молоко, нижняя отсасывает нечистоты...

*(Подплывает техник в акваланге, кивает нам и легонько стучит в стенку коробки. Мла-*

*денец просыпается, медленно переворачивается на спину и, часто-часто работая жабрами, прикашивает ртом к одному из выступов на потолке. Лицо у него совершенно такое же, как у любого сосущего младенца, но странно видеть, как при каждом глотке из жаберных щелей выбивается молоко. Постепенно внутренность коробки заволакивается белым туманом. Теперь понятно, что нижняя труба служит для смены воды.)*

— Самой трудной проблемой было не питание, а температура. Мы ожидали, конечно, что с развитием жабр последуют изменения в железах с внешней секрецией, в структуре кожи, в процессах накопления подкожного жира, но мы ничего не знали конкретно. Вдобавок мы совершенно измучились с проблемой физической и физиологической сопротивляемости кожного покрова. Со взрослыми дело обстоит просто: какой-нибудь костюм из синтетики, и все в порядке, ведь вода плохо проводит тепло... Кстати, этот вопрос у нас решен успешно... Главное было в том, какую температуру поддерживать в период молочного кормления. Как вам известно, теплокровные животные не зависят от температуры среды, их тело имеет постоянную температуру, и благодаря этому они могут тратить большие количества энергии. Подводные люди, как оказалось, обладают повышенной приспособляемостью, они способны понижать свою температуру в соответствии с температурой воды, и если бы мы дали им эту возможность, они превратились бы в вялых, ни к чему не пригодных существ, почти лишенных энергии. С другой стороны, нельзя их приучать и к температуре в тридцать пять градусов, потому что это нарушило бы нормальное развитие кожного по-

кровя и отложение подкожного жира. Это была настоящая дилемма. Но мы разрешили ее. Видите эту верхнюю трубу?.. Она двойная, по ней течет не только молоко, но и морская вода, охлажденная до шести градусов по Цельсию. Обычно к детям обращены соски, подающие молоко, но трижды в сутки, утром, днем и вечером, поворотом рычага в кабине управления труба поворачивается, и из сосков на младенцев устремляется холодная вода, по восемь секунд с десятисекундными интервалами. Массаж холодной водой под давлением. Результаты превзошли все ожидания. Жаль, что нельзя показать вам этого, но как малыши баражаются, когда принимают душ!.. (*Смеется, машет рукой.*) Однако довольно, пойдемте дальше. Времени у нас не так много, поэтому перейдем сразу к последней группе, к пятилетним детям.

*(Экран гаснет и снова загорается. Бассейн размером в классную комнату начальной школы. Человек тридцать детей, мальчики и девочки, с резиновыми ластами на ногах свободно плавают во всех направлениях. Это обыкновенные японские ребяташки, но у них странно раскрытые немигающие глаза, длинные волосы, клубящиеся, как водоросли, жаберные щели у горла и слишком узкие грудные клетки. Слышится неумолчный шум, похожий на скрип ржавого металла. С потолка свисает целый лес металлических труб. На поверхности воды плавают куски дерева. В стенах сложной формы выступы с отверстиями. Видимо, это устройства для игр.)*

— Слышите шум? Они скрипят зубами. Скрип зубами — это речь подводных людей. Голосовые связ-

ки отмерли, да под водой они и ни к чему. Подводные люди пользуются азбукой Морзе, язык у них японский, так что переводить не трудно. Преимущество такой речи в том, что разговаривать можно при помощи какого-нибудь предмета. Можно разговаривать по секрету, прикасаясь друг к другу пальцами, можно говорить во время еды с набитым ртом, постукивая ногой по полу. Создана очень простая азбука из букв, представляющих сочетания горизонтальных и вертикальных линий. В настоящее время уже восемнадцать человек наших сотрудников, все из бывших телеграфистов, свободно владеют речью подводных людей, работает также электронная переводная машина, и мы имеем возможность давать нашим питомцам достаточно хорошее образование. Смотрите, все насторожились. Должно быть, пришел приказ из кабины связи.

(Некоторое время все дети неподвижно смотрят в одну сторону. Затем, обгоняя друг друга, бросаются к люку слева. Объектив следует за ними. Появляются две женщины в аквалангах. Одна стоит у большого ящика, другая постукивает двумя дощечками. Видимо, она что-то объясняет. Дети выстраиваются перед ними. Женщины извлекают из ящика и раздают им по очереди какие-то черные предметы величиной с большую книгу. Один из детей, получив черный предмет, немедленно откусывает от него.)

— Ужин.

(Женщина с дощечками бьет жующего ребенка. Тот, скрипнув зубами, бросается наутек.)

— Наказание за плохое поведение. У нас воспитывают строго. Есть можно только в своей комнате.

— Этот ребенок... Он что, засмеялся?

— Гм... Способы выражения чувств у них несколько другие. Во всяком случае, в том смысле, как мы это понимаем, он не смеялся. Вместе с легкими у них отмерла и диафрагма, так что смеяться они не могут. Интересно также, что они не плачут. В числе других желез у них исчезли и слезные, и они не могут плакать, если бы даже захотели.

— Но, может быть, они плачут как-нибудь иначе, без слез?

— Если верить Джеймсу, человек плачет не потому, что ему грустно, наоборот, ему грустно потому, что он плачет. Возможно, не имея слезных желез, они не знают грусти.

(Перед объективом проплывает девочка. Она удивленно оглядывается. Маленькое островерхое лицо, огромные блестящие глаза. Пронзительно скрипнув, она переворачивается и уплывает прочь...)

— Какая жестокость!

— Что вы сказали?

— Это же трагедия...

(Господин Ямamoto смеется.)

— Нет, так нельзя. Вы навязываете им свое сознание на основе предвзятых аналогий. Лучше перейдем дальше... К образцовому отделу обучения для шестилетних и старше...

(С экрана.)

— Разрешите сделать небольшой перерыв?..

— Да, верно. Это далековато. Им придется перевозить телекамеру на субмарине. А пока включите свет, пожалуйста...

## ГИПОТЕЗА О КОНЦЕ ЧЕТВЕРТОГО ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

Сообщение  
делает  
во время  
перерыва  
господин  
Томоясу

сам уже давно провели эти исследования. Конечно, Советский Союз тоже имеет все эти данные, но здесь уже вопрос политики...

— Если возможно, покороче, — замечает Ёрики.

— Да, конечно... Впрочем, иначе чем коротко я рассказать и не смогу, я ведь в этих делах совершеннейший профан. В общем вулканическая гряда на дне Тихого океана действительно активизировалась. Видимо, это связано как-то и с колебаниями погоды в последнее время. Особенно с необычайно высокой температурой в летние периоды в северном полушарии. Сначала предполагалось, будто здесь виноваты солнечные пятна или там человечество расходует все больше энергии и поэтому увеличилось количество углекислого газа в атмосфере, но оказалось, что объяснить это дело только такими причинами нельзя.

Известно было также, что уровень морей и океанов будет повышаться из-за таяния ледников и полярных шапок, которые приписываются четвертому ледниковому периоду, но нынешнее повышение не соответствует расчетам. Скажем, известно было, что через тысячу лет льды растают полностью и уровень

— Я ведь простой чиновник, так что я коротко, в двух словах... Вы уже слыхали кое-что об этом, Кацуми-санэсай, вам сегодня утром звонили по телефону. Это советское предложение о сотрудничестве в исследованиях насчет активизации вулканической гряды на дне Тихого океана. Если говорить по правде, мы с помощью Ёрики-

оceanov, совсем как после прошлого, третьего ледникового периода... в общем уровень океанов должен подняться метров на сто, поэтому многие страны стали понемногу переносить города и предприятия подальше от берегов, на возвышенности и плоскогорья. Только наше правительство пустило это дело на самотек и притворяется, что знать ничего не знает... наверное, потому, что у нас нет плоскогорий.

Однако после прошлого геофизического года выяснилось, что воды в океанах прибыло гораздо больше, чем растаяло льдов. В три раза больше, если верить измерениям, представляете? Некоторые ученые даже утверждают, что в три с половиной раза... С другой стороны, опущение суши не объясняется истощением грунтовых вод. А это может значить только одно: что где-то вновь и вновь образуется морская вода. Другими словами, что начали в огромных масштабах действовать подводные вулканы. Как правило, вулканические газы почти целиком состоят из водяного пара, считается даже, что вообще вся океанская вода получилась из вулканических газов. Я в этом мало понимаю, но дело обстоит, видимо, именно так...

И, судя по тому, как резко увеличивается количество воды, это не какое-нибудь местное извержение... Я плохо в этом разбираюсь, но началось, кажется, черт знает что. По последним представлениям, например, земная суша — это участки коры, содержащие большое количество радиоактивных веществ, которые ее разогрели, расплавили и выпятили. Значит, под корой полно расплавленной лавы. Лава эта иногда раздувается и даже выходит на поверхность, и мы получаем вулканы. Но это для лавы не выход. Мало того, эти участки коры из-за лавы становятся все толще,

все тяжелее, они давят на лаву, и лава в конце концов начинает вылезать у их границ, как варенье из раздавленного пирожка. Это происходит, конечно, на границах моря и суши.

Считается, что такие вещи должны повторяться каждые пятьдесят-девяносто миллионов лет. И вот обнаружили, что на границе Тихого океана и Азиатского материка происходит подозрительное движение. В так называемом тихоокеанском огненном кольце, в поясе землетрясений... Не знаю даже, что это значит... И тогда получается, что и нынешняя температура атмосферы и повышение уровня океанов — это не просто явления, связанные с ледниковым периодом, а признаки громадной катастрофы, наступающей раз в пятьдесят миллионов лет. Вот что называется гипотезой о конце четвертого ледникового периода...

Неизвестно, кто первый ее высказал, но она начала распространяться, и тогда все государства спохватились и быстрым распустили геофизический год. Ведь если гипотеза верна, то в ближайшем будущем начнут извергаться в сотни раз больше подводных вулканов, нежели сейчас, уровень океанов и морей станет повышаться на тридцать метров в год, так что лет через сорок поднимется на тысячу метров. Опубликуйте такую вещь, и что получится? Государственный и общественный порядок немедленно рухнет. Если не считать такую гигантскую страну, как Советский Союз, все окажется под водой, утонет Европа, исчезнет Америка, оставив после себя одни Скалистые горы, а от Японии останется лишь десяток гористых островков. Правительствам надлежит держать это в тайне от населения, пока не будут выработаны соответствующие меры.

Действительно, все правительства обязались ничего не раскрывать. Но в правительствах постоянно происходят всевозможные изменения, доверять им до конца нельзя... Поэтому самые крупные из финансовых королей объединились и создали своего рода комитет по выработке необходимых мер. Впоследствии этот комитет развернулся в кампанию по разработке и эксплуатации морского дна...

— Это же нечестно!

Кончик языка у меня горел, как будто мне в рот влили крепкую кислоту. Не знаю, то ли я действительно разозлился, то ли решил, что должен разозлиться, то ли злость была только предлогом, но я испытывал необходимость кричать во все горло.

— Если бы я знал... — Язык совсем не слушался меня. — Почему? Почему не сказали мне сразу? Если бы я знал с самого начала... я бы...

Ёрики остро взглянул на меня исподлобья.

— Вы так думаете? — сказал он.

— Да как же так можно!.. — Мой голос больше походил на стон. — Вы скрыли от меня самый решающий фактор...

— Вряд ли это имело бы значение. Мало того, если бы все это было вам известно заранее, сэнсэй, вы бы еще упорнее цеплялись за настоящее и натворили бы много плохого.

— Почему?..

— Этот всемирный потоп вас пугает?

— Да!

— А избавило вас от этого страха существование подводных людей?

Я пытался ответить, но не мог. У меня было такое чувство, будто я вот-вот заскулю, как затравленное животное... Все тело в огне, только от ног ползет ледяной холод. Словно наползает смерть.

— Вот почему, — медленно сказал Ёрики, — все эти разговоры о подводных вулканах я считаю второстепенными.

— Почему же? — недовольно произнес Томоясу. — Настоящее — это не просто ледниковый период, это конец четвертого ледникового периода. Возможно, начало совершенно новой геологической эпохи...

— Все это так. Но подводные колонии имеют огромное самостоятельное значение независимо от геологических катастроф. Они сами по себе представляют замечательный мир, и это вовсе не потому, что они являются вынужденной мерой. Для меня, например, повышение уровня Мирового океана — это только хороший аргумент, чтобы расшевелить власть имущих.

— Неправильный взгляд, Ёрики-сан, неправильный взгляд...

— Пусть неправильный. У нас с вами, Томоясу-сан, разные точки зрения... Да, сэнсэй, мы служим одному делу, но взгляды у нас разные. Эта шайка финансистов намерена хорошо заработать на нашем предприятии, не правда ли, Томоясу-сан? Или вы считаете, что они жертвуют свои бренные капиталы во имя будущего?

— Вы преувеличиваете, — возмущенно сказал Томоясу. — Второстепенный это вопрос или третьюстепенный, несомненно одно: все города и села пойдут ко дну. Что бы вы там ни говорили, это несомненно.

**ОБРАЗЦОВАЯ ШКОЛА ДЛЯ ПОДВОДНЫХ ЛЮДЕЙ** (*Мир океанских глубин... Чего-то вроде тюльпана на тонком стебле выделяется на черном фоне подводного неба.*)

**Комментирует господин Ямamoto** — Это здание образцовой школы. Интересная архитектура, не так ли?.. Здание построено из пластика, стены полые, в полостях газ. Здание легче воды. Принцип, обратный наземному, где все основано на силе гравитации. Кроме того, для жильцов этого здания верх и низ в общем не имеют значения, поскольку они свободно передвигаются в пространстве. Горизонтальные плоскости никого не связывают, поэтому входы и выходы устроены сверху. Конструкция чрезвычайно простая. Да и приятнее всего то, что не нужно думать ни о давлении воды, ни о водопроницаемости. В морской глубине всегда мирно и тихо.

(*Объектив приближается к зданию.*)

— Какое оно громадное...

— Сейчас там всего двести сорок детей, но рассчитано оно на тысячу. В нем и школа и интернат... Подходящий домик, правда?.. В ближайшем будущем таких соорудят здесь двадцать одну штуку. На двадцать одну тысячу детишек от шести до десяти лет. Нет, строить не трудно. Скоро переходим на массовое производство. Готовые секции доставлять на место и собирать, затем их надуют газом, и постройка закончена. Немного больше времени будет, вероятно, занимать крепление фундамента.

(*Объектив передвигается вдоль здания. По экрану плывут пояса огней, похожих на огоньки светлячков. Светятся, видимо, сами*

*стены. В поле зрения проносится стая мелких рыб.)*

— Приглядитесь внимательно. Эти ярусы огней почти незаметно для глаза постоянно меняют яркость. Волны более яркого и более тусклого света ритмично передвигаются сверху вниз... они играют роль своеобразной приманки для рыб. У каждого вида рыбы есть своя излюбленная яркость; завороженные этим световым движением, они начинают скользить вниз, а там их поджидают разинутые пасти ловушек. Я думаю, что в будущем такой способ рыбной ловли получит широкое распространение. Уловы очень богатые. Поэтому рыбаки, промышляющие в этом районе...

— А где это?

— Примерно на середине линии, соединяющей Ураясу и Кисарадзу.

— И никто до сих пор не обнаружил вас?

— Глубина там пятьдесят-шестьдесят метров. Вдобавок там убрали слой ила... двадцать пять метров, как раз на высоту здания... Без водолазного костюма на такую глубину не заберешься. А учащимся подниматься на поверхность строго-настрого запрещено...

— А воспитатели?

— Когда приходит их время, стержень, на котором крепится здание, раздвигается. Тогда от поверхности до крыши остается всего двадцать метров.

*(Объектив достигает крыши. Это купол с большим круглым люком в центре. Над люком, балансируя на одной ноге, стоит мальчик. У его плеча рыба в ладонь величиной.)*

— Вышел встречать... Это первый и самый старший из подводных людей. В этом году ему исполнилось восемь лет, а на вид ему можно дать лет двенадцать-тринадцать. И даже больше. Это можно объ-

яснить тем, что он растет без родителей, но главное в другом. Под водой все живое развивается поразительно быстро. Я как-то читал в одной публикации Академии наук СССР, что для растений биологический кПД в пять процентов на суше соответствует почти ста процентам в океане. Для полового созревания слону требуется сорок лет, а гигантский кит способен давать потомство уже через два-три года после рождения.

*(Мальчик издает едва слышный скрип и кланяется. Рыба норовит ткнуться мордой в его губы, он осторожно отстраняет ее. На секунду кажется, что он улыбается, но это, наверное, не так. Его тело обтянуто свитером и рейтязами, на ногах ласты. Над головой, словно дым, колышутся легкие волосы, глаза раскрыты необыкновенно широко. Движения его грациозны и легки, как у девушки. И только жабры и узкая грудь производят неприятное впечатление.)*

— Как он приручил эту рыбу? Он любит животных, этот мальчуган. Зовут его, в переводе на фонетику, Ирири... хотя это просто знаки азбуки Морзе. А теперь взгляните на поверхность крыши.

*(Вид крыши сверху. Под прозрачным пластиком можно разглядеть густые, как пена, черноватые заросли.)*

— Это разновидность пресноводной хлореллы, но мы приучили ее к морской воде. Растение идеальное по питательности, содержит более дюжины различных аминокислот. Печенье из него — любимое лакомство для детей.

*(Мальчик, не меняя позы, только слегка согнув ноги в коленях, начинает тихо опускаться*

, в люк. Скрипнув зубами, зовет за собой рыбу. Объектив следует за ними. Мальчик переворачивается вниз головой и увеличивает скорость. Быстро работающие ноги в ластах. В глубине колодца множество детей. Они держатся за поручни в стенах и ждут. Неумолчный шум, как будто трещат цикады...)

— Нет, рыбу он приручил здорово. Вот так они постепенно приручат и превратят рыб в своих домашних животных... (В микрофон.) Остановитесь на минуту.

(Гулкий голос из динамика.)

— Осмотрите мастерские?  
— Да, мы быстро.

(Объектив останавливается. В стенах ровные ряды овальных дверей. Совсем как пчелиные соты.)

— Сейчас мастерскими почти не пользуются, пока некому, но в будущем они станут классами для политехнического обучения.

(Объектив приближается к одной из овальных дверей. Мальчик вместе с рыбой, вцепившейся ему в волосы, проскальзывает вперед.)

— Здесь будут заниматься всем, что необходимо на практике, начиная с физических и химических экспериментов и управления машинами и кончая техникой обработки пищевых продуктов. Так что, как только оборудование завершится окончательно, это будут скорее даже не классы, а небольшие цехи. Через пять лет, когда старшие классы укомплектуются полностью, школа сможет перейти на самообслуживание.

— А после окончания школы?  
— Сейчас строятся подводные заводы. Многие,

вероятно, пойдут работать на подводные рудники и нефтяные промыслы. Постоянно не хватает рабочих рук на подводных пастбищах. Самые способные перейдут в специальные школы, где из них будут готовить врачей, инженеров, техников. Предполагается, что сначала они будут помогать людям, а потом и все заменят человеческий персонал.

(Томоясу поспешно.)

— Имеются весьма основательные возражения относительно этих специальных школ...

— Это не проблема. Во-первых, возможности подводных людей ограничены, и потом слишком мала их абсолютная численность.

(На экране мастерская. Нет никаких станов, по пол, потолок и стены покрыты всевозможными полками, выступами и крючьями, а инструменты парят посередине помещения, подвешенные к пластиковым шарам. Мальчик с гордым видом поглядывает то на объектив, то на инструменты.)

— Глядите, это изобретение Ирии. (В микрофон.) Попросите его показать.

(Слышится скрип... Мальчик кивает, ловит один из инструментов вместе с шаром и присоединяет к трубке, торчащей из стены.)

— Оттуда подается сжатый воздух. Это основной источник энергии под водой. Есть еще газообразное горючее, сжиженные газы...

(Мальчик поворачивает кран. Инструмент начинает вибрировать, пуская струи воздушных пузырьков. Под потолком пузырьки собираются в один большой пузырь, который медленно высасывается через вентиляционное отверстие. Рыба гоняется за пузырьками.

*(Мальчик опускает вибрирующий наконечник инструмента на виниловую доску и мгновенно перерезает ее пополам.)*

— Автоматическая пила... Изрядно, не правда ли? Каждую деталь придумал он сам... и сделал своими руками, конечно. Это мастерская обработки пластиков, здесь подобраны все необходимые инструменты. Под водой пластики играют такую же роль, как железо на суше, и освоение их составляет основу всей жизненной техники... И все-таки это невероятно. Ведь ему всего восемь лет. Видимо, под водой ускоряется не только физическое развитие.

— Откуда берется энергия? Для работы с пластиками нужны довольно высокие температуры, да еще освещение...

— Разумеется, электричество... Это самая трудная проблема под водой, хотя дело несколько упростилось развитием производства изоляционных материалов. Но без электричества обойтись невозможно.

— Невозможно?

— Совершенно невозможно. Тепловую и механическую энергию еще можно получить другими способами. Но вот связь, например... Радиоволны под водой не проходят, приходится пользоваться ультразвуком, а для генераторов ультразвука необходимо электричество. Хорошо бы также перейти на самоснабжение сжатым воздухом. Сейчас электроэнергия подается сюда по кабелям с суши, но в будущем необходимы средства, которые не зависят от суши... что-нибудь вроде малогабаритных атомных электростанций, каких-нибудь теплоцентралей на нефти или генераторов, использующих подъемную силу газа под водой. Тогда научно-исследовательские институты можно будет строить как угодно далеко от берега,

и перестанут быть мечтой подводные города-исполины. Ого, еще одно изобретение?

*(У мальчика в руках длинный прямой шест, в нижней части которого прикреплены педали. Мальчик садится на шест верхом, находит педали, и на конце шеста начинают вращаться лопасти. Шест поднимается по вертикали. Мальчик склоняется набок, и шест движется горизонтально.)*

— Подводный велосипед. Очень доволен, что на него смотрят люди...

— Я вижу, к людям он все-таки привязан?

— Да... Ирири очень привязан... Этот мальчик — наш первый эксперимент, и в процессе выращивания мы допустили, наверное, какие-то ошибки. У него не полностью отмерли железы с внешней секрецией. Вы заметили, например, какие у него глаза? Это потому, что слезная железа у левого глаза частично уцелела. Возможно, в этом причина неполного выгорания.

— Неполного выгорания?

— Вы, конечно, понимаете, что человеческие эмоции в известной мере зависят от способности кожи и слизистых к осязанию. Возьмем, например, выражения «мороз по коже», «мурашки по телу», «в горле пересохло», «он к ней липнет». Даже из таких словосочетаний видно, какую роль осязание играет для формулирования наших настроений и переживаний. Если говорить коротко, способность к осязанию является проявлением инстинктивного стремления защитить море от воздуха. Я вижу, вам кажется, будто я говорю чепуху, но вы послушайте, это очень важно... Как известно, даже у человека, самого совершенного из наземных животных, все — кровь, кости, про-

топлазма — почти полностью составлено из элементов, присущих морю. Жизнь выкристаллизовалась в море, мало того, она всегда зависела от моря. Даже когда она покинула морскую стихию, она забрала с собой на сушу море, обернув его в свою кожу. Вот больным вводят иногда раствор поваренной соли. Но и сама кожа есть не что иное, как метаморфоза моря. И хотя сопротивляемость ее выше, чем у остальных органов, она тоже порой не может обходиться без помощи моря. В конечном счете железы с внешней секрецией — что это, как не помочь изнемогающей коже со стороны моря? Слезы есть море для глаз... И все наши эмоции являются лишь определенными состояниями желез с внешней секрецией... другими словами, стадиями оборонительной войны моря против суши.

— И если этой войны нет, то нет и эмоций?

— Я не говорю, что нет. Но это, вероятно, нечто совершенно непостижимое для нас. Там, в море, им не приходится воевать с атмосферой. Все равно как рыбы, например, не знают страха перед огнем.

*(Мальчик на велосипеде принимается играть со своей рыбой в пятнашки.)*

— Иногда, глядя на других детей, не на Ирии, действительно спрашиваешь себя: да полно, есть ли у них душа? Есть, конечно, но она совсем другая, чем у нас.

— Значит, это единственный ребенок, похожий на человека?

— Да... Его поведение понятно нам. *(Впадает в сентиментальный тон.)* С душой наземного существа в морской глубине. Неполное выгорание, иначе не назовешь...

*(Преследуя рыбку, мальчик скользит мимо объектива и исчезает из помещения.)*

— Не потому ли он так умен и развит?

— Нет, в отношении умственных способностей другие дети ему не уступают. Один мальчик, на три месяца моложе его, сконструировал часы, которые работают на сжатом воздухе. Правда, стрелка передвигается раз в пятнадцать минут, но все-таки...

*(Объектив, следя за мальчиком, медленно приближается к другим детям...)*

Господин Ямamoto вновь переходит на деловой тон:

— Здесь, в среднем поясе здания, они живут, а нижние этажи отведены под обычные классы. Обучение, как и у нас, начинается с чтения, письма и счета, но вот чему учить их дальше... Существует мнение, что самую важную роль в их жизни будут играть такие науки, как физика жидкостей и органическая химия. В конце концов не нам строить догадки на этот счет... По-видимому, истина определится, когда они получат учителей из своей среды. Слишком различны основы ощущений в воздухе и под водой...

*(Многоярусный балкон... Играющие дети... Одни глядят на объектив с откровенным любопытством, другие совершенно равнодушно.)*

— И, конечно, им не преподают ни историю, ни географию, ни социологию. Мы не можем решить, как объяснить им взаимоотношения между ними и человечеством.

Томоясу шмыгает носом.

— Совершенно естественно. Они бы прокляли нас, только и всего...

— Ну уж нет... *(Отрицательно качает головой.)*

Вы говорите так потому, что переоцениваете наземного человека.

(В любопытстве и в равнодушии подводных детей есть одна общая черта. Это странная холдность. Под их взглядами человек сам себе начинает казаться «предметом». Я не могу не согласиться с господином Ямamoto, когда он задает себе вопрос: есть ли у них душа.

...Шалун подплывает к объективу и пытается закрыть его ладонями. Девочка сосредоточенно следит за моллюском, ползущим по стене. Мальчики окружили Ирири с его велосипедом. Маленькая девочка ловит заблудившуюся рыбешку и сует в рот, но мальчик постарше заставляет ее выплюнуть... Группы детей—возможно, это дежурные — моют стены сжатым воздухом... Маленький мальчик прижимается щекой к подводной собаке...)

— На этом наш беглый осмотр и закончим... Собакун, выключите, пожалуйста...

(Кто-то глубоко вздыхает... На экране дрожит, сжимаясь, световое пятно...)

---

# 35

Световое пятно на экране сжалось и исчезло. Никто не шевелился. Никто не включил свет, и никто не попросил сделать это. Может быть, будет еще что-нибудь?.. В глубине души я надеялся, что будет продолжение. Ведь тогда я проживу еще немного...

Но молчание затягивается, и меня охватывает ужас. Странное дело, я был подавлен тем, что мне показывали, мое существование протестовало, и вместе с тем мне было интересно. Незаметно для себя я пытался подсчитать, сколько в подводном здании мальчиков и сколько девочек — кажется, число их было в общем одинаковое, — я строил произвольные догадки относительно будущих браков. Словом, я чувствовал себя экспериментатором в лаборатории. Но вот экран погас, я снова оказался в темноте и стал тем, чем был раньше. Снова превратился из экспериментатора в подопытное животное. Я ожидаю смерть... Приговоренному к смерти подали из жалости чашку чаю. Но смерть остается смертью...

Ногти впиваются в ладони. Я сижу, как приклеенный, и цепляюсь за мгновения. Несужли, несмотря ни на что, я и вправду поверил моему второму «я», что это я сам требую своей смерти? Усомниться в машине-предсказателе — значит подтвердить ее суждение. Признать ее правоту — значит тоже подтвердить... Это все равно, что бросать монету, обе стороны которой одинаковы. Итак, заколдован-

ный круг? Но это же бессмыслица. Чтобы отвергать смерть, не нужно иных причин, кроме нежелания умирать.

Больше я не вытерплю, подумал я. Впрочем, я только думаю. Я не действую. Не то что я не сознаю своего положения. Просто это такая пассивность, от которой можно избавиться не через вспышку эмоций, а, наоборот, через вялость и расслабленность. Но мои мускулы тую стянуты напряжением и заскорузли, как старая кожа. Кажется, стоит мне повернуть голову, и будет слышно, как заскрипит шея.

Соба пошевельнулся и поднял лицо, словно собираясь спросить о чем-то. Я попытался воспользоваться этим, чтобы освободиться от проклятого оцепенения. Я заговорил. Жалкий у меня был голос, как будто на мои голосовые связки наклеили парафинированную бумагу. Я окончательно утратил чувство собственного достоинства.

— Возможно, суша по сравнению с морем действительно менее удобна для жизни... — лепечу я. — Но ведь именно благодаря этому неудобству животное эволюционировало до человека. Тут я не могу согласиться...

— Вот уж в самом деле... — шепчет Вада.

— Предубеждение! — живо воскликнул господин Ямamoto. — Да, живые существа эволюционировали в борьбе с природой. Да, четыре ледниковых периода сделали австралопитека современным человеком. Кто-то даже удачно заметил, что человек выскочил из волшебного платка, именуемого глетчером. Все это так... Но человечество в конце концов покорило природу. Оно искусственно преобразовало и улучшило почти все, что есть в природе. Иначе говоря, оно обрело силу превращать эволюцию из процесса случайного в процесс сознательный. И нельзя ли допустить, что миссия живого, для выполнения которой оно выползло на сушу, на этом закончилась? В старину линзы приходилось шлифовать, а нынешние пластические линзы выходят из производства готовыми. Эпоха, когда «муки и страдания создавали жемчуг», миновала... Не пора ли и самому человеку освободиться от дикости и пе-

рейти к рациональному преобразованию самого себя? И на этом замкнуть кольцо борьбы и эволюции. Пришло время вернуться на старую родину — в море, но уже не рабами, а хозяевами.

Тут он почему-то вздохнул, и я, собравшись с духом, возразил:

— Но ведь они как раз рабы. Они живут в колониях, у них нет ни своего правительства, ни своей политики.

— Это сейчас... — раздраженно сказал Ёрики. — Во все эпохи все новое рождается от рабов.

— Такой взгляд на подводных людей означает самоотрижение. Наземное человечество заживо становится реликтом прошлого.

— Придется стерпеть. Стерпеть этот скачок и, значит, стоять на позициях будущего.

— Если я предаю подводных людей, то вы предаете наземное человечество!

— Лучше, сэнсэй, подумайте вот о чем, — произнес Томоясу, покачивая головой, словно желая показать, что уж он-то разбирается во всем. — Города кишат безработными, деловая активность непрерывно падает...

— Все это верно, кто же спорит... Но все равно у вас нет никакого права держать в тайне этот чудовищный план.

— У нас есть это право. Его нам дало подводное человечество через машину-предсказателя. В добавок в свое время все это будет опубликовано.

— Когда?..

— Когда большинство матерей будут иметь хотя бы по одному подводному ребенку. Когда предубеждение против подводных людей больше не будет грозить нашему делу. К этому времени угроза потопа надвинется вплотную, и человечество встанет перед выбором: либо война из-за суши, либо покровительство подводных людей... Разумеется, народ, — Ёрики встал, скрипнув стулом, — выберет подводных людей.

Он обернулся и сделал знак Собе. Этот жест показался мне исполненным такой неумолимой решимости, что я сжался, словно неожиданно наткнулся во мраке

на невидимую преграду. Соба сейчас же поднялся и вложил в машину лист программной карты. Затем, глядя в наблюдательное устройство, начал настройку.

Вдруг я ощутил в левом плече боль, острую, как от укола иглы. Но это не была игла. Это была рука Ёрики. Он неслышно подошел сзади и положил руку мне на плечо. Он наклонился и тихо сказал:

— Это облик грядущего, сэнсэй... Истинное будущее... Вы так стремились увидеть его...

**36** И машина рассказала такую историю. Толстые пласти ноздреватого ила на пятикилометровой глубине, неподвижные и мертвые, косматые, как шкура допотопного зверя, вдруг вспутились, поднялись и сейчас же распались, обращаясь в кипящие темные тучи, гася бесчисленные звездочки планктона, роившиеся в прозрачном мраке.

Обнажилось изрезанное трещинами скальное основание подводной равнины. Из трещин, выбрасывая обильную пену, полезла вязкая, светящаяся бурым блеском масса и протянула на несколько километров скрюченные, как корни старой сосны, отростки. Продуктов извержения становилось все больше, исчезло темное сияние магмы, и уже только исполинский столб газа, бешено крутясь и разбухая, беззвучно и стремительно поднимался сквозь тучи взбаламученного ила. Но даже этот столб бесследно исчезал задолго до поверхности, растворяясь в неимоверной воднойтолще.

Как раз в это время в двух милях к западу проходило курсом на Иокогаму грузо-пассажирское судно «Нантё-мару» Южноамериканской линии. Когда корпус его внезапно содрогнулся и заскрипел, это обстоятельство не вызвало ни у команды, ни у пассажиров никакой тревоги. Они ощутили лишь мимолетное недоумение. Вахтенный офицер на мостике не без удивления отметил стаю дельфинов, испуганно выпрыгнувших из воды, а также мгновенное, хотя и незначитель-

ное, изменение цвета моря, но и эти явления не показались ему заслуживающими специального упоминания в судовом журнале. В небе расплавленной ртутью сверкало июньское солнце.

Между тем неуловимое колебание воды — зародыши гигантского цунами — уже катилось в океанских глубинах к материку волнами невероятной длины и со скоростью в двести семьдесят километров в час.

Цунами легким ветром пронесся над подводными пастищами, над подводными городами, над подводными нефтепромыслами. Многие из подводных людей, занятых сбором рыбьей икры, вообще не заметили его.

На следующее утро цунами обрушился на побережье Японии от Сидзуока до Босо. «Нантё-мару» получил по радио сообщение, что Иокогама больше не существует, и остановился в открытом океане.

Выражение «больше не существует» совершенно сбило капитана с толку, но еще более странным показалось ему поведение пассажиров. Почему они отнеслись к этому сообщению так спокойно? Впрочем, странности начались не сегодня. Эти люди зафрахтовали корабль целиком, подняли на борт какую-то гигантскую машину, но по прибытии в порт назначения не выгрузились, а приказали идти обратно. Причем за время плавания они устроили в трюме что-то вроде лаборатории и не отходили от своей машины ни на шаг. Их возглавлял человек по имени Ерики. Кто они, эти люди?

- Значит, это были вы?
- По-видимому, да.
- Вы знали, что Иокогама погибнет, и молчали?
- Как можно... Население было предупреждено, и почти все эвакуировались.
- А я? Я тоже был на этом корабле?
- Нет, сэнсэй... Вы уже давно...

Наводнение не прекращалось. Двое алчных людей, мужчина и женщина, слонялись вдоль берега. Ничего ценного им не попадалось. То, что они приняли было

за браслет, оказалось вставной челюстью. Потом женщина заметила в воде утопленника. Ей стало страшно и захотелось домой. Мужчина попробовал перевернуть тело концом палки. Но утопленник вдруг оскалил зубы, показал ему язык и уплыл в глубину. Это был разведчик подводных людей. Говорят, что женщина упала в обморок.

Вода все не отступала, непрерывно происходили землетрясения, люди рассказывали друг другу о странных утопленниках. Беспокойство усиливалось. Возникли слухи о том, что куда-то исчезло правительство, и это было самое страшное. Слухи не были лишены оснований: правительство перешло в море.

Правительственное здание стояло на холме, откуда открывался прекрасный вид на скалистую пустыню и на заросли ламинарий подводного района номер один. Неподалеку от холма, за ущельем в двадцать метров шириной, возвышались по три в ряд гигантские оранжевые тюльпаны заводов, производящих магний и пластмассу. Этот удивительный пейзаж открывался чиновникам из окон их плавучего цилиндрического здания, прикрепленного к скалистому дну тремя опорами.

Наконец над поверхностью моря выдвинулась антенна, и началась радиопередача. Правительственное сообщение гласило:

1. Четвертый ледниковый период закончился. Наступает новая геологическая эпоха. Надлежит воздерживаться от опрометчивых поступков.

2. С целью упрочить впоследствии международное положение государства правительство благовременно и в строгой тайне создавало подводных людей и вело разработку колоний на морском дне. В настоящее время имеются восемь подводных городов с населением по триста тысяч человек в каждом.

3. Подводные люди счастливы и подчиняются порядку. Они оказывают государству всевозможную помощь в нынешнем бедственном положении. Скоро вы

начнете получать продукты и предметы первой необходимости, изготовленные на морском дне.

4. Последнее. Японское государство намерено претендовать на акваторию в границах, указанных в отдельном документе.

5. Дополнительное сообщение. В настоящее время рассматривается вопрос о снабжении специальными пайками женщин, имеющих детей среди подводных людей. Ждите дальнейших сообщений.

(Этот последний пункт имел наибольший успех. Под него подпадало уже подавляющее большинство матерей.)

Позади правительенного здания возвышались еще три дома такой же формы, но меньше по размерам. В них располагались обычные жилые помещения, на крышах стояли частные вертолеты, все было устроено весьма комфортабельно. В обширном парке за колючей проволокой, куда подводным людям заплывать воспрещалось, были живописные долины, коралловые рифы, рощи разноцветных водорослей. В погожие дни хорошо полежать на морском дне с аквалангом за спиной, полюбоваться, как пульсирует и колышется солнечный диск в волнах, похожих на матовое стекло, или с гарпунным ружьем всей семьей отправиться на никник... Но квартирная плата невероятно высока, и тем, кто не пользуется особыми привилегиями от правительства, это не по карману. Далеко не все, кому хочется, могут позволить себе такое жилье.

Вдобавок жизнь на суше все-таки продолжалась. Еще работали электростанции, действовали заводы, были и улицы с магазинами. Простые люди, преследуемые наступающим морем и инфляцией, кое-как сводили концы с концами. В крайнем случае всегда можно было наняться надсмотрщиком на подводные пастбища.

Странное движение возникло среди матерей на суше. Они хотели общаться со своими детьми. Но под-

водные люди не понимали, чего от них хотят, и не пошли навстречу. Поэтому правительство закрыло на это глаза. Зато возникло гражданское агентство, которое организовывало прогулки по морскому дну. Дела агентства процветали.

Однажды произошел инцидент. Из-за ограды, куда было запрещено заплывать подводным людям, мальчик в акваланге застрелил из гарпунного ружья подводного ребенка. Правительство не нашло в этом состава преступления, но рассерженные подводные люди ответили забастовкой. Тогда растерявшиеся правительство поспешило признать за подводными людьми все человеческие права. После этого в отношениях между сторонами произошли большие изменения. А через несколько лет три представителя от подводных людей — юридический, торговый и промышленный — вошли в правительство.

Шли годы, уровень моря повышался все быстрее. Люди откочевывали все выше в горы. Они жили в постоянном движении и, наконец, совсем утратили привычку к оседлой жизни. Не было уже ни железных дорог, ни электростанций. Никто больше ни о чем не думал, люди существовали на подаяние подводного мира. На каком-то берегу кто-то затеял прибыльное дело: установил несколько перископов и показывал желающим жизнь моря. Дело пользовалось большим успехом. Скучающие старики выстраивались в очереди, чтобы за несколько медяков полюбоваться на жизнь детей и внуков и убить время.

Но прошло несколько лет, и перископы тоже оказались под водой и покрылись ржавчиной.

— А те, кто поселился в подводных домах? Что стало с ними?

— Они жили там по-прежнему.

— И ничего?

— Ничего. Только часовой с гарпунным ружьем был уже без акваланга. Подводные люди приняли решение бережно охранять их как экспонаты человеческого прошлого.

— Разве это хорошо, Томоясу-сан?

— Как вам сказать... Впрочем, к тому времени я скорее всего уже умру...

Настал день, когда подводные люди образовали свое правительство. Оно получило международное признание. Многие страны тоже пошли по пути создания подводных колоний.

Но и у подводных людей была своя беда. Одного на несколько десятков тысяч поражало странное заболевание. Видимо, оно вызывалось дурной наследственностью. Не исключено, что давали о себе знать некоторые железы с внешней секрецией, которые оставались у первого поколения, поколения Ирири. Правительство назвало это заболевание «болезнью сушки» и постановило немедленно по обнаружении прибегать к хирургическому вмешательству.

## 37

— Вот видите! — зло и победоносно произнес я.

— Что?

— Теперь настала их очередь тосковать по сушке!

Мне никто не ответил. На всех лицах было одинаковое выражение почтительной грусти, словно эти люди стояли у постели умирающего. Даже у нетерпеливой Вады плотно сжаты губы и лицо человека по ту сторону любви и ненависти. Я ни с того ни с сего вдруг подумал: а действительно, что уж теперь упрямиться...

— Это безнадежно далеко от нас, — проговорил кто-то низким голосом.

Кажется, господин Ямamoto. Да, далеко... Это будущее так же безнадежно далеко от нас, как перво-

бытный мир... У меня что-то затряслось в груди, я почувствовал тошноту и хрюкало кашлянул.

Видимо, я запутался. Сделать вид, что я признаю будущее, бежать и при первой возможности предать все гласности?.. Если в том, что называется справедливостью, есть хоть какая-то доля моральной ценности, я должен поступить именно так. А если нет? Честно признать, что я враг такого будущего, и затем встретить смерть?.. Если в том, что называется честью, есть хоть доля моральной ценности, я должен поступить именно так. Значит, если я не верю машине, то первое, а если верю — то второе...

Впрочем, я не совсем точно выразился, когда сказал, что запутался. Это я внушил себе, что нужно запутаться. И скорее всего я так и не сумею принять окончательное решение и буду убит, как жалкий слизняк. Хуже всего то, что я перестал верить себе, что сам себе кажусь ничтожеством, жалким слизняком. И машина, вероятно, все это предвидела.

Я непроизвольно сказал вслух:

— Но можно ли относиться к машине как к последней инстанции?

— Вы все еще сомневаетесь? — В голосе Ёрики смешались удивление и сочувствие.

— А разве не бывает ошибок? Ведь чем отдаленнее будущее, тем больше ошибки. И дело не только в ошибках... Кто поручится, что все это не вымысел машины? Изменила или выбросила то, что ей непонятно, и преподнесла нам более или менее правдоподобную историю... Ты же сам знаешь ее способности... Если ввести в нее, например, данные о трехглазом человеке, она автоматически переправит три на два.

— Это она тоже предсказала. Что вы рано или поздно усомнитесь в ее способности предсказывать и тогда... — Ёрики не окончил и сделал вид, будто засыпался.

— Я не говорю, что сомневаюсь. Сомневаться и относиться как в последней инстанции — вещи разные. Я хочу только сказать, что совершенно иное будущее.

— Иное будущее?

— Вы делаете вид, что облагодетельствовали подводных людей, а я вот сомневаюсь, скажет ли этот будущий рыбо-человек вам спасибо за эти благодеяния. Я уверен, что он будет вас смертельно ненавидеть.

— Свинья не обижается, когда ее называют свиньей...

Внезапно я ощущил во всем теле слабость и онемение и замолчал. Так бывает, когда смотришь на звезды, думаешь о бесконечности вселенной и вдруг чувствуешь, что вот-вот заплачешь. Это не отчаяние и не сентиментальность, а соединенное действие сознания собственной ограниченности и физической немощи.

— Но... — Это слово само собой вырвалось у меня, и я стал искать, что сказать дальше. — Что стало с моим сыном?

— Все хорошо, — донесся откуда-то издалека теплый голос Вады. — Это наш лучший вам подарок, сэнсэй.

**38** А затем машина рассказала такую историю. Жил один юноша. Он был практикантом на подводных нефтепромыслах. Однажды он помогал ремонтировать радиомачту — она была укреплена на пластиковом поплавке и плавала по поверхности — и случайно вылез из воды без воздушного скафандра. (Это герметический костюм с приспособлением для постоянного притока к жабрам свежей морской воды; подводные люди пользуются им во время работ на воздухе.) С тех пор он не мог забыть этого странного ощущения. Но такие вещи были строго запрещены медицинским надзором. За них наказывали. Поэтому юноша никому ничего не рассказал, и это сделалось его тайной.

Но того беспокойного ощущения, будто ветер что-то унес с его кожи, забыть он не мог, и он стал все чаще покидать город и плавать вдали от других людей. Он уходил на подводное плато, которое, как

говорили, было когда-то сушей. На таких местах во время приливов и отливов возникали стремительные течения и водовороты, со дна поднималась муть, образуя причудливые полосы и принимая форму подвижных скал, и все вокруг заволакивалось туманом. Юноша вглядывался в этот туман и представлял себе облачка в небе. Разумеется, облака в небе были и теперь, и он не раз видел их в кино на уроках. Но теперь все облака были одинаковы. Говорят, что давным-давно, когда земной шар покрывали огромные материки и рельеф суши был очень сложным, это заставляло облачка принимать бесконечно разнообразные формы. Интересно, на что это было похоже, когда по небу плавали такие призраки, и какие чувства испытывали древние наземные люди, когда глядели на них?

Правда, сами наземные люди не были для юноши диковинкой. Их всегда можно видеть в воздушных комнатах музея. Вялые и безжизненные на вид, они неуклюже передвигаются среди издревле привычных им предметов обихода, придавленные к полу силой тяготения. Верхняя часть туловища у них непомерно огромна, потому что заключает в себе воздушный насос, именуемый легкими. Они совершенно беспомощны — для того чтобы принять самую обычную позу, им приходится пользоваться так называемым стулом. Нет, вряд ли они могут иметь отношение к мечте. На уроке искусствоведения юноши рассказывали, каким беспомощным и варварским было искусство в древности.

Например, музыка... По определению это искусство, основанное на колебаниях... Колебания разных частот распространяются в воде и воспринимаются всей поверхностью тела. Но для наземных людей музыка состояла в колебаниях воздуха. И эти колебания наземные люди воспринимали не всем телом, а только крошечными органами, которые называются барабанными перепонками. Естественно, что их музыка была примитивной и монотонной.

Этому нельзя не поверить, когда видишь наземных людей в музее. Впрочем, как у них все обстояло в действительности, вообразить себе невозможно. Может

быть, это был какой-то особенный мир, совершенно отличный от того, каким он представляется из-под воды? Легкий изменчивый воздух... Изменчивые облака, танцующие в небе... Нереальный мир, исполненный всевозможных фантазий...

Книги по истории рассказывают, как храбро сражались и умирали предки на этой великой суше, обители смятения и муки. У них было отсталое сознание, но они обладали так называемым «духом борьбы». И несмотря на консерватизм, у них достало мужества погрузить в собственное тело хирургический нож и дать начало подводному человеку. И, как говорится в книгах, каковы бы ни были их побуждения, надо быть благодарным им за это их мужество.

Но почему мужество и отвага не ощущаются в наземных людях, которые в музее? Учитель объяснил, что их деградация связана с потерей ведущей роли в обществе. Возможно, это и так, но что, если в них есть нечто такое, чего нам не дано понять? И никак нельзя согласиться с тем, что у них никогда ничего не было, кроме «духа борьбы»... Юноша много думал обо всем этом, хотя, разумеется, не так последовательно. С тех пор как ветер коснулся его кожи, мир прошлого за воздушной стеной обрел для него странную притягательную силу. Наука наземной эпохи достигла довольно высоких ступеней развития. Наземной эпохе отведено немало страниц даже в учебниках для начальной школы. Но о внутренней жизни наземных людей не говорилось почти ничего, если не считать упоминаний об особенностях их системы ощущений. Исследования в этой области не поощрялись из страха перед «болезнью суши»: эта болезнь была всего лишь видом нервного расстройства, обусловленного природным предрасположением, но почему-то носила характер идейной инфекции — возможно, потому, что история подводной эпохи была еще короткой и в общественном устройстве оставались еще детали спорные и чреватые ошибками. Соблазн нарушить это табу тоже подстегивал юношу.

Теперь он украдкой уплывал из города ежедневно после работы. Все свободное время он кружил на под-

водном скутере в поисках следов жизни наземных людей. Под волнами, сияющими тусклым голубым светом, как перевернутое зеркало, он проплыval над подводными пастбищами, огибая метеостанции, подвешенные на бесчисленных буях, проносился сквозь столбы воздушных пузырьков, извергаемых подводными заводами.

Но за такое ограниченное время ему не удавалось достичь места, где, встав на ноги, можно высунуть голову из воды. В окрестностях его города суши уже давно не было.

Однажды юноша остановил учителя музыки и задал вопрос: не была ли музыка наземных людей чем-то вроде ветра, который они воспринимали не только ушами, но и всей кожей? Учитель отрицательно покачал головой.

— Ветер есть простое движение воздуха, а не колебание.

— Но ведь существовало выражение «песня несется по ветру»?

— Вода передает музыку, но вода не музыка... И считать воздух чем-то большим, нежели простое промышленное сырье, значит впасть в мистицизм.

Но юноша почувствовал в ветре нечто большее, чем промышленное сырье. Учитель ошибается. И юноша решил, что он еще раз сам проверит, музыка ветер или нет.

Через некоторое время наступили трехдневные каникулы. Воспользовавшись этим, юноша со своими товарищами сел на прогулочный корабль для экскурсии по историческим местам. Этот быстроходный корабль за половину дня доставил их к гигантским руинам, которые в древности назывались «Токио». Там туристские базы, оборудованные всем необходимым, магазины удивительных сувениров, всемирно известный зоопарк с наземными животными. Там можно побродить и погоняться за рыбами по заброшенным лабиринтам и ущельям между нагромождений бесчисленных бетонных коробок. Это интересно, сопряжено с некоторым риском и приятно щекочет нервы. А если подняться над руинами, то можно разглядывать

сверху странную сеть улиц. Улицы — это вроде тоннелей, только без покрытия. Наземные люди были прикованы к земле и могли пользоваться только горизонтальными плоскостями, вот для чего им были нужны улицы. Какая бесполезная трата пространства!.. На первый взгляд это кажется смешным, но если вдуматься, зрелище грандиозное. Следы мучительной борьбы предков с землей... Следы их усилий избавиться от силы тяготения и стать легче... Ведь у них даже пустой пластиковый коробок падал сверху вниз... Боролись друг с другом за кусочки земной поверхности... Передвигали свои тела, попирая сушу тонкими ногами... Суша, ветер, а вода в этом громадном пустом пространстве падала сверху вниз редкими каплями...

Но у юноши не было времени предаваться размышлениям об этих диковинных вещах. Восторженность и любопытство он оставил своим наивным приятелям, а сам незаметно отстал от них и один поплыл дальше. Если плыть в течение суток на северо-запад, он достигнет клочка суши, о котором упоминали на уроке географии. Садилось солнце, наступало время, когда волны сияют особенно красиво; но чем дальше он плыл, тем монотоннее и мрачнее становилось все вокруг. Эти места, лишь недавно поглощенные морем, еще, казалось, носили на себе отпечаток смерти.

Он обернулся и посмотрел на огни платформы для обозрения, висящей над руинами Токио, как огромная светящаяся рыба. Ему вдруг стало страшно и захотелось вернуться, но ноги сами забили по воде, увлекая его в противоположную сторону...

Юноша плыл и плыл... Постепенно пейзаж под ним становился все более диким, появились рифы и глубокие ущелья... Торчали шипами мертвые остовы наземных растений... Едва заметные белесые пятна на склоне какого-то холма — должно быть, кости наземных животных, загнанных и убитых наступающим морем...

Юноша плыл всю ночь. По дороге он три раза останавливался передохнуть и подкрепиться сладким же-

и поймаными рыбешками. Он никогда раньше не плавал так долго без скутера и теперь от усталости не чувствовал ни рук, ни ног. Но он продолжал плыть и на рассвете, наконец, достиг цели. Дно здесь поднималось и выступало над водой. Это и была суши. Маленький островок в полкилометра окружностью, едва выдвигавшийся над поверхностью моря.

Напрягая последние силы, он выполз из воды. В своем воображении он представлял себе, как встает во весь рост и услышит музыку ветра, но едва он покинул море, как вся тяжесть мира вдруг навалилась на него. Он проник к земле и не мог пошевелиться. С огромным трудом он смог поднять один палец. И вдобавок было страшно тяжело дышать, словно во время спортивной борьбы, когда запрещенным приемом зажимают жабры. Но он не обратил на это внимание, ведь кислород есть и в воздухе.

А желанный ветер дул. Ветер коснулся его глаз, и, как будто в ответ, из глаз что-то полилось. Он был доволен. Это слезы. Значит, «болезнь суши»... Ему уже не хотелось двигаться.

Очень скоро он перестал дышать.

Сменили друг друга несколько десятков дней и ночей. Море поглотило и этот маленький островок. Труп юноши еще долго качался на волнах.

А я? Я могу поднять палец? — подумалось мне. Нет, кажется, не могу. Пальцы тяжелы, словно свинцовые. Как у этого подводного мальчика, который выполз на берег.

Где-то далеко раздался гудок электрички. С грохотом проехал грузовик. Кто-то тихо кашлянул. Потом, паверное от ветра, дважды сотряслись стекла в оконных рамках.

К двери, словно прилипая к полу, медленно приближались шаркающие шаги моего убийцы в брезентовых туфлях. Я все еще никак не мог поверить...

Неужели человек имеет обязательства только потому, что существует?.. Да, вероятно, так, в споре между отцами и детьми судят всегда дети... Созданные судят создателей, что бы там создатели ни думали, это, вероятно, закон действительности.

Шаги остановились за дверью.

Конец

---



Тотало-  
скоп

**Е**сть пословица: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Но я, вероятно, жаден от природы, я не мог примириться с тем, что нельзя поймать сразу двух зайцев, а потому придумал способ слить двух зайцев в одного. Уж одного-то зайца поймать не так трудно. Но поскольку этот мой заяц состоит все-таки из двух, тело его как бы спито из двух частей, причем шов сам бросается в глаза. На вид мой заяц неказист, да с этим уж ничего не поделаешь. Впрочем, если разрезать его по шву, то каждая половина в качестве отдельного зайца могла бы с успехом иметь самостоятельное хождение. Таким образом, моего сборного зайца можно использовать дважды. Например, при переписке двух корреспондентов. Один пошлет другому первую половину, другой в ответ пошлет вторую. Все равно хуже, чем при погоне за двумя зайцами, не будет.

Итак, намереваясь, по пословице, сбить одним камнем двух птиц, я презентую переднюю часть своего составного зайца любителям научной фантастики, а заднюю часть — любителям детектива.

Прошу вас, Кимура-сан, мы ждем вашего рассказа... Да, одну минуту! Пока вы будете излагать первую, научно-фантастическую половину рассказа, вам, пожалуй, лучше не говорить, кто вы такой... До второй половины будьте простым, незаинтересованным рассказчиком.

**П**онятно. Итак, господа, по желанию автора я не стану представляться вам, пока не подойду ко второй, детективной части рассказа. Заметьте, однако, что рассказ этот странен и удивителен, какова бы ни была моя профессия. Мало того, соль первой половины рассказа не имеет никакого отношения к моему существованию... Вернее, мое существование можно совершенно игнорировать... Впрочем, довольно предисловий. Э-э... Коротко говоря, вся эта история... Если рассказывать все по порядку... Э-э... Скажите, приходилось ли вам слышать когда-либо о «Плане Т»? Нет? Ну, тогда о плане «Тотаско»? Тоже не слыхали? Ну, а если я скажу, что «Тотаско» — это сокращение от слова «Тоталоскоп»? Уж теперь-то вы должны вспомнить... Что? Объемное кино? Нет, нет, ничего подобного. Сказать так — это все равно, что вообще ничего не сказать... Идея тоталоскопа на сто голов выше первобытной идеи объемного кино.

Начнем с того, что изображение в объемном кино, как бы реалистично оно ни выглядело, проецируется на экран, который всегда находится вне зрителя. Это всего лишь развитие идеи стационарного плоского кино. Другое дело — тоталоскоп. Тут экран создается внутри зрителя. Понимаете? Внутри! Тоталоскоп коренным образом отличен от кино, воздействующего на элементарные органы чувств: на зрение, слух, обоняние. И если уж говорить о кино, то слово «объемное» следует заменить словом «совершенное» или «абсолютное».

Дело в том, что тоталоскоп одновременно и

всесторонне воздействует на всю сенсорную систему человека, на все его нервы, ведающие ощущениями и восприятиями. В тоталоскопе зритель не просто слушает и смотрит то, что ему демонстрируют, он воспринимает действие как участник его. В тоталоскопе изображение передается не светом и не звуком, а электрической стимуляцией непосредственно клеток головного мозга и нервов. А кинофильму в нем заменяет род магнитной записи, которая переводит изображение на язык напряжений, частот и интенсивностей.

«План Т» можно было бы назвать квинтэссенцией последних достижений науки. Он предусматривал использование всех новейших открытий в области нейрофизиологии и электроники. Компания «Тоё-эйга» вложила в него деньги и вот за три года до описываемых событий начала его осуществлять. Работы велись в строжайшем секрете. Но полностью тайну соблости не удалось. Да это и понятно. Разве можно сохранить в тайне создание чудодейственного средства, воскрешающего киноизделия, которая погибает в конкурентной борьбе с телевидением? И не удивительно, что «План Т» вскоре подвергся всевозможным давлениям извне. Особенно тяжело было с капиталовложениями. Чтобы выйти из тупика, президент компании «Тоё-эйга» господин Куюма решил основать отдельное акционерное общество «Т», во главе которого он поставил некоего господина Уэду, одного из преданных ему директоров-распорядителей.

Ну вот, такова в общих чертах подоплека... А теперь я расскажу о необычайных происшествиях, имевших место во время первого пробного просмотра первых тоталоскопических фильмов после того, как «План Т» был осуществлен. Впрочем, сначала, пожалуй, следовало бы вкратце изложить историю создания этих фильмов.

Если конструирование аппаратуры оказалось невероятно трудным делом, то и проблема сценария не была пустячком. Ведь какая-нибудь обычная история, где кто-то входит, а кто-то выходит, для тоталоскопического фильма не имела никакого смысла. И вот групп-

па специально подобранных писателей дни и ночи на-  
пролет обсуждала вопрос, как лучше использовать  
в сценарии все возможности тоталоскопа.

В чем главная особенность тоталоскопического сце-  
нария? Само собой, зритель тоталоскопического филь-  
ма — не стороннее, третье лицо по отношению к дей-  
ству, он — непосредственный участник действия,  
причем не наблюдатель, а главный персонаж.

Из этого и старались исходить, работая над сцена-  
рием. Сценарная комиссия пришла к выводу, что тота-  
лоскопические ленты могут быть трех типов:

*A*. Запись осуществленных желаний.

*B*. Запись необычайных приключений в простран-  
стве.

*B*. Запись необычайных приключений во времени.

Попробую вкратце объяснить, что здесь имелось  
в виду.

*A* — это, например, счастливая любовь. Жизнь  
в качестве императора. Перевоплощение в красавца  
или красавицу, в полновластного диктатора и осущест-  
вление всех желаний. Перевоплощение в миллионера...  
и тому подобное.

Что касается *B*, то здесь речь идет, например, о том,  
чтобы летать по воздуху, стать невидимкой. Совершить  
путешествие на Марс. Испытать ужас при встрече  
с чудовищем. Совершить убийство, ограбление, другое  
какое-нибудь преступление... и прочее.

Относительно *B* мнения членов комиссии раздели-  
лись. Одни считали, что передать сжатый опыт долгой  
жизни невозможно. Другие возражали. Соображения  
первых сводились к следующему. В обычном кино сжатие  
времени не более чем внешний прием, когда временные  
интервалы минуются посредством психологического  
скачка. В тоталоскопе, где зритель все должен перес-  
жит на личном опыте, такой скачок совершенно не-  
возможен. Но возражавшие опровергали эти доводы,  
указывая на относительность времени. Действительно,  
если магнитофонную запись игры оркестра, продол-  
жившейся час, прокрутить за десять минут, обычный  
человек не услышит ее. Но если этот человек  
будет двигаться во времени со скоростью, соответству-

ющей темпу воспроизведения, он воспримет игру ор-  
кестра так же, как если бы она продолжалась час.

Рассмотрев доклад комиссии, правление решило:

1. Записи типов *A* и *B* можно, по-видимому, соче-  
тать в одном сценарии.

2. Принимая во внимание, что председатель прав-  
ления господин Уэда проявил к записи типа *B* особый  
интерес, следует попытаться в виде эксперимента со-  
здать сценарий на основе такой записи.

Что ж, это было разумно. Ведь если бы экспери-  
мент удался и оказалось возможным передавать опыт  
пятичасового бытия за пять минут, это дало бы колос-  
сальный выигрыш даже с точки зрения коммерче-  
ской...

И вот, руководствуясь указаниями правления, сце-  
нарная комиссия быстро состряпала два проекта экспе-  
риментальных сценариев: один — на основе сочетания  
записей *A* и *B*, другой — на основе *B*.

Сценарий на основе *A* и *B* сочетал приключения  
при встрече с чудовищем и счастье разделенной люб-  
ви. Но первоначальный вариант сюжета имел неколько  
ко иной вид.

Некий юноша получает карту острова сокро-  
вищ — какого-то островка в Южных морях. Прибыв  
на остров, он обнаруживает, что там живет доистори-  
ческое чудовище Дзогаба. Юноша несколько раз по-  
падает в опасные ситуации, однако с честью выходит  
из них, находит в конце концов сокровища и становится  
мультимиллиардером.

— Не хватает женщины! — тут же заявил один из  
членов комиссии.

— И потом нужно, чтобы герой защищался от  
чудовища каким-нибудь остроумным способом, — доб-  
бавил другой.

Проект сценария передали на доработку второму  
писателю. В измененном виде сюжет выглядел так.

Некий юноша получает карту острова сокровищ.  
Это островок в Южных морях, и юноша попадает на  
него после долгого путешествия на корабле. Вместе  
с ним на берег высаживается влюбленная в него дев-  
ушка, плывшая на корабле зайцем. Вдобавок на ост-

рове проживает первобытное чудовище Дзогаба. Девица беспомощна и ничего не умеет делать. Юноша ее бранит, и она горько плачет. Но вот нападения Дзогабы ставят юношу в очень стесненные обстоятельства. И тут именно девушка обнаруживает у чудовища слабое место. Дзогаба начисто лишен обоняния! И он решительно не способен отличить человека от чучела. Молодые люди совместными усилиями изготавливают чучело, подсовывают его Дзогабе и, пока чудовище отвлечено, благополучно отыскивают сокровище. Юноша преисполнен благодарности к девушке, и они счастливо соединяются...

Члены комиссии животы надорвали от смеха. Они признали, что это самая нелепая история, какую им приходилось слышать, и она, несомненно, отвечает вкусам публики. А когда проект был утвержден (после нескольких мелких поправок и уточнений; так, решили сделать юношу молодым ученым, а девушку взять самую сексуальную, какую можно найти), один из членов комиссии, специалист по психологии кино, задал чрезвычайно важный вопрос:

— Простите, господа, а кто в этом сценарии главное действующее лицо? В кого будет перевоплощаться зритель?

— Ну, разумеется, молодой ученый... А, вот что вы имеете в виду! Вы думаете, что когда зрителем будет женщина, это может вызвать затруднения?

— Вовсе нет. Как раз это не имеет никакого значения. Ведь известно, что самое большое желание любой женщины — это стать мужчиной... Нет, дело не в этом. Вот у меня сложилось впечатление, что сюжет этот уж слишком похож на сюжеты фильмов обычного кино.

— Что же вы предлагаете?

— Видите ли... Короче говоря, по моему глубокому убеждению, главным действующим лицом следует сделать это самое чудовище.

— Чудовище?! — в один голос вскричали все члены комиссии. — Дзогаба — главное действующее лицо! Да это эпохальная идея!.. Да это потрясающе!.. Гениальная мысль!

— Одну минуту, дайте мне договорить. Вовсе это не счастливое озарение, а просто логическое умозаключение. Почему фильмы о чудовищах одно время так притягивали публику? Потому что это рассказы о победе разума над грубой силой? Чушь! Публику привлекала свирепость чудовиц! И это легко доказать. В тех фильмах, где самые ужасные чудовища оказывались смиренными, как статуи Будды, публика не была заинтересована. На такие фильмы ходило вдвое меньше зрителей. Да, публику притягивало именно сверхзверство монстра... совершенно так же, как ее притягивают жестокие фильмы о войне... ее бесчеловечность! И именно поэтому даже в старых, обычных фильмах чудовищ старались делать главным действующим лицом. Разумеется, пока экран находился вне зрителя, переместить ощущения чудовища в зрителя было невозможно, и мне кажется, только поэтому продюсерам приходилось идти на идею победы человека над зверем.

— Действительно! Тоталоскоп дает возможность переместить в зрителя ощущения любого существа, и нам не стоит стесняться чудовища — главного героя, не так ли?

— Совершенно верно. А какая это полировка крови — в наш просвещенный век превратиться на часок в свирепое непобедимое чудовище и всласть побуйствовать!

— Да, да! Не говоря уже о том, что, сделав чудовище главным действующим лицом, мы сразу удовлетворяем и требованию типа *A* — осуществление желания и требованию типа *B* — необычайные приключения в пространстве... Великолепно! Дух захватывает, как представишь себе это!

— Вот только как быть с любовью? — тихонько сказал один из членов комиссии. — Она у нас выпала...

— Ничего подобного! Вставим в сценарий самку Дзогабы, и все будет в порядке. Любовь в первозданном виде. Колossalная любовь! Ну, не прекрасно ли это?

— Замечательно! Колossalная любовь?  
Члены комиссии ржали, утирая слезы. Так благопо-

лучно закончилось обсуждение проекта первого экспериментального сценария.

Со вторым сценарием — о необычайном опыте во времени — дело обстояло сложнее. Слишком уж четко была определена задача. Между тем длительность временных промежутков сама по себе создавала ощущение монотонности, что неизбежно вело к скуке. Сразу же решили, что сценарий должен быть биографическим, жизнеописательным и называться «Жизнь такого-то». Но вот кого взять субъектом кинобиографии? Долго перебирали разные возможности, но остановились на какой-либо так и не смогли. Тогда список претендентов сократили до четырех человек и решили предоставить все слушаю — вытянуть жизнеописание по жребию. Вот этот список:

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА.

ЖИЗНЬ ТОЁТОМИ ХИДЭСИ \*.

ЖИЗНЬ БЕТХОВЕНА.

ЖИЗНЬ ЛЕДИ ЧАТТЕРЛЕЙ.

Жребий пал на «Жизнь Наполеона».

Когда сценарий был готов, приступили к изготовлению таталоскопических лент. Сначала перевели сценарий на язык электронной машины. Затем вложили его в электронную машину. Ни актеров, ни декораций не требовалось. В машину уже были заложены всевозможные элементы актерской игры, различные чувства, пейзажи. Правда, совершенно уникальные представления, как, например, облик Дзогабы, пришлось моделировать специально и вводить в программу машины дополнительно...

Ленты были готовы.

Несколько днями позже закончился монтаж таталоскопического оборудования. Решено было произвести пробный просмотр. Были приглашены дельцы и работники кино, а также корреспонденты газет.

Гостей собрали в подвале здания лаборатории, помещении несколько убогом. Но в тот день там царила атмосфера необыкновенного волнения и жадного любопытства. И недаром. Ведь если эксперимент увенчает-

\* Один из военных диктаторов феодальной Японии. (Прим. перев.)

ся успехом, это будет не только революция в киноделе. Это будет означать, что кино вновь займет королевское положение в промышленности развлечений...

Люди настороженно оглядывались, переговаривались вполголоса:

— А где же экран?

— Говорят, экран им не нужен. Фильм демонстрируется прямо в мозгу зрителя или что-то в этом роде...

— Ну и ну! Но тогда каждому зрителю надо придать какой-то аппарат...

— А вот он, смотрите... Видите, эта камера...

— Хо-хо-хо! И туда нужно входить? Да, это нечто совсем новое...

Все с любопытством смотрели на сверкающий металлический ящик величиной с телефонную будку. Затем перед ящиком появился президент «Тоё-эйга» господин Куюма.

— Позвольте, господа, — начал он, — поблагодарить вас всех за то, что вы в такой радостный для нас день почтили нас своим присутствием. Вы, должно быть, уже знаете из пригласительных билетов, что самоотверженные усилия председателя правления акционерного общества «Т». господина Уэды увенчались, наконец, успехом. Таталоскоп, это чудо нашего века, создан. Древний западный философ Аристотель как-то сказал, что жизнь человека есть его опыт. Изобретение таталоскопа безгранично обогащает этот опыт, широко раздвигает рамки человеческой жизни. Отныне оказывается возможно за небольшую плату пережить биографию любого великого человека. И вот о чем я подумал, когда господин Уэда доложил об окончании работ. Жизнь прожита недаром! Наш замысел осуществился. И те, кто вложил капитал в это дело, несомненно, удовлетворены. А почему? Дело в том, что таталоскоп — это не просто новый вид кинематографа. В отличие от всех других видов искусства он создает неслыханно тесную связь со зрителем. Ведь старое кино и телевидение были для зрителя всего-навсего источником мимолетных удовольствий. Другое дело — таталоскоп. С его появлением людям нечего будет ворчать на скуку и однообразие существования. Они

смогут выбирать себе биографии по вкусу. Мне думается, если позволят им средства, они всю жизнь будут торчать в таталоскопических боксах. Да возьмите хотя бы меня. Я стар и последние годы своей жизни хотел бы провести при помощи таталоскопа веселым юношей, так и умереть во сне... А потому... Это, конечно, пока только мое личное мнение, но в ближайшем будущем разумно будет учредить нечто вроде «Т-страхования». Пока человек молод, он вносит деньги, а к старости, когда наберется установленная сумма, он получает в свое распоряжение таталоскопический бокс и живет жизнью других людей. Тогда исчезнет это чудовищное противоречие нашего существования: пока мы молоды, мы вынуждены работать, а едва успеваем обеспечить себя, как наступает старость. Подумайте, каждый стариk сможет встретить свой последний день веселым, прекрасным юношем... Поистине ничего лучше еще не было. Разве это не благодеяние для всего рода людского? Нет, это великолепно. Я уверен, что идея «Т-страхования» будет всеми встречена с восторгом. Уже теперь не приходится сомневаться, что таталоскопическая промышленность станет самой процветающей отраслью производства...

Он с торжеством оглядел собравшихся. Многие гости удовлетворенно кивали, другие, словно побитые, отводили глаза и упорно глядели на кончики носков своей обуви. Среди этих унылых и подавленных были не только руководители других кинокомпаний и держатели акций телевизионных фирм, но и бывшие члены руководства «Тоё-эйга», те, кто всеми силами противился выделению «Т» в качестве дочерней компании. Ничего не поделаешь, приходилось делать вид, будто только и ждешь случая приобрести на деньги, полученные при выходе из дела, таталоскопическое оборудование...

После приветственного слова господина Куюмы поднялся главный технический руководитель и коротко объяснил принцип действия аппаратуры.

— Поскольку таталоскоп в отличие от обычного кино не имеет внешнего экрана, а создает внутренний, этих экранов, естественно, должно быть столько же,

сколько зрителей. Вот этот бокс, который вы, господа, видите перед собой, и содержит необходимые устройства для создания у зрителя внутреннего экрана. Зритель входит сюда, садится на стул и по указанию служителя, передаваемому по телефону, производит манипуляции с кнопками и верньерами на пульте перед собой. Вот и все. Далее аппаратура автоматически настраивается на индивидуальные характеристики зрителя и сама пускает в ход демонстрационное устройство. В нынешней модели приемопередатчик работает на проводной связи, но в будущем мы перейдем на радио и надеемся, что со временем таталоскопические боксы станут достоянием любой семьи... Но пора начинать демонстрацию. К сожалению, за один раз мы можем показывать фильм только одному зрителю. Но мы постараемся удовлетворить всех желающих одного за другим, насколько нам позволит время. Первым же зрителем таталоскопа по нашему решению будет ведущий киноартист компаний «Тоё-эйга», звезда экрана господин Оэ Куниёси. Вторым зрителем по праву будет практический руководитель работ над таталоскопом, председатель акционерной компании «Т» господин Уэда... Господин Оэ, прошу вас. Первый таталоскопический фильм называется «Дзогаба в Токио».

Продолжительные аплодисменты. Оэ нарочито беспечно, со всем известной ослепительной улыбкой пожимает руку господину Куюме и при помощи служителя забирается в бокс. Дверь бокса закрывается. Вспыхивает красная лампа, затем ее сменяет зеленая.

— Настройка закончена, — объясняет техник.

Фильм начинается. Гости освежаются пивом и коктейлями и переговариваются между собой:

— А что это такое «Дзогаба в Токио»?

— Говорят, что зритель в этом фильме перевоплощается в доисторическое чудовище...

— Ха! Это самая подходящая роль для господина Оэ...

Зеленая лампа гаснет, снова зажигается красная.

— Демонстрация закончена, — объявляет техник. — Сейчас господин Оэ расскажет нам, что он перевучивал и пережил... Между прочим, господа, из-

вините меня, но прошу вас на время отойти подальше, вот в тот угол. Есть основания опасаться, что господин Оэ в настоящий момент все еще сильно возбужден. Имейте в виду, он только что был чудовищем Дзогабой, минуту назад он сеял в Токио смерть и разрушения, стремясь освободить из зоопарка свою самку Дзорэрю, закованную в цепи толщиной в десять сантиметров...

Взрыв хохота. В ту же секунду дверь бокса распахивается, и оттуда, потрясая скрюченными, как когти, пальцами и скрипя зубами, вылетает господин Оэ. Он издает страшный рев и бросается на служителя. Тот с визгом кидается бежать. Господин Оэ мчится за ним. Фотокорреспонденты мчатся за Оэ. Гостей охватывает паника.

— Господин Оэ! — кричит другой служитель. — Господин Оэ! Фильм закончен!

Оэ поворачивается и набрасывается на него. Он хорошо вошел в эту роль, как и подобает опытному актеру. Лицо его ужасно, движения хищные и угрожающие. Свирепость Дзогабы так и выпирает из него. И страшно то, что он все никак не может прийти в себя. Среди приглашенных несколько дам, визг и шум поднимаются не на шутку. Наконец четверо или пятеро наиболее сильных мужчин набрасываются на господина Оэ, одолевают его и выволакивают из помещения.

— Спокойствие, господа! — кричит технический руководитель. — Все уже в порядке! Ему сейчас дадут успокоительного, и он очнется... Но каков эффект! Успех выше всяких ожиданий!.. Видимо, зрителям в порядке профилактики придется перед демонстрацией давать что-нибудь... Нет-нет, разумеется, только в тех случаях, когда фильмы такие острые и впечатляющие... Нужно будет рассмотреть этот вопрос... Э-э... Однако перейдем к следующему фильму. Он называется «Жизнь Наполеона». Впрочем, не знаю... Господин Уэда, как вы, не отказываетесь?

— Я готов... Я готов... Я не так молод, как господин Оэ... и темперамент у меня не тот... Я гарантирован...

В напряженной атмосфере еще не остывшего волнения вспыхивает смех. Господин Уэда, дергаясь всем своим маленьким туловищем на коротких ножках, скрывается в боксе.

Красная лампа... Зеленая лампа.

— Да, вот это успех!

— Прямо-таки потрясающий... При неосторожном обращении с этой машиной можно таких дров наломать...

— Но если применять ее умело, подумайте, какие возможности в воспитании добродетельного человека...

— Как бы то ни было, ясно, что это величайшее изобретение века...

— Да, старое кино и телевидение уходят в безвозвратное прошлое...

— Между прочим, жизнь Наполеона в этом фильме показывают от рождения до самой смерти?

— Вряд ли...

— Но ведь говорили же о сокращении опыта во времени...

— Нет, просто переживания, связанные со смертью, неприятны... Скорее всего фильм доводится до того момента, когда он становится императором и находится в зените могущества...

— Гм... Могу себе представить, каким надутым выйдет из бокса господин Уэда...

Зеленый огонь гаснет. Зажигается красный. Гости ждут затаив дыхание. Дверь открывается.

Но господин Уэда не выходит. В чем дело? Переволновался? Не выдержало сердце?

Взволнованный служитель боязливо заглядывает в бокс и вдруг кричит:

— Беда! Он исчез!

Исчез? Что за чепуха? Гости обступают бокс. Да, как это ни странно, служитель прав. Господин Уэда исчез.

Под столом валяются брюки и пиджак, сорочка осталась — рукава в рукавах пиджака, пуговицы застегнуты, галстук завязан. Невероятно! Господин Уэда не снимал одежду, он просто исчез внутри нее!

— Что же произошло в конце концов?

Все разом повернулись к техническому руководителю. Тот, бледнея под обвиняющими взглядами десятка пар глаз, говорит, зашинаясь:

— Невероятно... И тем не менее факт... Страшный факт... Я человек науки, и я не могу не признать, что факт есть факт... Не могу обманывать вас, ссылаясь на сверхъестественные обстоятельства... Видимо, это наша вина. Объяснить исчезновение господина Уэды можно только так... Фильм «Жизнь Наполеона» включает в себя сжатый опыт примерно двенадцати лет жизни. Но, как видно, абсолютность тоталоскопа не ограничена просто психологическим опытом, она включает и физиологический опыт. А если это так, то картина ясна. За двенадцать лет жизни Наполеона господин Уэда не принял ни грамма реальной пищи, он держался исключительно на электрической стимуляции. Клетки его организма постепенно замещались электромагнитными импульсами, и едва фильм закончился, его тело исчезло... Я виноват... Готов нести заслуженную кару... Вся ответственность на мне...

Пораженные гости не успевают усвоить сказанное, как приходит сообщение от врача, пользующегося господина Оэ. Это страшное сообщение полностью подтверждает догадку технического руководителя. За несколько десятков минут, проведенных в боксе, организм господина Оэ претерпел огромные изменения. Странно развилась мускулатура. Появились дикие, свирепые рефлексы...

Среди гостей воцарилось тяжелое молчание. Господин Куйма стоял подавленный, безучастный ко всему. И недаром. В одно мгновение блестящий успех обернулся таким поражением.

Внезапно заговорил один из бывших членов руководства «Тоё-эйга», из тех, кто до конца противился «Плану Т».

— Послушайте, Куйма, всему должен быть предел! Вы растратили на эти дурацкие, сумасшедшие машины половину капиталов фирмы! Вы понимаете это, Куйма? Вы разорили фирму!

Напряженная тишина... Осторожные шаги гостей, один за другим направляющихся к выходу... Только

фотокорреспонденты хладнокровно и без устали снуют вокруг...

— Я еще не теряю надежды, — с трудом говорит господин Куйма.

— Не теряйте! — с издевкой восклицает бывший член правления. — Тогда вы, может быть, в доказательство соблаговолите сами войти в бокс?

Господин Куйма молча опускает голову.

Ну вот, рассказ на этом закончен. В вихре упреков и обвинений со стороны вкладчиков акционерная компания «Т» объявила себя банкротом... Господин Уэда исчез, его нельзя было даже кремировать и похоронить... Без шума и без помпы ушел со своего поста господин Куйма.

Ну что? Как вам понравилась передняя часть моего зайца — для любителей научной фантастики?.. А теперь приступим к его задней части — для сторонников так называемой логической литературы. Господин Кимура, будьте любезны пояснить, кто вы такой...

---

**П**ожалуйста. Сказать по правде, я частный детектив, директор-распорядитель и по совместительству старший детектив частного сыскного агентства «Кимура». Как я был замешан в эту историю с «Планом Т» и какую роль пришлось мне там играть?..

У меня под рукой одна магнитофонная пленка. Это запись моего разговора с господином Куюмой, когда он нанес мне визит. Желаю прослушать?..

— Я имею честь говорить с господином Кимурой из агентства «Кимура»?

— Да. Я руководитель агентства.

— Понятно, понятно... А я президент компании «Тоё-эйга»...

— Я знаю. Вы господин Куюма, не правда ли?

— Но это строго между нами, хорошо?

— Непременно. Итак, чем могу быть полезен?

— Прежде всего я хотел бы... Видите ли, прежде чем рассказать вам о моем деле, я вынужден получить от вас согласие... Это дело вы должны взять на себя сами, лично. Таково условие.

— Ясно. Раз господин президент требует, чтобы я взялся за его дело самолично, значит, дело очень серьезное. В чем же оно состоит? Нужно проследить за поведением какой-нибудь знаменитой кинозвезды?

— Чушь.

— Необходимо разведать планы какой-нибудь другой фирмы?

— Ничего подобного. Короче говоря, выслушайте меня... Но прежде скажите, сможете ли вы взять на себя... Видите ли, если вы откажетесь после того, как я изложу суть дела, мне останется только пожалеть... Деньги на расходы, разумеется, не ограничены.

— Ну, конечно, превосходно, я берусь за ваше дело с радостью.

— Хорошо, договорились... А нет ли в вашей комнате каких-либо приборов, скрытых микрофонов, фонографов?

— Что вы, разумеется, нет! (Как видите, я был не совсем искренен.)

— Дело вот в чем. Я хотел бы, чтобы вы взяли под надзор компанию «Т»...

— Надзор?

— Вот именно. Осуществляя надзор, вы не лезете в чужие постели...

— Бывает, что и лезем.

— Нет, нет, я имею в виду вовсе не эти глупости. Компания «Т» занимается разработкой чрезвычайно важного изобретения, именуемого «Планом Т», и в связи с этим у нее много врагов.

— А что это такое — «План Т»?

(Объяснения я пропущу.)

— ...Поэтому лица, осуществлявшие это изобретение, неизбежно займут ведущее положение в нашей промышленности развлечений. И именно поэтому их жизнь находится под угрозой. Вот вам пример. Уже трое наших сотрудников... эти люди, должен сказать, играли существенную роль в работе... один погиб в уличной катастрофе, другой сошел с ума, третий пропал без вести...

— Вы хотите, чтобы я разоблачил убийц?

— Отнюдь нет. Как я уже сказал вам, мне нужно, чтобы вы взяли все дело под тщательный надзор. Для меня важно не столько то, что уже произошло, сколько безопасность в дальнейшем... Завершение работы

под угрозой. Ваши услуги мне требуются для того, чтобы подобных инцидентов больше не было и чтобы впредь работа лаборатории проходила в нормальных условиях.

— Я понял вас. Приложу все силы, чтобы оправдать ваше доверие и оказать вам помощь...»

Вот как я попал в эту историю. Вы уже поняли, в чем дело? Нет, кажется, еще не поняли. Тогда я приведу один мой разговор по телефону...

Телефон 328-3388.

— Алло, это «Тоё-эйга»? Можно господина Куюма?

— Кто говорит?

— Кимура из агентства «Кимура».

— Подождите, будьте любезны...

Проходит около трех минут.

— Господин Куюма?

— А, это вы... Ну что ж, мне остается только поблагодарить вас... Вы много потрудились, но... К сожалению, как вам известно, все наши усилия пропали даром...

— Вы так думаете?

— Что вы хотите сказать?

— Согласно вашему приказу я осуществлял строжайший надзор...

— И что, собственно?.. А, расходы... Я должен оплатить вам по счету?

— Несомненно. И потому я почитаю своим долгом доложить вам о результатах своей работы...

— Нет, нет, не стоит. Теперь это уже не нужно...

— Вот как? А я ведь нашел человека, который мешал «Плану Т».

— Что вы имеете в виду?

— Я нашел преступника. И я не знаю, заслуживает ли он того, чтобы я промолчал об этом.

— Кто же он?

— Вы, господин президент... Преступник — это вы!

— Не понимаю. Что вы такое говорите? Ничего не понимаю...

— Я раскусил вас во время пробного просмотра.

Этот просмотр был сплошным надувательством... И исчезновение господина Уэды — тоже ложь. Сейчас он, наверное, скрывается где-нибудь под вымышленной фамилией. В случае чего я смог бы его отыскать...

— Что вы болтаете? Давайте ближе к делу!

— С удовольствием. Я догадался, что все это подделка, когда на сцене появился Оэ Куниёси. Выйдя из бокса, этот Оэ повел себя так, словно он и впрямь превратился в чудовище Дзогабу. Разыграно было отлично, но вы немного переборщили. И все стало ясно.

— Что значит — разыграно? Какие у вас доказательства?

— А вот послушайте. Разве так он должен был вести себя, выйдя из бокса, если бы действительно был Дзогабой? Ничего подобного. Ведь гости должны были показаться ему чудовищами-великанами, поймите! В боксе, пока он смотрел фильм, люди представлялись ему крошечными насекомыми, вроде муравьев, не так ли? А тут вокруг люди в десятки, в сотни раз крупнее! Вот, скажем, его возлюбленная, она той же породы, что и он. Не знаю, возможно, ее облик должен был казаться ему прекрасным... Но мы, реальные люди! Он должен был испугаться, увидев нас — грозных, немыслимо громадных чудовищ!.. Это был ваш серьезный просчет.

— Ну, хорошо, а для чего, по-вашему, мне понадобилось нанимать вас?

— По всей вероятности, и Оэ и сотрудники лаборатории были с вами в сговоре. И чтобы сговор ваш не был раскрыт, вы наняли меня. Я должен был не допускать никого со стороны к вашему делу. А вот те сотрудники, которые погибли в уличной катастрофе и бесследно исчезли, они-то, наверное, искренне верили в ваш «План Т». И убрать их с дороги могли только вы сами, господин Куюма...

— Чепуха, глупости! Ну, пусть даже так... Но мнено какая выгода от всего этого?

— Огромная! Под этот шум о «Плане Т» вы при-

брали к рукам огромные капиталы вкладчиков. Ведь «Тоё-эйга» находилась на грани банкротства.

— Так. И чего же вы хотите? Что вы намерены делать?

— Да ничего особенного... Я просто подумал, что вам следовало бы несколько увеличить мой гонорар... из уважения к моим трудам и усилиям.

Вот так, гоняясь за двумя зайцами, я поймал обоих.

---

## А Б Э К О Б О



прогрессивный японский писатель родился в Токио в 1924 году. Детство и юность провел в Мукдене. В 1948 году окончил медицинский факультет Токийского университета. Писать начал еще будучи студентом. Почти сразу же примкнул к литературной группе «сэнгоха» («послевоенная группа»), объединявшей писателей, которые выступали с антивоенными, антиимпериалистическими произведениями.

Произведения Абэ неоднократно удостаивались высших литературных премий Японии. Японский читатель хорошо знает его научно-фантастические повести и романы «Преступление господина Карумы», «Изобретение Р-62», «Привидения живут здесь», «4-й ледниковый период», «Песчаная женщина». В 1963 году опубликован его новый фантастический роман «Чужое лицо».

Абэ выступает за дружбу и тесное сближение между советским и японским народами. В прошлом году он посетил нашу страну.

## Содержание

От переводчика . . . . .	5
<b>ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДНИКО- ВЫЙ ПЕРИОД . . . . .</b>	<b>9</b>
ПРЕЛЮДИЯ . . . . .	11
ПРОГРАММНАЯ КАРТА НОМЕР ОДИН . . . . .	13
ПРОГРАММНАЯ КАРТА НОМЕР ДВА . . . . .	106
ИНТЕРЛЮДИЯ . . . . .	175
ОБЛИК ГРЯДУЩЕГО . . . . .	197
<b>ТОТАЛОСКОП . . . . .</b>	<b>215</b>

*Лбэ Кобо.* ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД. Редактор Б. Клюева. Художественный редактор А. Степанова. Технический редактор И. Егорова.  
Подписано к печати 3 мая 1965 г.  
Бум. 84×108<sup>1</sup>/<sub>2</sub>. Печ. л. 7,5(12,6).  
Уч.-изд. л. 11. Тираж 215 000 экз.  
Заказ 2467. Цена 59 коп. Типография «Красное знамя» изда-  
ва «Молодая гвардия», Москва,  
А-30, Сущевская, 21.

Абэ Кобо  
ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД. Пер.  
с япон. С. Бережкова. М., «Молодая гвардия»,  
1965.  
240 с. («Б-ка современной фантастики», в 15 т.,  
т. 2).  
И(Яп.)

11. 101.

ЛЮДОВІКІВСЬКІ

643